

БРЕНДОН САНДЕРСОН

Звезды
НОВОЙ
ФЭНТЕЗИ

ТОМ 1

ДАВШИЙ КЛЯТВУ

АРХИВ БУРЕСВЕТА
— КНИГА 3 —

Звезды новой фэнтези

Брендон Сандерсон
Давший клятву. Том 1

«Азбука-Аттикус»

2017

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Сандерсон Б.

Давший клятву. Том 1 / Б. Сандерсон — «Азбука-Аттикус»,
2017 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-20258-0

Предсказанная Буря бурь обрушилась на мир, вызвав новое Опустошение и вынудив человечество еще раз столкнуться с древним врагом – Приносящими пустоту; их жажду мести подпитывает злобное божество. Теперь будущее зависит только от Далинара Холина, чьи измученные сражениями войска нашли приют в древнем городе Уритиру. Но в стенах оплота Сияющих рыцарей хранятся мрачные секреты, а кровавые тайны прошлого самого Далинара мешают остальным властителям поверить в благородство его помыслов. Час нового испытания близок, однако прежде героям предстоит совершить немало странствий по просторам Рошара и выстоять в битве с темной стороной собственной души.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-20258-0

© Сандерсон Б., 2017
© Азбука-Аттикус, 2017

Содержание

Предисловие и благодарности	6
Пролог. Плакать	9
Часть первая	15
1. Разбиты и разделены	16
2. Одной проблемой меньше	21
3. Движущая сила	28
4. Клятвы	36
5. Под	47
6. Четыре жизни	52
7. Сторож на границе	57
8. Сильная ложь	68
9. Витки резьбы	75
10. То, что отвлекает внимание	79
11. Разлом	88
12. Переговоры	98
13. Дуэнья	110
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Брендон Сандерсон

Архив Буресвета. Книга

3, Давший клятву. Т. 1

Посвящается Алану Лейтону, который болел за Далинара (и за меня) еще до того, как возник буресвет

Brandon Sanderson
OATHBRINGER
BOOK THREE OF THE STORMLIGHT ARCHIVE

Copyright © 2017 by Dragonsteel Entertainment, LLC

All rights reserved Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов, JABberwocky Literary Agency, Inc. (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

Иллюстрация на обложке Майкла Уэлана

Иллюстрации Дэна Дос Сантоса, Бена Максуйни, Миранды Микс, Келли Харрис, Айзека Стюарта Заставки Айзека Стюарта, Бена Максуйни и Говарда Лиона Карты Говарда Лиона и Айзека Стюарта

© Н. Г. Осояну, перевод, 2018

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

Предисловие и благодарности

Добро пожаловать к началу «Давшего клятву»!

Путь к созданию этой книги был очень долгим. Романы из цикла «Архив Буресвета» – это весьма масштабные проекты, о чем можно догадаться по внушительному списку имен, что следует ниже.

Если у вас не было возможности прочитать «Edgedancer» – отдельную новеллу, действие которой происходит между второй и третьей книгами, – рекомендую это сделать сейчас. Она продается сама по себе и в составе сборника «Arcanum Unbounded», в который включены новеллы и рассказы, относящиеся ко всему космеру – вселенной, в которой происходит действие этого цикла, «Рожденного туманом», «Элантриса», «Убийцы войн» и других.

Тем не менее каждый цикл пишется таким образом, чтобы его можно было с удовольствием читать отдельно, ничего не зная о других циклах и книгах. Если вы заинтересовались, можете ознакомиться с более подробным разъяснением вот здесь: Brandonsanderson.com/cosmere.

А теперь приступим к параду имен! Как я часто говорю, хоть на обложке и значится мое имя, в создание каждой книги вовлечено великое множество людей. Они заслуживают моей – а также вашей! – самой искренней благодарности за неустанный труд на протяжении трех лет, которые понадобились, чтобы написать роман.

Мой главный агент, продвигающий эти (и все остальные) книги, – чудесный Джошуа Билмес из «JABberwocky». Другие работники агентства, которые трудились над ними, включая Брейди Макрейнольдса, Кристину Лопес и Ребекку Эскильдсен. Выражаю особую благодарность также Джону Берлайну из «Zeno», моему британскому агенту, и всем агентам, которые работают с нами по всему миру.

Редактором в «Тог» по этому проекту был неизменно гениальный Моше Федер. Особая благодарность Тому Догерти, который верил в проект «Буресвет» в течение многих лет, и Деви Пиллаи, которая предоставила необходимую издательскую и редакционную помощь в ходе создания романа.

Другие помощники из «Тог» включают Роберта Дэвиса, Мелиссу Сингер, Рейчел Басс и Патти Гарсия. Карл Голд был нашим менеджером по производству, а Натан Уивер – управляющим редактором, Мэрил Гросс и Рафал Гибек занимались торговым продвижением, Ирен Галло – арт-директор, Питер Лутьен – дизайнер обложки, Грег Коллинз – дизайнер внутренних иллюстраций и Карли Соммерштайн – корректор.

В «Gollanz/Orion» (издательстве в Великобритании) я благодарю Джиллиан Редферн, Стиви Финегана и Шарлотту Клэй.

Литературным редактором этой книги был Терри Макгэрри, который отлично поработал над многими моими романами. Электронную книгу готовили Виктория Уоллис и Кейтлин Бакли из «Macmillan».

Многие люди в моей собственной компании работали много часов, чтобы выпустить эту книгу. «Буресветные» романы всегда заставляют нас в «Dragonsteel» попотеть, и не забудьте показать «палец вверх» (или, в случае Питера, кусок сыра), когда повстречаете их в следующий раз. Наш менеджер и главный руководитель процесса – моя прекрасная жена, Эмили Сандерсон. Вице-президент и шеф-редактор – заряженный Питер Альстром. Художественный редактор – Айзек Стюарт.

Наш менеджер по логистике (и тот, кто отгружает вам все подписанные книги и майки, заказанные через магазин сайта brandonsanderson.com) – это Кара Стюарт. Редактор, ответственный за последовательность, – и святой хранитель нашей внутренней «вики» – Карен Альстром. Адам Хорн, мой помощник-референт и директор по рекламе и маркетингу. Ассистент

Эмили – Кэтлин Дорси Сандерсон, а наш помощник на все случаи жизни – Эмили «Мем» Грейндж.

Аудиокнигу читали мои любимые дикторы – Майкл Крамер и Кейт Рединг. Еще раз спасибо, ребята, что нашли время в вашем расписании для этого!

«Давший клятву» продолжает традицию наполнения «Архива Буресвета» прекрасными иллюстрациями. У нас снова есть фантастическая обложка от Майкла Уэлана, чье внимание к деталям дало невероятно точное изображение Ясны Холин. Мне нравится, что ей довелось сиять на обложке этой книги, и я по-прежнему польщен и благодарен за то, что Майкл отнимает время от своей работы в галерее, чтобы рисовать Рошар.

Чтобы воссоздать печатную продукцию иного мира требуются художники, работающие в разных стилях, поэтому их стало больше: Дэн дос Сантос и Говард Лион ответственны за изображения Вестников на форзацах и нахзацах. Я хотел, чтобы персонажи были выполнены в стиле, напоминающем классические картины эпохи Возрождения и более поздней эпохи романтизма, и оба, Дэн и Говард, превзошли мои ожидания. Это не просто великолепные книжные иллюстрации – это произведения искусства, и точка! Они заслуживают места в любой галерее.

Должен отметить, что Дэн и Говард также внесли вклад в создание внутренних иллюстраций, за что я чрезвычайно благодарен. «Модные» иллюстрации Дэна достаточно хороши, чтобы стать обложками, а графика Говарда для некоторых новых обозначений глав – то, что я надеюсь увидеть в будущих томах в большем количестве.

Бен Максуйни снова присоединяется к нам, предоставив девять набросков из альбома Шаллан. Невзирая на межконтинентальное путешествие, загруженность работой и нужды растущей семьи, Бен неизменно выдает первоклассные иллюстрации. Он отличный художник и прекрасный человек.

Еще свои таланты для создания полноформатных иллюстраций в этом томе применили Миранда Микс и Келли Харрис. Обе в прошлом проделали фантастическую работу для нас, и я думаю, на этот раз вам понравится их вклад.

Кроме того, множество замечательных людей помогали в качестве консультантов или содействовали в другой области художественного оформления этой книги: «The David Rumsey Map Collection», Брент из «Вудсаундз Флутз», Энджи и Мишель из «Two Tone Press», Эмили Данлей, Дэвид и Дорис Стюарт, Шари Лион, Пейден Мак-Робертс и Грег Дэвидсон.

Моя писательская группа для «Давшего клятву» (а ей часто приходилось за неделю прочитывать в 5–8 раз больше нормального объема) включала Карен Альстром, Питера Альстрома, Эмили Сандерсон, Эрика Джеймса Стоуна, Дарси Стоун, Бена Олсена, Кейлинн Зобелл, Кэтлин Дорси Сандерсон, Алана «Лейтена из Четвертого моста» Лейтона, Итана «Скара из Четвертого моста» Скарстедта и Бена «не пихай меня в Четвертый мост» Олсена.

Особая благодарность Крису «Йону» Кингу за консультации по некоторым особо сложным сценам с участием Тефта; Уиллу Хойуму – за советы относительно людей, страдающих параличом ног; и Мишель Уокер – за особые советы касательно частей текста, связанных с различными аспектами психического здоровья.

В число бета-ридеров вошли (делаем глубокий вдох): Аарон Биггс, Аарон Форд, Адам Хасси, Остин Хасси, Элис Арнесон, Аликс Хогге, Обри Фам, Бао Фам, Бекка Хорн Репперт, Боб Клутц, Брендон Коул, Дарси Коул, Брайан Т. Хилл, Крис «Йон» Кинг, Крис Клюве, Кори Айтчисон, Дэвид Беренс, Диана Ковел Уитни, Эрик Лейк, Гари Сингер, Иэн Макнатт, Джессика Эшкрафт, Джоэл Филлипс, Джори Филлипс, Джош Уолкер, Мишель Уокер, Кальяни Полури, Рахул Пантула, Келлин Нейман, Кристина Куглер, Линдси «Лин» Лютер, Марк Линдберг, Марни Петерсон, Мэтт Винс, Меган Канне, Натан «Нэтам» Гудрич, Никки Рамзи, Пейдж Вест, Пол Кристофер, Рэнди Маккей, Рави Персо, Ричард Файф, Росс Ньюберри, Райан «Дрехи»

Дрехер Скотт, Сара «Сафи» Хансен, Сара Флетчер, Шивам Бхатт, Стив Годеки, Тед Херман, Трей Купер и Уильям Хуан.

Координаторами комментариев для бета-ридеров были Кристина Куглер и Келлин Нейманн.

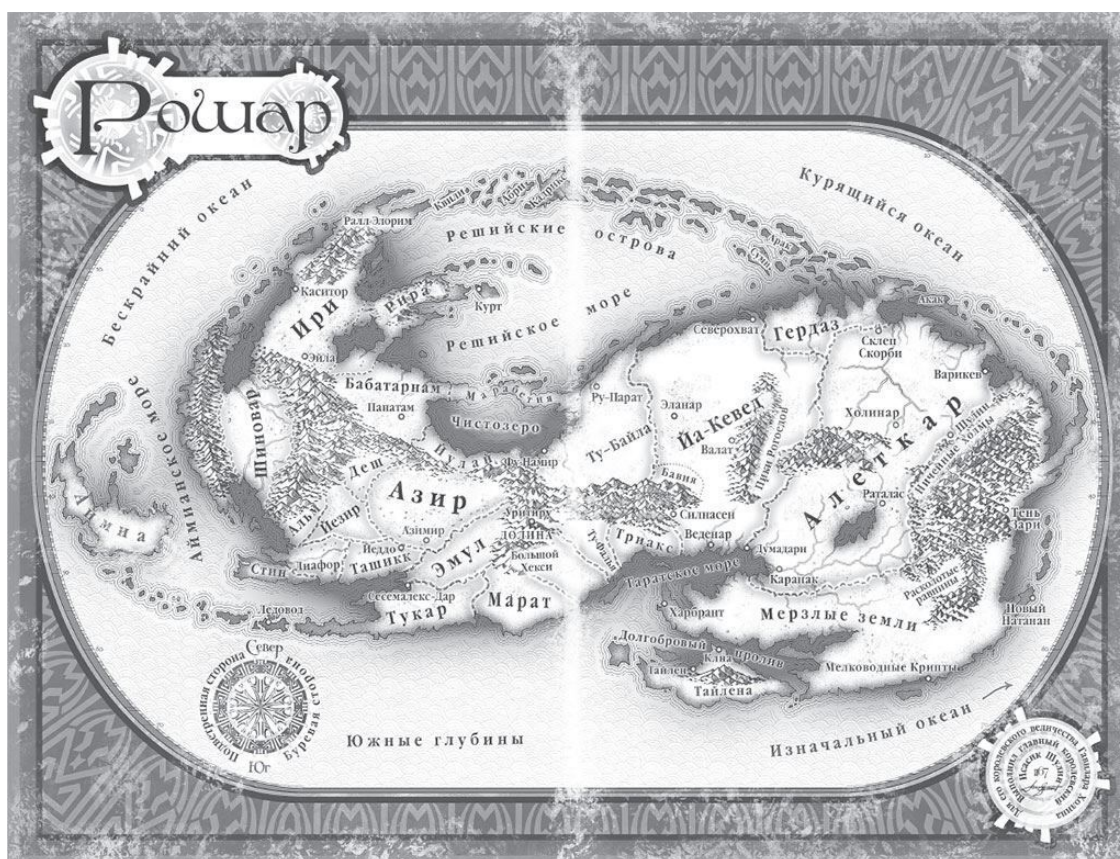
Наши гамма-ридеры включали много бета-ридеров, к которым присоединились: Бенджамин Р. Блэк, Крис «Наводчик» Макграт, Кристи Джейкобсон, Корбет Руберт, Ричард Руберт, д-р Даниэль Станге, Дэвид Хан-Тинг Чоу, Дональд Мастард III, Эрик Уоррингтон, Джаред Герлах, Джарет Гриф, Джесси Ю. Хорн, Джошуа Комбс, Джастин Кофорд, Кендра Уилсон, Керри Морган, Линдси Андрус, Линтин Сюй, Логгинс Меррилл, Марси Стрингхэм, Мэтт Хэтч, Скотт Эскуджури, Стивен Стиннетт и Тайсон Торп.

Как вы можете видеть, эта книга – огромное предприятие. Без усилий многих людей вы бы держали в руках куда худшее издание.

Как всегда, последнее спасибо моей семье: Эмили Сандерсон, Джоэлу Сандерсону, Даллину Сандерсону и Оливеру Сандерсону. Они мирятся с мужем/отцом, который часто пребывает в другом мире, думая о бурях и Сияющих рыцарях.

Наконец, спасибо всем вам за поддержку, которую вы оказываете этим книгам! Они не всегда выходят так быстро, как я желал бы, но это отчасти потому, что я хочу, чтобы они были настолько совершенными, насколько это возможно. Вы держите в руках том, который я готовил и планировал почти два десятилетия. Надеюсь, вам понравится время, проведенное на Рошаре.

Путь прежде цели.

Пролог. Плакать

ШЕСТЬ ЛЕТ НАЗАД

Эшонай всегда говорила сестре, что за следующим холмом, несомненно, ждет нечто чудесное. И вот настал день, когда Эшонай взошла на холм и обнаружила... человек.

Она воображала себе человек темными, бесформенными чудовищами, какими те представляли в песнях. Они же оказались поразительными, причудливыми созданиями. В их речах не было различимого ритма. Их одежда была ярче панциря, но вот отращивать собственную броню они не умели. А еще так боялись бурь, что даже во время путешествий прятались внутри повозок.

Самое же примечательное – у них была всего одна форма.

Сперва она предположила, что человек, должно быть, забыли свои формы, в точности как слушатели когда-то. Благодаря этому они мгновенно подружились.

Теперь, больше года спустя, Эшонай помогала разгружать барабаны с телеги, напевая в ритме благоговения. Слушатели преодолели большое расстояние, чтобы увидеть родину человек, и с каждым шагом ее потрясение росло. Оно достигло пика здесь, в великолепном дворце, посреди невероятного города под названием Холинар.

Просторное помещение для разгрузки располагалось в западной части дворца. Оно было таким большим, что две сотни слушателей, набившиеся сюда по прибытии, не заполнили его целиком. Большинство слушателей не могли посетить пир наверху – там при свидетелях заключался договор между двумя народами, – но аyeti все равно позаботились об отдыхе для них, предоставив всем собравшимся горы еды и питья.

Она выбралась из телеги и огляделась, гудя в ритме возбуждения. Говоря Венли о своем желании нарисовать карту мира, Эшонай воображала открытия, связанные с природой. Каньоны и холмы, леса и лейты, переполненные жизнью. На самом же деле в непосредственной близости от них существовало... все это. Дожидалось, пока кто-то его обнаружит.

Вместе с новыми слушателями.

Впервые повстречав человек, Эшонай увидела маленьких слушателей, которые были при них. Злополучное племя, застрявшее в тупоформе. Эшонай предположила, что человек заботятся о бедолагах, утративших свои песни.

О, какими наивными были те первые встречи.

Те невольники-слушатели оказались не каким-нибудь маленьким племенем, но частью огромного народа. И человеки о них не заботились.

Человеки ими владели.

Группа паршунов, как их называли, сбилась в кучу вблизи рабочих, сопровождавших Эшонай.

– Они все время пытаются помочь, – сказал Гитгет в ритме любопытства и покачал головой. В его бороде поблескивали рубиновые самосветы того же тона, что и ярко-красные разводы на коже. – Малыши, лишённые ритма, хотят быть рядом с нами. Вот что я тебе скажу: они чувствуют, что с их разумами что-то не так.

Эшонай вручила ему барабан, который сняла с задней части телеги, а потом сама загудела в ритме любопытства. Она спрыгнула на пол и подошла к группе паршунов.

– Вы не нужны, – проговорила она в ритме мира, раскинув руки. – Мы бы предпочли сами разобраться со своими барабанами.

Лишённые песен устремили на нее тупые взгляды.

– Ступайте, – обратилась она к ним в ритме мольбы и взмахом руки указала на развернувшееся неподалеку празднество, где слушатели и слуги-человеки смеялись вместе, пусть и говорили на разных языках. Человеки хлопали в такт старым песням, которые пели слушатели. – Повеселитесь.

Несколько паршунов взглянули на поющих, склонив головы набок, но не сдвинулись с места.

– Не сработает, – вмешалась стоявшая поблизости Брианлия в ритме скепсиса, скрестив руки поверх барабана. – Они даже вообразить не могут, что это такое – жить. Они собственность, которую покупают и продают.

Что и думать о такой идее? О рабах? Клейд, один из Пятерки, отправился к работорговцам в Холинаре и приобрел человека, чтобы проверить, действительно ли это возможно. Ему даже не пришлось покупать паршуна – там продавались алети. Похоже, паршуны стоили дорого и считались рабами высокого качества. Слушателям это преподнесли как повод для гордости.

Эшонай загудела в ритме любопытства и кивком указала в сторону дворца, глядя на остальных. Гитгет улыбнулся и загудел в ритме мира, взмахом руки разрешив ей уйти. Все привыкли, что Эшонай куда-то пропадает, не завершив работу. Дело не в том, что она была ненадежной... Ну, возможно, и была, но хотя бы проявляла в этом постоянство.

Так или иначе, Эшонай скоро понадобится на королевском празднестве: она входила в число тех слушателей, кто лучше и легче остальных овладел скучным языком человеков. Преимущество, благодаря которому она заслужила место в экспедиции, также стало и проблемой. Умение говорить на языке человеков сделало ее важной, а слишком важным персонам не позволялось никуда убежать.

Она покинула склад, где шла разгрузка, и по ступенькам поднялась в сам дворец, пытаясь постичь мастерство, абсолютно невообразимое чудо, которое представляло собой это строение. Оно было красивым и ужасным. Люди, которых покупали и продавали, содержали его в чистоте – но неужели именно это позволяло человекам создавать великие творения вроде резьбы на колоннах, мимо которых она проходила, или мраморных инкрустаций на полу?

Она миновала солдат в искусственных панцирях. У Эшонай в этот момент не было собственной брони; она приняла трудовую форму вместо боевой, поскольку любила ее гибкость.

У человеков выбор отсутствовал – они не утратили свои формы, как Эшонай поначалу предположила; у них попросту была лишь одна форма. Они всегда находились в единой брачно-рабоче-боевой форме. И еще их эмоции читались по лицам куда проще, чем у слушателей. О, соплеменники Эшонай улыбались, смеялись, плакали. Но не так, как алети.

Нижний уровень дворца пронизывали широкие коридоры и галереи, залитые искрящимся светом аккуратных граненых камней. Над головой Эшонай висели люстры, расплески-

вая повсюду свет, будто сломанные солнца. Возможно, непритязательный внешний вид человеческих тел – эта их тусклая кожа разных оттенков коричневого – был еще одной причиной, по которой они стремились все украшать, от одежды до колонн.

«А мы так могли бы? – подумала она, гудя в ритме понимания. – Если бы знали правильную форму для создания искусства?»

Верхние этажи дворца выглядели, скорее, туннелями: узкие каменные коридоры, комнаты, подобные высеченным в скале бункерам. Она направлялась к пиршественному залу, чтобы проверить, нет ли там необходимости в ее присутствии, но время от времени останавливалась, заглядывая в какую-нибудь комнату. Ей разрешили бродить по дворцу сколько захочется, не считая тех мест, где у дверей стоят стражники.

Она миновала комнату с картинами на всех стенах, потом – еще одну, где была кровать и прочая мебель. За новой дверью скрывалась внутренняя уборная с водопроводом – волшебством, которое Эшонай все еще не понимала.

Она сунула нос в дюжину комнат. Если успеет на королевский праздник к тому моменту, когда начнется музыка, Клейд и прочие из Пятерки не станут возражать. Они в той же степени приноровились к ее привычкам, как и все остальные. Эшонай вечно где-то пропадала, рассматривала всякие вещи, заглядывала в комнаты, где...

Мог оказаться король?

Эшонай замерла у приоткрытой двери, глядя на роскошную комнату с толстым красным ковром на полу и книжными полками вдоль стен. Так много сведений попросту валялось тут и там, в небрежном забвении. Еще сильнее ее изумило то, что сам король Гавилар в окружении пяти других человек – двух офицеров, двух женщин в длинных платьях и старика в просторном одеянии – показывал на что-то на столе.

Почему Гавилар не на празднестве? Почему у двери нет стражников? Эшонай настроилась на ритм беспокойства и отпрянула, но одна из женщин коснулась Гавилара и указала на нее. Эшонай, чья голова гудела от волнения, закрыла дверь.

Миг спустя из комнаты вышел высокий мужчина в униформе:

– Паршенди, король хочет встретиться с тобой.

Она изобразила замешательство.

– Сэр? Слова?

– Не прикидывайся, – одернул солдат. – Ты одна из переводчиц. Входи. Тебе ничего не угрожает.

Дрожа от беспокойства, она позволила завести себя в комнату.

– Спасибо, Мерида, – поблагодарил Гавилар и продолжил: – Оставьте нас ненадолго, вы все.

Люди покинули комнату друг за другом, а Эшонай осталась у двери, настроив ритм утешения и громко гудя, хоть человек и не могли понять, что это значит.

– Эшонай, я хочу кое-что тебе показать.

Король знает ее имя? Она сделала еще один шаг в маленькую теплую комнату, крепко обхватив себя руками за плечи. Эшонай не понимала этого человека. Дело было не только в его чужеродной мертвой манере речи. Не только в том, что она и предположить не могла, какие эмоции клубились внутри этого человека, пока в нем соперничали боевая и брачная формы.

Король сбивал ее с толку больше всех прочих. Почему он предложил им такой выгодный договор? Сперва казалось, что речь о компромиссе между двумя племенами. Это было до того, как она прибыла сюда, увидела город и армии алети. Когда-то ее народ тоже имел города и армии, которым можно было позавидовать. Слушатели знали обо всем из песен.

Это случилось давным-давно. Теперь они обломок потерянного народа. Предатели, которые бросили своих богов, чтобы освободиться.

Человек мог сокрушить слушателей. Когда-то они посчитали, что их осколков – оружия, которое пока прятали от людей, – хватит, чтобы защитить себя. Но она уже видела больше десятка осколочных клинков и доспехов у алет.

Почему он ей так улыбается? Что скрывает, раз уж не поет в ритме, который мог бы ее успокоить?

– Садись, Эшонай, – предложил король. – О, не надо бояться, маленькая разведчица. Я давно хотел побеседовать с тобой. Твои познания в нашем языке уникальны!

Она присела на стул, в то время как Гавилар наклонился и что-то достал из маленькой сумки. Мастерски изготовленная и красивая конструкция из металла и самосветов излучала красный бурсвет.

– Знаешь, что это такое? – Он осторожно подтолкнул штуковину к ней.

– Нет, ваше величество.

– Это то, что мы называем фабриаль – устройство, которое питается бурсветом. Вот этот создает тепло. К сожалению, совсем мало, но моя жена уверена, что ее ученые сумеют создать такой, который сможет согреть целую комнату. Разве это не чудесно? Больше никакого дымного пламени в очаге.

Устройство показалось Эшонай безжизненным, но она промолчала. Просто загудела в ритме восхваления – пусть король порадует, что впечатлил ее, – и протянула фабриаль назад.

– Посмотри внимательнее, – попросил король Гавилар. – Загляни в него поглубже. Видишь, что движется внутри? Это спрен. Так работает устройство.

«Пойман, как в светсердце, – подумала она, настраивая благоговение. – Они создали устройства, которые подражают тому, как мы применяем формы?» Люди столько всего сделали, несмотря на их ограниченные возможности!

– Ущельные демоны – не ваши боги, как я понимаю? – поинтересовался он.

– Что? – Она настроила скептицизм. – Почему вы спрашиваете?

Какой странный оборот приняла их беседа.

– О, это всего лишь вопрос, над которым я размышлял. – Король забрал фабриаль. – Мои офицеры ощущают свое превосходство, потому что им кажется, будто они все про вас поняли. Они думают, вы дикари, но они допускают серьезную ошибку. Вы не дикари. Вы анклав воспоминаний. Окно в прошлое.

Король подался вперед, меж его пальцами просачивался свет рубина.

– Мне нужно, чтобы ты доставила послание вашим правителям. Пятерке. Ты к ним близка, а за мной следят. Мне нужна их помощь, чтобы кое-чего добиться.

Она загудела в ритме беспокойства.

– Ну же, ну же, – подбодрил король. – Эшонай, я тебе помогу. Ты знала, что я открыл способ, позволяющий вернуть ваших богов?

«Нет! – Она загудела в ритме ужаса. – Нет...»

– Мои предки, – продолжил он, поднеся фабриаль к лицу, – первым делом научились удерживать спренов внутри самосветов. А с помощью очень необычных самосветов можно удерживать даже бога.

– Ваше величество, – сказала она, осмелившись взять его ладонь в свои. Он не чувствовал ритмов. Он не знал. – Прошу вас. Мы больше не поклоняемся тем богам. Мы их забыли, отреклись от них.

– О, но это ведь ради вашего блага и нашего. – Гавилар встал. – Мы живем без Чести, ведь мы его когда-то обрели благодаря вашим богам. Без них у нас нет силы. Этот мир в западне, Эшонай! Он застыл в унылом и безжизненном состоянии перехода. – Король посмотрел на потолок. – Надо их объединить. Мне нужна угроза. Только опасность их объединит.

– Что... – начала она в ритме тревоги. – О чем вы говорите?

– Наши рабы-паршуны когда-то были такими же, как вы. Потом мы неким образом отняли у них способность трансформироваться. Мы это сделали, потому что поймали спрена. Древнего, необычайно важного спрена. – Король Гавилар взглянул на Эшонай, его зеленые глаза сияли. – Я видел, как это можно обратить. Новая буря заставит Вестников выйти из убежища. Новая война.

– Безумие. – Она вскочила. – Наши боги пытались вас уничтожить.

– Старые клятвы должны быть произнесены вновь.

– Вы не можете... – Она осеклась, впервые заметив, что на одном из столов развернута карта. Обширная, изображающая материк, окруженный океанами, – и мастерство рисунка посрамляло ее собственные попытки.

В изумлении она подошла к столу – в ее разуме бился ритм благоговения. «Это великолепно!» Даже величественные люстры и резные стены казались пустяком по сравнению с этим. Знание и красота, слитые воедино.

– Я думал, ты обрадуешься, когда узнаешь, что мы союзники в деле возвращения ваших богов, – пробормотал Гавилар.

Она почти слышала в его мертвых словах ритм упрёка.

– Ты заявляешь, что боишься их, но зачем бояться того, что дало вам жизнь? Мой народ необходимо объединить, и мне нужна империя, которая не погрязнет в междоусобных войнах, когда меня не станет.

– Так ты ищешь войны?

– Я ищу завершения того, что мы так и не сумели закончить. Мои люди когда-то были Сияющими, а твои люди – паршуны – полны жизни. Какой прок от этого тусклого мира, где мои подданные грызутся друг с другом в бесконечных сварах, без света, который бы их направлял, а твои соплеменники – все равно что трупы?

Она снова уставилась на карту:

– Где... где Расколотые равнины? Вот эта часть?

– Эшонай, ты показываешь на весь Натанатан! Расколотые равнины вот тут. – Он ткнул пальцем в пятнышко чуть крупнее ногтя на его большом пальце, в то время как карта занимала весь стол.

От открывшейся перспективы у Эшонай закружилась голова. Так это мир? Она думала, что в Холинаре они практически достигли края земли. Почему ей раньше это не показали?!

Ее ноги подкосились, она настроилась на ритм скорби и рухнула на ближайший стул, не в силах стоять.

«Какой огромный...»

Гавилар что-то достал из кармана. Сферу? Она была темной и все же каким-то образом светилась.словно ее окружала... аура черноты, призрачный свет, который не был светом. Он чуть отдавал фиолетовым и будто всасывал свет вокруг себя.

Король положил сферу на стол перед нею:

– Передай Пятерке это и мои слова. Скажи, пусть вспомнят, каким был ваш народ когда-то. Эшонай, пора просыпаться.

Король похлопал ее по плечу и вышел из комнаты. Она уставилась на жуткую сферу и поняла, что это, – подсказали предания. Формы силы были связаны с темным светом, светом короля богов.

Она схватила сферу со стола и бросилась бежать.

Эшонай настояла на том, чтобы присоединиться к барабанщикам. Ей нужно было выплеснуть беспокойство. Она била в ритме, который звучал в голове, колотила изо всех сил, пытаясь с каждым ударом изгнать из сознания слова короля.

И то, что она только что сделала.

Пятерка сидела за высоким столом, последняя перемена блюд осталась нетронутой.
Он собирается вернуть наших богов, – сообщила она Пятерке.

Закрой глаза. Сосредоточься на ритме.

Он может это сделать. Он очень многое знает.

Яростный барабанный бой пронзал душу насквозь.

Нам надо что-то сделать.

Раб Клейда был убийцей. Клейд заявил, что голос – а слова произносились в такт ритмам – привел его к человеку, который на допросе признался в своих умениях. Похоже, с Клейдом была ее сестра Венли, которую Эшонай не видела с самого утра.

После ожесточенных дебатов Пятерка согласилась с тем, что знаки указывают на то, как надо поступить. Давным-давно, стремясь к свободе любой ценой и чтобы спастись от своих богов, слушатели нашли в себе смелость принять тупоформу.

Сегодня за то, чтобы сохранить эту свободу, придется дорого заплатить.

Эшонай играла на барабанах. Она чувствовала ритмы. Тихонько плакала и старательно не замечала, как одетый в белый струящийся наряд убийца, предоставленный Клейдом, покидает комнату. Она проголосовала вместе со всеми за это решение.

«Ощути мир в музыке, – всегда твердила ее мать. – Ищи ритмы. Ищи песни».

Она сопротивлялась, когда остальные утаскивали ее прочь. Эшонай рыдала, не желая оставлять музыку. Плакала по своему народу, который могли уничтожить события этой ночи. Плакала по миру, который мог никогда не узнать, что для него сделали слушатели.

Плакала по королю, которого обрекла на смерть.

Ритм барабанов вокруг нее оборвался, и умирающая музыка эхом раскатилась по коридорам.

Часть первая Объединенные Далинар – Шаллан – Каладин – Адолин

1. Разбиты и разделены

У меня нет сомнений в том, что некоторые сочтут этот текст угрозой. Кое-кому он подарит свободу. Большинству попросту покажется, что лучше бы его не существовало.

Из «Давшего клятву», предисловие

Далинар Холин очутился в видении, и рядом с ним стоял призрак мертвого бога.

Прошло шесть дней после того, как его армия прибыла в Уритиру, легендарный святой город-башню Сияющих рыцарей. Они спаслись от разрушительной бури, разыскав убежище благодаря древнему portalу, и теперь обустраивались в новом доме, спрятанном в горах.

Далинар чувствовал, что многого не знает. Не понимал силу, с которой сражается, не говоря о том, как ее победить. Даже эту бурю и то, каким образом она связана с возвращением Приносящих пустоту, древних врагов человечества, едва мог осмыслить.

Поэтому Далинар вернулся сюда, в видения, оставленные богом по имени Честь, или Всемогущий, и намеревался вытрясти из него все секреты. Это видение было самым первым из всех, что довелось ему испытать. В нем он стоял рядом с богом в человеческом обличье и оба они смотрели со скалы на Холинара – дом Далинара, центр его власти. В видении город был уничтожен некоей неведомой силой.

Потом Всемогущий заговорил, но Далинар не обратил на него внимания. Сковав узами самого Буреотца – душу Великой бури, могущественнейшего спрена Рошара, – великий князь стал Сияющим рыцарем и теперь мог по собственной воле повторять для себя эти видения. Он уже трижды слышал этот монолог и слово в слово повторил его Навани для записи.

Сегодня Далинар прошел к краю скалы и присел, чтобы взглянуть на руины Холинара. Воздух был сухим, пыльным и теплым. Он прищурился, пытаясь разобрать в хаосе разрушенных зданий какую-нибудь важную деталь. Даже ветролезвия – некогда величественные, гладкие скалы, обнажавшие бесчисленные слои и вариации пород, – оказались разбиты.

Всемогущий продолжал бубнить. Видения были чем-то вроде дневника, набором посланий с эффектом присутствия, которые передал им бог. Далинар ценил его помощь, но прямо сейчас ему требовались детали.

Он оглядел небо и обнаружил в воздухе зыбь – словно жар поднимался от далекого камня. Мерцание размером с дом.

– Буреотец, – окликнул он, – ты можешь перенести меня вниз, к грудам камней?

Ты не должен туда отправляться. Это не часть видения.

– Давай пока что забудем о том, что я должен делать, – попросил Далинар. – Это в твоих силах? Ты можешь перенести меня к тем руинам?

Буреотец зарокотал. Он оказался странным существом, неким образом связанным с мертвым богом, но не точной копией Всемогущего. По крайней мере, сегодня он не использовал голос, от которого у Далинара дребезжали кости.

В мгновение ока правитель дома Холин был перенесен. Он больше не стоял на скале, но находился на равнине, возле руин города.

– Спасибо, – поблагодарил Далинар и решительно направился к развалинам.

Всего шесть дней прошло после того, как они открыли Уритиру. Шесть дней после пробуждения паршенди, которые обрели странные силы и светящиеся красные глаза. Шесть дней после новой напасти – Бури бурь, урагана из темных грозовых валов и красных молний.

Кое-кто в его войске считал, что буря завершилась и катастрофа больше не повторится. Далинар знал, что это не так. Буря бурь вернется и вскоре ударит по Шиновару, что лежал далеко на западе, а потом двинется через континент.

Никто не верил его предупреждениям. Правители в странах вроде Азира и Тайлены признавали, что на востоке появилась противоестественная буря, но они не верили в ее возвращение.

Они и не догадывались, насколько разрушительным будет новый удар. Едва появившись, Буря бурь столкнулась с обычной Великой бурей, породив уникальное явление. И если бы вся странность заключалась в том, что ветра этой бури дули не в ту сторону, то можно было бы счесть ее не такой уж и страшной, однако она должна была пробудить всех паршунов в мире, превратить их в Приносящих пустоту.

Что ты ожидаешь узнать? – поинтересовался Буреотец, когда Далинар достиг каменных руин, в которые превратился город. – *В этом видении ты перенесешься к гребню горы и там поговоришь с Честью. Остальное – декорация, картина.*

– Честь поместил здесь эти руины. – Далинар взмахом руки указал на завалы из камней, что некогда были стенами. – Декорация или нет, его знания о мире и нашем противнике не могли не повлиять на то, каким он создал это видение.

Далинар поднялся по гряде обломков наружных стен. Холинар был... вот буря, он еще не уничтожен... Холинар – великий город, с которым в целом мире мало какой мог соперничать. Вместо того чтобы прятаться в тени скалы или внутри ущелья, Холинар доверился огромным стенам, которым полагалось защищать его от ветров во время Великих бурь. Он бросал вызов ветрам и не склонялся перед бурями.

Но в его видении что-то все равно уничтожило город. Стоя на вершине горы из обломков стен и мусора, Далинар окинул взглядом окрестности, пытаясь вообразить, каково было тем, кто поселился здесь тысячелетия назад. В то время, когда не было стен. Этот город возвели отважные и упрямые люди.

Он заметил царапины и борозды на разрушенных стенах, похожие на следы, которые хищник оставляет на теле жертвы. Ветролезвия оказались разбиты, и с близкого расстояния он увидел и на них отметины когтей.

– Я знаю тварей, которые на такое способны. – Присев рядом с одним из камней, Далинар ощупал неровную впадину на гранитной поверхности. – В видениях я был свидетелем того, как каменный монстр вырвался из скальной поверхности. Трупов нет, но это, наверное, потому, что Всемогущий не населил фантомный город людьми. Ему просто требовался символ при-

ближающегося разрушения. Он считал, что Холинар падет не от Бури бурь, а от Приносящих пустоту.

Да, Сын Чести, – подтвердил Буреотец. – Буря станет катастрофой, но ее и сравнивать не стоит с тем, что случится потом. Вы сможете найти укрытие от бурь, но не от наших врагов.

Теперь, когда правители Рошара отказались прислушаться к предупреждению Далинара о том, что Буря бурь вскоре обрушится на них, что еще он мог сделать? Его Холинар, как сообщали донесения, был охвачен бунтами – и от королевых вестей не поступало. Войска сильно пострадали, столкнувшись с Приносящими пустоту, и даже многие из великих князей не присоединились к Далинару в той битве.

Приближалась война. Начав Опустошение, враг заново разжег тысячелетний конфликт между древними существами с загадочными побуждениями и неизведанными силами. Предполагалось, что появятся Вестники и возглавят атаку на Приносящих пустоту. Сияющие рыцари должны были уже оказаться на месте, готовые и обученные, способные встретиться с врагом. Предполагалось, что они смогут довериться руководству Всемогущего.

Вместо этого в распоряжении Далинара имелась всего лишь горстка новых Сияющих, и ни намека на помощь от Вестников. Ну и к тому же Всемогущий – сам бог – был мертв.

И все равно Далинар каким-то образом должен спасти мир.

Земля задрожала; видение завершалось тем, что все вокруг проваливалось в пустоту. Всемогущий на скале только что закончил речь.

Последняя волна разрушения прокатилась по округе, словно Великая буря. Такую метафору придумал Всемогущий, чтобы отразить тьму и разорение, которые надвигались на человечество.

«Ваши легенды говорят, что вы победили, – провозгласил он. – Но правда в том, что мы проиграли. И продолжаем проигрывать».

Буреотец пророкотал:

Пора.

– Нет, – запротестовал Далинар, стоя на вершине холма из обломков. – Оставь меня.

Но...

– Дай мне это ощутить!

Волна разрушения докатилась до Далинара, и тот закричал. Он не склонялся перед Великими бурями, не склонится и перед этой! Он встретил ее с открытым забралом и во вспышке энергии, которая разорвала землю на части, кое-что увидел.

В отблесках яркого, но ужасающего золотого света замерла темная фигура в черном осколочном доспехе. В разных направлениях от нее тянулось девять теней, а глаза излучали яркое красное сияние.

Далинар вперил взгляд в эти глаза и почувствовал, как по телу пробежал холодок. Хотя вокруг все рушилось и испарялись камни, эти глаза пугали его сильнее всего. Было в них нечто до жути знакомое.

И эта опасность была куда серьезнее бурь.

Защитник врага приближался.

Объедини их. Поторопись!

Далинар охнул, и в тот же миг видение рассыпалось. Он обнаружил, что сидит возле Навани в тихой комнате с каменными стенами в городе-башне Уритиру. Его больше не связывали во время видений, так как он в достаточной степени себя контролировал.

Великий князь тяжело вздохнул, чувствуя, как колотится сердце и по лицу стекает пот. Навани что-то сказала, но он не расслышал – шум в его ушах абсолютно заглушал ее голос, звучащий словно издалека.

– Что за свет я увидел? – шепотом спросил он.

Я не видел света, – отозвался Буреотец.

– Он был ярким и золотым, но ужасным, – тихо настаивал Далинар. – Он опалил жаром все вокруг.

Вражда, – пророкотал Буреотец. – *Враг.*

Божество, которое убило Всемогущего. Сила, стоящая за Опустошениями.

– Девять теней, – прошептал Далинар, дрожа.

Девять теней? Несотворенные. Его приспешники, древние спрены.

Вот буря! Далинар знал о них лишь из легенд. Ужасные спрены, извращавшие умы людей.

И по-прежнему больше всего его пугали глаза. Как бы ни было страшно размышлять о Несотворенных, сильнее всего он боялся фигуры с красными глазами. Защитника Вражды.

Далинар моргнул, посмотрел на свою любимую Навани, все еще державшую его руку. Ее лицо отражало болезненную тревогу. В этом странном месте и странном времени она была чем-то настоящим. Чем-то, за что можно было держаться. Ее красота была зрелой – в каком-то смысле она была олицетворением безупречной воринки: пухлые губы, светло-фиолетовые глаза, черные волосы, пусть и слегка тронутые сединой, заплетены в безукоризненные косы, изгибы фигуры подчеркнуты плотно облегающей шелковой хавой. Ни один мужчина не обвинил бы Навани в костлявости.

– Далинар? – позвала она. – Далинар, что случилось? С тобой все в порядке?

– Я... – Он перевел дух. – Со мной все хорошо. И я знаю, что мы должны сделать.

Она нахмурилась сильнее:

– Что?

– Я должен объединить мир против общего врага быстрее, чем этот враг его уничтожит.

Придется отыскать способ, чтобы заставить других правителей со всего мира прислушаться к нему. Он должен подготовить их к новой буре и к Приносящим пустоту. И кроме того, должен помочь им пережить последствия.

Но если у него получится, он встретится с Опустошением не один. Дело не сводилось к единственному народу, который мог бы выступить против Приносящих пустоту. Важно, чтобы все страны присоединились к нему, и необходимо разыскать Сияющих рыцарей.

Они должны объединиться.

– Далинар, – ответила Навани. – Я думаю, это достойная цель... но, клянусь бурей, что насчет нас? Эта горная местность пустынна – чем мы будем кормить наши войска?

– Духозаклинатели...

– В конечном счете останутся без самосветов. И они могут создавать лишь самое необходимое. Далинар, мы почти окончили здесь, наверху, мы разбиты и разделены. Наша командная структура в хаосе и...

– Навани, успокойся, – перебил ее Далинар, вставая. Он поднял женщину на ноги. – Я все знаю, но нам все равно придется сражаться.

Навани обняла его. Он прижался к любимой, чувствуя ее тепло, ощущая аромат духов. В отличие от других женщин, Навани предпочитала не полностью цветочные ароматы, а такие, в которых чувствовалась пряная нотка, похожая на запах только что срубленного дерева.

– Мы сможем это сделать, – прошептал он ей. – Мое упорство. Твой блистательный ум. Вместе мы убедим другие государства встать на нашу сторону. Когда буря вернется, они увидят, что предупреждения были правдивы, и объединятся против врага. Мы сможем использовать Клятвенные врата, чтобы перемещать войска и поддерживать друг друга.

Клятвенные врата. Десять порталов, древних фабриалей, были вратами в Уритиру. Когда Сияющий рыцарь включал одно из устройств, людей, стоявших на окружающей его платформе, переносило в Уритиру, где они появлялись возле похожего устройства.

Сейчас работала всего лишь одна пара порталов – те Клятвенные врата, что перемещали людей из Уритиру на Расколоте равнины и обратно. Еще девять теоретически можно было

запустить, но, к несчастью, изыскания показали, что механизм внутри каждой врат надо отпереть с обеих сторон, прежде чем они заработают.

Если он хочет отправиться в Веденар, Тайлен, Азимир или любой другой город, сперва придется послать туда одного из Сияющих, чтобы он разблокировал устройство.

– Ладно, – пробормотала она. – Мы это сделаем. Каким-то образом заставим их прислушаться – пусть даже они крепко заткнули уши пальцами. Интересно, кстати, как им это удалось, если головы они засунули себе в задницу?

Далинар улыбнулся и внезапно почувствовал себя глупо из-за того, что идеализировал ее. Навани Холин не имела ничего общего с робким совершенным идеалом – она была мрачной бурей, уверенной в своем пути, упрямой, как валун, катящийся вниз по склону, и к вещам, которые считала дурацкими, относилась с неприязнью.

Он ее любил в основном за это. За открытость и искренность в обществе, которое гордилось своими интригами. Она нарушала табу и разбивала сердца с ранней юности. Время от времени сама мысль о том, что Навани ответила на его любовь взаимностью, казалась такой же нереальной, как любое из его видений.

Кто-то постучался, и Навани разрешила войти. Дверь приоткрылась, и в щель заглянула одна из разведчиц. Далинар повернулся и нахмурился, заметив ее нервозность и учащенное дыхание.

– Что? – резко спросил он.

– Сэр. – Побледневшая женщина отсалютовала. – Кое-что... случилось. В одном из коридоров обнаружили труп.

Далинар почувствовал, как что-то надвигается: воздух пропитала некая энергия, словно вот-вот должна была ударить молния.

– Кто?

– Великий князь Тороль Садеас, сэр, – ответила разведчица. – Его убили.

2. Одной проблемой меньше

*Мне все равно было нужно это записать.
Из «Давшего клятву», предисловие*

– Стоп! Вы что делаете, а? – Адолин Холин решительным шагом направился к группе рабочих в перепачканных кремом робах, которые разгружали ящики из задней части фургона. Их чулл пытался разыскать вокруг съедобные камнепочки. Бесполезно. Они находились глубоко в недрах башни, пусть эта пещера и была большой, как маленький город.

Рабочим хватило такта изобразить огорчение, хотя они наверняка не знали, в чем дело. Стайка письмоводительниц, следовавших за Адолином, проверила содержимое фургона. Масляные лампы с трудом разгоняли темноту громадной комнаты, свод которой возносился на высоту четырех этажей.

– Светлорд? – заговорил один из рабочих, почесывая голову под шапкой. – Я просто разгружался. Это я и делал, да.

– В накладной значится пиво, – сказала Адолину Рушу, юная ревнительница.

– Район номер два. – Адолин постучал костяшками левой руки по фургону. – Таверны возводятся вдоль центрального коридора с подъемниками в шести перекрестках отсюда. Моя тетушка четко объяснила это вашему великому лорду.

Рабочие продолжали таращиться на него.

– Я могу выделить вам письмоводительницу, чтобы все показала. Грузите ящики обратно.

Мужчины вздохнули, но принялись составлять ящики в свой фургон. Они знали, что не стоит спорить с сыном великого князя.

Адолин повернулся, чтобы окинуть взглядом глубокую пещеру, которая превратилась в беспорядочное скопище припасов и людей. Мимо пробежали дети. Рабочие устанавливали палатки. Женщины набирали воду из колодца в центре. Солдаты несли факелы или фонари. Даже рубигончие носились туда-сюда. Четыре целых военных лагеря, полных народу, в неистовом порыве пересекли Расколотые равнины и попали в Уритиру, и Навани отчаянно пытались подыскать для каждого правильное место.

Невзирая на хаос, Адолин был рад этим людям. Свежие силы, они не пострадали в битве с паршенди, во время нападения Убийцы в Белом и ужасного столкновения двух бурь.

Холиновские солдаты выглядели ужасно. Рабочая рука самого Адолина была в бинтах и все еще пульсировала от боли – он сломал запястье во время битвы; на лице переливался всеми цветами жуткий синяк, но всех, кто спасся, можно было отнести к везунчикам.

– Светлорд, это похоже на вина. – Рушу указала на другой фургон.

– Восхитительно, – проворчал Адолин. – А кто-нибудь вообще обращал внимание на указания тети Навани?

Он разобрался и с этим фургоном, потом ему пришлось улаживать спор между мужчинами, которые сердились из-за того, что их направили таскать воду. Они заявляли, что это работа для паршунов, ниже их нана. Пришлось напомнить, что, к несчастью, паршунов больше нет.

Адолин их успокоил и предложил основать гильдию водоносов. Отец такое точно одобрит, но молодой человек тревожился. Есть ли у них деньги, чтобы платить всем этим людям? Жалованье рассчитывалось исходя из ранга, и нельзя было без причины взять и превратить кого-то в раба.

Адолин радовался работе, она помогала ему отвлечься, и, хотя он не был обязан проверять каждый фургон лично – ему полагалось только надзирать, – он самозабвенно занимался мелочами. Участвовать в тренировочных боях он не мог из-за запястья, а если слишком долго сидел в одиночестве, то начинал думать о том, что случилось накануне.

Неужели он и впрямь это сделал?

Неужели действительно убил Тороля Садеаса?

Было почти облегчением, когда наконец-то к нему прибежал гонец и прошептал, что в коридорах третьего этажа кое-что обнаружили.

И Адолин совершенно точно знал, что именно.

Далинар услышал крики задолго до того, как прибыл. Они эхом разлетались по туннелям. Он знал этот тон. Назревал конфликт.

Великий князь оставил Навани и побежал. Он покрылся потом к тому моменту, когда ворвался на широкий перекресток туннелей. Мужчины в синем, озаренные жестким светом фонарей, столкнулись с другими, в темно-зеленом. На полу лужицами крови проросли спрены гнева.

Там лежал труп, чье лицо прикрыли зеленым жакетом.

– Стоять! – заорал Далинар, вламываясь в пространство между двумя группами солдат. Он оттащил мостовика, который уже стоял нос к носу с одним из солдат Садеаса. – Стоять, а не то я вас всех до единого на гауптвахту отправлю!

Его голос ударил по собравшимся, словно ветер во время Великой бури. Далинар толкнул мостовика к товарищам, потом заставил отпрянуть солдата Садеаса, моля, чтобы тому хватило присутствия духа не наброситься на великого князя.

Навани и разведчица замерли неподалеку. Парни из Четвертого моста наконец-то отступили по одному из коридоров, а солдаты Садеаса удалились в противоположный. Лишь на такое расстояние, которое позволяло им, как и прежде, сверлить друг друга взглядами.

– Ты бы лучше приготовился для грома Преисподней, – крикнул Далинару один из офицеров Садеаса. – Твои люди убили великого князя!

– Мы его таким нашли! – прокричал в ответ Тефт из Четвертого моста. – Наверное, на собственный нож наткнулся. Так ему и надо, ублюдку шквальному.

– Тефт, прекрати! – рявкнул Далинар.

Мостовик смешался, а потом напряженно отсалютовал.

Далинар присел и снял жакет с лица Садеаса.

– Кровь высохла. Он тут давно лежит.

– Мы его искали, – заявил офицер в зеленом.

– Искали? Вы потеряли собственного великого князя?

– Эти туннели сбивают с толку! – парировал тот. – Они не идут туда, куда положено. Мы заблудились и...

– Решили, что он мог вернуться в другую часть башни, – подхватил еще один. – Мы потратили минувшую ночь, разыскивая его там. Какие-то люди сказали, что видели его, но они ошиблись, и...

«И великий князь пролежал здесь в луже собственной крови полдня, – подумал Далинар. – Кровь отцов моих».

– Мы не смогли его разыскать, – сказал офицер, – потому что твои люди убили его и перенесли тело...

– Кровь собиралась здесь часами. Никто не двигал тело, – возразил Далинар, указывая на труп. – Поместите великого князя в той боковой комнате и пошлите за Йалай, если еще не послали. Я хочу осмотреть его получше.

Далинар Холин знал толк в смерти.

Вид мертвых тел был ему привычен с юности. Проведя на поле битвы достаточно много времени, становишься накоротке с его хозяйкой.

Так что окровавленное, изувеченное лицо Садеаса его не потрясло. Глаз был пробит, вдавлен в глазницу лезвием, которое воткнули в мозг. Жидкость и кровь вытекли, потом засохли.

Удар ножом в глаз убьет даже человека в броне и в полном шлеме. Это был прием, которому учились на поле боя. Но Садеас не был в броне и не находился на поле боя.

Далинар наклонился, изучая труп на столе, освещенный мигающими масляными фонарями.

– Убийца, – сказала Навани, прицелкнув языком и покачав головой. – Нехорошо.

Позади него собрались Адолин, Ренарин с Шаллан и несколько мостовиков. По другую сторону от Далинара стояла Калами; худая женщина с оранжевыми глазами была одной из его письмоводительниц. Они потеряли ее мужа, Телеба, в битве с Приносящими пустоту. Ему очень не хотелось призывать ее в период скорби, но она настояла, что хочет остаться на посту.

Буря свидетельница, у него осталось так мало высших офицеров. Каэл пал во время столкновения Бури бурь и Великой бури, лишь чуть-чуть не успев добраться до безопасного места. Иламара и Перетома Далинар потерял из-за предательства Садеаса на Башне. Из великих лордов у него остался только Хал, который все еще приходил в себя после ранения, полученного во время битвы с Приносящими пустоту, и о котором он никому не говорил, пока все не оказались в безопасности.

Даже Элокар, король, был ранен убийцами в собственном дворце, пока армии сражались у Нарака. С той поры он лечился. Далинар сомневался, что монарх придет взглянуть на труп Садеаса.

Так или иначе, нехватка офицеров объясняла присутствие в комнате остальных: великого князя Себариаля и его любовницы, Палоны. Привлекательный или нет, Себарияль был одним из двух живых великих князей, которые ответили на призыв Далинара отправиться к Нараку. Далинар должен был на кого-то положиться, а он скорее доверился бы буре и ее ветрам, чем большинству великих князей.

Себариалю вместе с Аладаром – его позвали, но он еще не явился – придется образовать основу нового Алеткара. Да поможет им Всемогущий.

– Что ж! – провозгласила Палона, уперев руки в бока и разглядывая труп Садеаса. – Сдается мне, одной проблемой меньше!

Все в комнате повернулись к ней.

– Что? – спросила она. – Только не говорите мне, что сами об этом не подумали.

– Светлорд, это будет выглядеть плохо, – пробормотала Калами. – Все решат, что это вы приказали его убить.

– Есть признаки осколочного клинка? – поинтересовался Далинар.

– Нет, сэр, – ответил один из мостовиков. – Кто бы его ни убил, скорее всего, он забрал клинок.

Навани похлопала Далинара по плечу:

– Я бы не стала выражаться как Палона, но он в самом деле пытался тебя убить. Возможно, это к лучшему.

– Нет, – хриплым голосом ответил Далинар. – Он был нам нужен.

– Я знаю, что ты в отчаянии, – вмешался Себарияль. – Мое присутствие здесь – достаточное тому доказательство. Но, несомненно, мы еще не пали так низко, чтобы радоваться присутствию Садеаса среди нас. Я согласен с Палоной. Туда ему и дорога.

Далинар поднял глаза, изучая собравшихся. Себарияль и Палона. Тефт и Сигзил, лейтенанты из Четвертого моста. Горстка других солдат, включая молодую разведчицу, которая его привела. Его сыновья, надежный Адолин и непостижимый Ренарин. Навани, чья рука лежала на его плече. Даже стареющая Калами, сцепившая руки перед собой, кивнула, встретив его взгляд.

– Вы все согласны, не так ли? – уточнил Далинар.

Никто не возразил. Да, это убийство было неудобным для репутации Далинара, и они бы точно не дошли бы до того, чтобы убивать Садеаса собственными руками. Но теперь, когда он умер... что ж, зачем слезы лить?

В голове Далинара закружились воспоминания. Дни, проведенные с Садеасом; то, как они вместе слушали великие планы Гавилара. Ночь перед свадьбой Далинара, когда он разделил с Садеасом вино на шумном празднестве, которое тот организовал в его честь.

Было трудно смириться с тем, что тот юноша и этот мужчина с полным постаревшим лицом, лежащий на каменном столе перед ним, – один и тот же человек. Зрелый Садеас стал убийцей, чье предательство привело к смерти лучших бойцов. Из-за этих людей, брошенных во время битвы на Башне, Далинар мог чувствовать лишь удовлетворение от того, что наконец-то видел Садеаса мертвым.

Это его тревожило. Он в точности знал, что чувствуют остальные.

– Идемте со мной.

Он оставил тело и вышел из комнаты. Миновал офицеров Садеаса, которые поспешили внутрь. Они разберутся с трупом; оставалось надеяться, что он в достаточной степени разрядил обстановку, чтобы предотвратить спонтанную стычку между его солдатами и этими людьми. Пока что наилучшим вариантом было убрать Четвертый мост подальше отсюда.

Свита Далинара проследовала за ним через широкие коридоры огромной башни, неся масляные лампы. Стены здесь покрывали извилистые линии – природные полосы коричневатых оттенков перемежались и походили на те, что образовывал крем, высыхая слоями. Он не винил солдат в том, что они потеряли Садеаса; в этом месте, со всеми его бесконечными коридорами, уводящими во тьму, было потрясюще легко заблудиться.

К счастью, Далинар представлял, где они находятся, и вывел своих людей к наружному краю башни. Они миновали пустую комнату и оказались на одном из многих похожих балконов, напоминавших широкие террасы.

Над ними вздымался громадный город-башня Уритиру, потрясающе высокое строение, возведенное среди гор. Созданная из десяти кольцеобразных ярусов – каждый содержал восемнадцать уровней, – башня была снабжена акведуками, окнами и балконами вроде этого.

На нижнем этаже выдавались по периметру широкие секции: просторные террасы, окаймленные ограждением с каменными перилами, обрывались в глубокие пропасти меж горными пиками. Сперва протяженные плоские каменные поверхности поставили Далинара в

тупик. Но борозды в камне и кадки для цветов по внутренним краям открыли их предназначение. Это поля. Как и обширные пространства на верхнем уровне каждого яруса башни, предназначенные для садов, они возделывались, невзирая на холод. Одно из этих полей простиралось под его балконом, на два уровня ниже.

Далинар подошел к краю балкона и положил руки на гладкий камень подпорной стены. Остальные собрались позади него. По пути к ним присоединился великий князь Аладар, изысканный лысый алет с темно-коричневой кожей. Его сопровождала дочь, Мэй, невысокая миловидная девушка двадцати с небольшим лет, со светло-коричневыми глазами, круглым лицом и коротко подстриженными, черными как смоль алетийскими волосами. Навани шепотом сообщила им подробности о смерти Садеаса.

Князь Холин взмахнул рукой в прохладном воздухе, указывая на пространство за балконом.

– Что вы видите?

Мостовики собрались и выглянули за край. Среди них был гердазиец, у которого теперь, благодаря бурсвету, отросла вторая рука. Люди Каладина начали проявлять способности ветробегунов, – впрочем, похоже, они были всего лишь «оруженосцами». Навани сказала, когда-то так назывались ученики Сияющих: мужчины и женщины, чьи способности были связаны с наставником, полным Сияющим.

Солдаты из Четвертого моста не связали себя узами со спренами и – хоть уже начали проявлять силы – утратили свои способности, когда Каладин улетел в Алеткар, чтобы предупредить семью о Буре бурь.

– Что я вижу? – переспросил гердазиец. – Я вижу облака.

– Много облаков, – прибавил другой мостовик.

– И еще горы, – уточнил третий. – Они похожи на зубы.

– Не-а, на рога, – возразил гердазиец.

– Мы, – перебил Далинар, – находимся выше бурь. Будет легко забыть, с каким ураганом столкнулся остальной мир. Буря бурь вернется, и с нею явятся Приносящие пустоту. Нам остается лишь предположить, что этот город – и наши армии – вскоре останутся единственным в мире бастионом порядка. Наше призвание, наш долг требуют, чтобы мы взяли руководство на себя.

– Порядок? – переспросил Аладар. – Далинар, ты видел наши войска? Всего лишь шесть дней назад они сражались в невозможной битве, и пускай нас спасли, мы, в строгом смысле слова, проиграли. Сын Ройона не готов руководить остатками своего княжества. Некоторые из сильнейших армий – силы Танадаля и Вамы – остались в военных лагерях!

– Те, кто явился сюда, уже грызутся, – прибавила Палона. – Смерть старого Тороля лишь даст им еще один повод поссориться.

Далинар повернулся и холодными пальцами схватился за каменную стену. Ему в лицо дул свежий ветер, несколько спренов ветра пролетели мимо в виде маленьких полупрозрачных людей верхом на бризе.

– Светлость Калами, – проговорил Далинар, – что вы знаете об Опустошениях?

– Светлорд? – нерешительно переспросила она.

– Опустошения. Вы же написали научную работу по воринской теории, верно? Вы можете рассказать нам про Опустошения?

Калами прочистила горло.

– Светлорд, они были воплощенным разрушением. Каждое столь губительно, что человечество оказывалось сломлено. Государства разорялись, общество оставалось изувеченным, ученые погибали. Человечеству после них приходилось восстанавливаться на протяжении нескольких поколений. В песнях повествуется о том, как потеря становилось все больше и больше, а мы с каждым разом скатывались все глубже, пока не вышло так, что Вестники оста-

вили людей с мечами и фабриальми, а по возвращении увидели их с палками и каменными топорами.

– А Приносящие пустоту? – спросил Далинар.

– Они пришли, чтобы истребить, – ответила Калами. – Их целью было стереть человечество с лица Рошара. Это бесформенные призраки: кто-то говорит, духи мертвецов, кто-то – спрены из Преисподней.

– Нам придется разработать какой-то способ, чтобы не дать этому свершиться опять, – негромко сказал Далинар, поворачиваясь к собравшимся. – Мы те, на кого должен смотреть весь остальной мир. Мы обязаны предоставить ему стабильность, объединяющую идею. Вот почему я не могу радоваться смерти Садеаса. Он был занозой у меня в боку, но являлся способным генералом и обладал блестящим разумом. Мы нуждались в нем. Прежде чем все это завершится, нам потребуются все, кто способен сражаться.

– Далинар, я раньше с тобой пререкался, – заявил Аладар. – Был как все прочие великие князья. Но то, что я увидел на поле боя... те красные глаза... Сир, я с тобой. Я последую за тобой на край самой бури. Что я должен сделать?

– Аладар, у нас мало времени. Я назначаю тебя новым великим князем осведомленности, ты будешь руководить правосудием и законностью в этом городе. Установи порядок в Уритиру и позаботься о том, чтобы в рамках этого порядка у великих князей были четко определенные сферы влияния. Создай полицейскую силу и организуй патрулирование коридоров. Поддерживай мир и предотвращай стычки между солдатами.

Себариаль, тебя я назначаю великим князем торговли. Подсчитай наши припасы и обустрой в Уритиру рынки. Я хочу, чтобы эта башня стала полноценным городом, а не просто временной остановкой в пути.

Адолин, займись переводом войск в режим тренировки. Подсчитай, сколько солдат у всех великих князей, и сообщи им, что их копы понадобятся для защиты Рошара. Пока они остаются здесь, на них распространяется моя власть как Великого князя войны. Мы задавим их грызню тяжелыми тренировками. Мы контролируем духозаклинателей, а значит, контролируем еду. Если им нужен провиант, они будут вынуждены прислушаться.

– А мы? – поинтересовался неряшливый лейтенант из Четвертого моста.

– Продолжайте изучать Уритиру с моими разведчицами и письмоводительницами, – распорядился Далинар. – И сообщите мне, как вернется ваш капитан. Надеюсь, он принесет из Алеткара хорошие новости.

Он тяжело вздохнул. На задворках его разума зазвучал гулкий, как будто бы далекий голос: «Объедини их. Будь готов к тому моменту, когда придет защитник врага».

– Наша конечная цель – сохранение всего Рошара, – негромко проговорил Далинар. – Мы видели, какую цену приходится платить за разобщенность в наших рядах. Из-за нее мы не смогли остановить Бурю бурь. Но это была лишь разминка, тренировка перед настоящей битвой. Чтобы противостоять Опустошению, я найду способ сделать то, чего мой предок Солнцетворец не сумел добиться путем завоеваний. Я объединю Рошар.

Калами тихонько ахнула. Ни один человек еще не объединял весь континент – ни во время Шинских вторжений, ни на пике Иерократии, ни в период завоевательного похода Солнцетворца. Это была миссия Далинара, в которую он искренне верил. Враг должен был освободить два его худших страха: Несотворенных и Приносящих пустоту. И призрачного защитника в темном доспехе.

Далинар противопоставит им объединенный Рошар. Какая жалость, что ему не удалось перетянуть Садеаса на свою сторону.

«Ах, Тороль, – подумал он. – Чего бы мы смогли добиться вместе, если бы не были так разделены...»

– Отец? – Тихий голос привлек его внимание. Ренарин, стоявший между Шаллан и Адолином. – Ты не упомянул нас. Меня и светлость Шаллан. Каково наше задание?

– Практиковаться! – отрезал Далинар. – К нам будут приходить другие Сияющие, и вы двое понадобятся, чтобы возглавить их. Рыцари когда-то были нашим величайшим оружием против Приносящих пустоту. Они должны стать им снова.

– Отец, я... – Ренарин запнулся, не в силах подобрать слова. – Просто это... Я? Я не могу. Я не понимаю как... не говоря уже о...

– Сын. – Далинар шагнул к нему. Он взял Ренарина за плечо. – Я верю в тебя. Всемогущий и спрены даровали тебе силы защищать и оборонять этот народ. Используй их. Освой их, а потом сообщи мне, что ты можешь. Думаю, всем интересно это узнать.

Ренарин тихонько вздохнул и кивнул.

3. Движущая сила

ТРИДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ГОДА НАЗАД

Камнепочки хрустели, словно черепа под подошвами Далинара, когда он ринулся в атаку через горящее поле. Его лучшие воины топали следом, – отобранный им лично отряд из солдат как светлоглазых, так и темноглазых. Они не были почетной гвардией. Далинар не нуждался в гвардейцах. Это просто были люди, которых он считал достаточно умелыми, чтобы они его не стесняли.

Вокруг дымились камнепочки. Мох – высохший от летней жары длинных дней между бурями в это время года – загорался волнами, заставляя раковины камнепочек вспыхивать. Спрены пламени плясали среди них. И, сам похожий на спрена, Далинар бросился в атаку сквозь дым, полагая, что стеганный доспех и толстые ботинки его защитят.

Враг, на которого его войска давили с севера, отступил в этот город прямо перед ним. Далинар выждал, пока подтянется его элитный отряд, чтобы ударить с фланга.

Он не ожидал, что противник подожжет равнину и в отчаянии спалит собственный урожай, чтобы заблокировать подход с юга. Что ж, пусть огонь идет в Преисподнюю. Кое-кто из его людей не выстоял перед дымом и жаром, большинство осталось с ним. Они обрушатся на врага, прижмут его к главной армии.

Молот и наковальня. Его любимая тактика – она не позволяла противникам сбежать.

Когда Далинар вырвался из-за дымной завесы, то обнаружил, что несколько линий копеечников спешно строятся на южной границе города. Спрены ожидания, похожие на красные знамена, росли из земли и полоскались на ветру. Низкая городская стена была разрушена во время столкновения несколько лет назад, так что у солдат в качестве укреплений были только горы мусора. Впрочем, на востоке возвышалась большая скала, которая служила естественной защитой от ветра во время бурь. Это и позволило поселению вырасти в настоящий город.

Далинар издал боевой клич и ударил мечом – всего лишь обычным длинным мечом – по щиту. На Далинаре был крепкий нагрудник, шлем с открытой передней частью и ботинки

с железными накладками. Копейщики впереди дрогнули, когда из дыма и огня вырвались его элитные солдаты, оглашая округу кроважной какофонией криков.

Несколько копейщиков бросили оружие и побежали. Далинар ухмыльнулся. Ему не требовались осколки, чтобы внушать страх.

Он врезался в копейщиков словно валун, катящийся через рощицу молодых деревьев, от его меча разлетались брызги крови. Секрет хорошей битвы заключался в скорости. Не останавливайся. Не думай. Двигайся вперед и убеди своих врагов в том, что они уже мертвы. Тогда они меньше будут сопротивляться и ты быстрее отправишь их на погребальные костры.

Копейщики неистово тыкали копьями – скорее пытаясь оттолкнуть, чем убить этого помешанного. Их ряды сжимались по мере того, как слишком многие обращали все внимание на него.

Далинар рассмеялся, отбил щитом два копья, а затем выпотрошил одного, всадив ему лезвие глубоко в брюхо. Солдат от мучительной боли выронил копье, а его соратники отпрянули в ужасе от такого зрелища. Далинар с ревом прыгнул вперед, круша врагов мечом, на котором была кровь их товарища.

Элитный отряд нанес удар по распавшемуся строю, и началась настоящая бойня. Далинар неуклонно продвигался вперед, рассекая ряды, пока не оказался позади, где перевел дух и вытер с лица пепельный пот. На земле неподалеку плакал молодой копейщик и звал маму, ползя по камням и оставляя за собой кровавый след. Повсюду спрены страха мешались с оранжевыми, напоминающими сухожилия спренами боли. Далинар тряхнул головой и вонзил парню меч в спину, когда тот полз мимо.

Люди часто звали родителей, когда умирали. Возраст не имел значения. Седобородые в этом смысле ничем не отличались от таких вот юнцов, как он успел убедиться. «Он ненамного моложе меня», – подумал Далинар. Может, семнадцать. Впрочем, сам он никогда не чувствовал себя юным, сколько бы лет ему ни было.

Его отряд рассек строй врага надвое. Далинар плясал, стряхивая кровь с клинка, чувствуя себя настороженным, возбужденным, но еще не живым. Ну где же оно?

«Давай...»

Вражеский отряд побольше числом бежал к нему по улице, возглавляемый несколькими офицерами в белом и красном. По тому, как они внезапно остановились, Далинар догадался, что они встревожились, обнаружив, что их копейщики так быстро оказались разгромлены.

Далинар бросился в атаку. Его отборные солдаты отличались наблюдательностью, так что к нему быстро присоединились пятьдесят человек – остальные должны были прикончить бедолаг-копейщиков. Пятьдесят сгодится. Узкие городские улицы означали, что Далинару, скорее всего, не понадобится больше людей.

Он сосредоточился на единственном человеке, который ехал верхом. Доспехи всадника явно были сделаны так, чтобы напоминать осколочные, хотя на самом деле были из обычной стали. Им не хватало красоты и мощи истинного осколочного доспеха. И все же он выглядел так, словно являлся самой важной персоной вокруг. Может, он и правда лучший?

Гвардейцы этого всадника бросились в атаку, и Далинар почувствовал, как внутри что-то всколыхнулось. Словно невыносимая жажда.

Вызов. Ему нужен вызов!

Он набросился на первого гвардейца, атаковав быстро и жестоко. Сражения на поле боя не похожи на дуэли на арене; Далинар не плясал вокруг этого парня, проверяя его способности. Здесь, занимаясь такими вещами, можно было получить удар в бок от кого-нибудь другого. Вместо этого Далинар ударил мечом врага, который поднял щит, блокируя его. Далинар нанес серию быстрых мощных ударов, словно барабанщик, выбивающий яростный ритм. Бам, бам, бам, бам!

Вражеский солдат вцепился в свой щит, закрывая им голову, и ситуация оказалась полностью под контролем Далинара. Он поднял собственный щит перед собой и толкнул противника, вынуждая его отступить, пока тот не споткнулся, предоставив Далинару шанс.

Этому он не дал возможности позвать маму.

Гвардеец рухнул перед ним. Далинар позволил своим отборным солдатам разобраться с остальными; путь к светлорду открыт. Кто он такой? Великий князь сражался на севере. Может, это какой-то другой важный светлоглазый? Или... не упоминался ли на бесконечных гавиларовских совещаниях какой-то там сын?

Что ж, этот мужчина казался важной шишкой на своей белой кобыле. В развевающемся плаще он наблюдал за битвой сквозь забрало. Противник поднял меч к шлему, давая понять, что принял вызов Далинара.

Идиот.

Далинар поднял руку со щитом и ткнул пальцем, рассчитывая, что по меньшей мере один из его денщиков остался поблизости. В самом деле, Дженин шагнул вперед, отстегнул со спины короткий лук и – светлорд успел лишь вскрикнуть от изумления – выстрелил лошади в грудь.

– Светлорд, ненавижу стрелять в лошадей, – проворчал Дженин, когда животное от боли встало на дыбы. – Все равно что бросить тысячу броумов в океан, шквал бы его побрал.

– Я тебе куплю двух, когда мы с этим покончим!

Противник полетел кувырком с лошади. Далинар уклонился от молотящих в воздухе копыт и, не обращая внимания на мучительное ржание, разыскал упавшего. Он обрадовался, увидев, что враг встает.

Они бросились друг на друга, неистово замахиваясь. В жизни все сводилось к скорости и движению. Выбери направление и не позволяй никому – человеку ли, буре – сбить тебя с пути. Далинар, яростный и настойчивый, бился со светлордом, вынуждая его пятиться.

Он чувствовал, что побеждает в схватке, контролирует ее, до того как ударил врага щитом и – в момент напряжения – почувствовал, как что-то лопнуло. Один из ремней, которым щит крепился к руке, порвался.

Противник отреагировал немедленно. Он толкнул щит, закрутив его вокруг руки Далинара, и порвал второй ремень. Щит тут же отлетел.

Далинар зашатался, взмахнул мечом, пытаясь парировать удар, которого не случилось. Вместо этого светлорд кинулся к нему вплотную и с размаху ударил щитом.

Далинар уклонился от удара, который последовал за этим, но от мощного удара слева по голове споткнулся. Его шлем повернулся, гнутый металл впился в кожу. Перед глазами все раздвоилось и поплыло.

«Он собирается убить».

Далинар взревел, взмахнул мечом, резко и неистово парируя удар светлорда, и, когда их мечи соприкоснулись, оружие противника вылетело из его рук.

Взамен он ударил Далинара в лицо рукой в латной перчатке. Нос хрустнул.

Далинар упал на колени, меч вывалился из пальцев. Противник тяжело дышал, извергая ругательства между вдохами, запыхавшись после короткой и яростной схватки. Он потянулся к поясу за ножом.

Внутри Далинара проснулось некое чувство.

Это был огонь, который заполнял пустоту внутри его. Пламя прошло сквозь него и пробудило, принесло ясность. Звуки, с которыми его отборные солдаты бились с гвардейцами светлорда, сделались приглушенными, звон металла о металл превратился в позвякивание, возгласы – в далекий невнятный гул.

Далинар улыбнулся. Улыбка быстро превратилась в оскал. Его зрение прояснилось, и он увидел, что светлорд с ножом в руке поднял взгляд и, вздрогнув, попятился. На его лице отразился ужас.

Далинар взревел, сплюнул кровью и бросился на врага. Увернувшись от неловкого удара, врезался плечом в нижнюю часть тела противника. Что-то ритмично гудело внутри Далинара – пульс битвы, ритм убийства и смерти.

Азарт.

Он сбил противника с ног и принялся искать свой меч. Тут Дим проорал его имя и бросил секиру с крючком с одной стороны и широким тонким лезвием топора с другой. Далинар схватил ее на лету, потом повернулся, крюком зацепил светлорда за лодыжку и дернул.

Светлорд упал, издавая звон стали. Не успел Далинар извлечь из этого выгоду, как двое гвардейцев сумели выбраться из битвы с его людьми и бросились на помощь своему господину.

Далинар развернулся и утопил лезвие секиры в бок одного из них. Вырвал, развернулся опять – ударил оружием по шлему светлорда, который попытался встать, вынудив его снова упасть на колени, а потом быстро возвратился в прежнее положение и успел поймать меч оставшегося гвардейца на рукоять секиры.

С усилием поднял ее, держа обеими руками, вынудив гвардейца воздеть меч высоко над головой. Шагнул вперед, оказавшись лицом к лицу с противником. Он чувствовал его дыхание.

Далинар плюнул кровью из носа гвардейцу в глаза, потом пнул его в живот. Повернулся к светлорду, который пытался сбежать. Зарычал, полный Азарта. Замахнулся секирой, зацепил крюком бок светлорда и дернул, вынудив его снова упасть.

Светлорд перевернулся и увидел Далинара, который, держа секиру обеими руками, обрушил ее на нагрудник и, пробив его, вонзил крюк прямо в грудную клетку. Раздался хруст, и Далинар, удовлетворенный, выдернул окровавленное оружие.

Этот удар как будто был сигналом, и гвардейцы наконец-то дрогнули перед его отборными солдатами. Далинар с ухмылкой проследил, как они уходят. Вокруг него стали появляться спрены славы, похожие на светящиеся золотые сферы. Его люди достали короткие луки и всадили доброй дюжине убегающих врагов стрелы в спину. Преисподняя, до чего же хорошо чувствуешь себя, когда расправился с войском, превосходящим твое собственное.

Неподалеку тихо застонал светлорд.

– Почему... – раздался его голос из-под шлема. – Почему мы?

– Не знаю, – бросил Далинар и швырнул секиру Диму.

– Ты... ты не знаешь? – спросил умирающий.

– Мой брат выбирает, – сказал Далинар. – Я просто иду туда, куда он мне показывает. – Он взмахом руки указал на умирающего, и Дим закончил начатое, вонзив меч в подмышку облаченного в броню светлорда. Парень сражался достаточно хорошо; нет нужды длить его мучения.

Другой солдат подошел и вручил Далинару его меч. На лезвии была зазубрина размером с большой палец. Похоже, оно еще и согнулось.

– Им надо тыкать в мягкие части, светлорд, – проворчал Дим, – а не колотить по твердым.

– Я запомню, – ответил Далинар и швырнул меч в сторону, пока один из его солдат выбирал замену среди оружия павших.

– Светлорд, вы... в порядке? – уточнил Дим.

– Лучше не бывает, – сказал Далинар чуть искаженным голосом из-за забитого носа. Болело как сама Преисподняя, и он притянул из земли стайку спренов боли – маленьких рук из сухожилий.

Все собрались, и Далинар повел отряд дальше по улице. Очень скоро он разглядел впереди основные силы врага, которые по-прежнему сражались, обороняясь от его армии. Он остановил своих солдат и перебрал варианты.

– Господин, какие будут приказы? – спросил Такка, капитан отборных бойцов.

– Устроим налет вон на те дома. – Далинар указал на ряд строений. – Поглядим, как хорошо солдаты будут сражаться, когда увидят, что мы зашли с тыла и напали на их семьи.

– Люди захотят грабить, – предупредил Такка.

– Да что можно брать в этих лачугах? Мокрые свиные шкуры и старые миски из камнепочек? – Далинар стянул шлем, чтобы вытереть кровь с лица. – Когда все закончится, пускай грабят. Прямо сейчас мне нужны заложники. Где-то в этом городе, буря бы его побрала, есть гражданские. Разыщите их.

Такка кивнул и выкрикнул приказ. Далинар потянулся к фляге с водой. Надо встретиться с Садеасом и...

Что-то врезалось Далинару в плечо. Лишь краем глаза заметив черное размытое пятно, он как будто получил пинок с разгона и отлетел на землю. В боку вспыхнула боль.

Он моргнул и понял, что лежит. Из правого плеча торчало толстое древко стрелы, буря бы ее побрала. Стрела проткнула кольчугу насквозь, прямо в том месте, где кираса встречалась с его рукой.

– Светлорд! – воскликнул Такка, приседая и прикрывая Далинара своим телом. – Келек! Светлорд, вы...

– Кто стрелял, клянусь Преисподней? – перебил Далинар.

– Вон там! – Один из его людей указал на скалу над городом.

– Это же больше трехсот ярдов. – Далинар оттолкнул Такку и встал. – Невоз...

Он следил за скалой, поэтому успел отпрыгнуть от следующей стрелы, которая упала в каком-то футе от него, с треском ударившись о каменистую землю. Далинар устался на нее, а потом начал орать:

– Лошади! Где лошади, буря бы их побрала?

Подбежала группа солдат, ведя все одиннадцать лошадей, которых они с осторожностью провели через поле. Далинар смог уклониться еще от одной стрелы, прежде чем он схватил поводья Полуночника, своего черного мерина, и забрался в седло. Стрела в плече порождала острую боль, но нечто очень важное тянуло его вперед. Это помогало сосредоточиться.

Далинар погнал коня галопом в ту сторону, откуда они прибыли, уходя из поля зрения лучника, и десять его лучших солдат направились следом. Должен был существовать какой-то подъем на тот склон... Ага! Каменистая тропа, достаточно пологая, чтобы он без раздумий направил Полуночника вверх.

Далинар беспокоился, что, пока он достигнет вершины, его добыча сбежит. Когда же в конце концов вырвался на вершину скалистого хребта, стрела вонзилась ему в грудь с левой стороны, прошла через нагрудник возле плеча и едва не сбросила с коня.

Преисподняя! Далинар каким-то образом удержался в седле, сжимая поводья одной рукой, и наклонился, глядя в себя, в то время как лучник – все еще далекая фигура, – стоя на каменистом холме, выпустил в него еще стрелу. И еще одну. Вот буря, до чего же этот парень быстрый!

Далинар рывком направил Полуночника в одну сторону, потом в другую, чувствуя, как им овладевает ритмично гудящий Азарт. Он прогнал боль, позволил сосредоточиться.

Впереди лучник наконец-то встревожился и спрыгнул со своего «наседа», чтобы убежать.

Далинар подогнал Полуночника к этому холму миг спустя. Лучник оказался юношей двадцати с небольшим, в грубой одежде, с руками и плечами, которые выглядели так, словно он был способен поднять и чулла. Далинар мог бы его задавить, но вместо этого направил Полуночника мимо и пнул стрелка в спину, так что он распластался на камнях.

Далинар остановил коня, и от этого движения по его руке пробежала боль. Он ее подавил, хоть на глазах и выступили слезы, и повернулся к лучнику, который съехал среди рассыпавшихся черных стрел.

Далинар, у которого в обоих плечах торчало по стреле, выпрыгнул из седла как раз в тот момент, когда солдаты его догнали. Он схватил лучника и вынудил встать, заметив синюю

татуировку у него на шее. Лучник охнул и вперил взгляд в Далинара. Тот знал, что производит устрашающее впечатление: покрытый сажей от костров, лицо – кровавая маска из-за поврежденного носа и пореза на голове, и целых две засевшие стрелы.

– Ты ждал, пока я сниму шлем, – резко произнес Далинар. – Ты опытный убийца. Тебя сюда направили специально, чтобы прикончить меня.

Лучник поморщился и кивнул.

– Восхитительно! – воскликнул Далинар, отпуская парня. – Покажи мне тот выстрел опять. Такка, какое тут расстояние? Больше трехсот ярдов?

– Почти четыре сотни, – уточнил Такка, подъезжая верхом. – Но с преимуществом высоты.

– И все же, – сказал Далинар, подходя к краю хребта. Он обернулся на сбитого с толку лучника. – Ну? Хватай свой лук!

– Мой... лук? – повторил тот.

– Малый, ты оглох? – рявкнул Далинар. – Ступай и возьми его!

Лучник бросил взгляд на десять элитных солдат верхом, мрачных и опасных, прежде чем мудро решил подчиниться. Он подобрал стрелу, потом свой лук, сделанный из гладкой черной древесины, которую Далинар не узнавал.

– Пробила броню, заberi ее буря. – Далинар ощупывал стрелу, которая ударила его в левое плечо. Благодаря доспехам она не причинила большого вреда. А вот та, что засела справа, пробила кольчугу, и из раны по руке текла кровь.

Он покачал головой и прикрыл глаза левой рукой, обозревая поле боя. Справа от него столкнулись армии, и главная часть его элитного отряда продвигалась с фланга. Арьергард нашел нескольких гражданских и выталкивал их на улицу.

– Выбери труп, – велел Далинар, указывая на опустевшую площадь, где случилась стычка. – Всади стрелу в одного из этих, если можешь.

Лучник облизнул губы, все еще сбитый с толку. Наконец он снял с пояса подозрную трубу и изучил местность.

– Тот, что в синем, возле перевернутой тележки.

Далинар прищурился, потом кивнул. Поблизости спешился Такка и, вытащив меч, положил его на плечо. Не особо деликатное предупреждение. Лучник натянул лук и выпустил единственную стрелу с черным оперением. Она полетела куда надо и воткнулась в выбранный им труп.

Рядом с Далинаром возник единственный спрен восхищения, взорвавшись кольцом синего дыма.

– Буреотец! Такка, до сегодняшнего дня я бы поставил половину княжества на то, что такой выстрел невозможен. – Он повернулся к лучнику. – Как твое имя, убийца?

Юноша вздернул подбородок, но не ответил.

– Что ж, в любом случае добро пожаловать в мой элитный отряд. Кто-нибудь, добудьте парню лошадь.

– Что? – изумился лучник. – Я же пытался тебя убить!

– Да, на расстоянии. Что демонстрирует превосходную осмотрительность. Человек с такими навыками мне пригодится.

– Мы враги!

Далинар кивком указал на город внизу, где окруженная вражеская армия наконец-то сдавалась.

– Больше нет. Похоже, теперь мы все союзники!

Лучник сплюнул в сторону:

– Рабы под игом твоего брата-тирана.

Далинар позволил одному из своих людей помочь себе забраться в седло.

– Если предпочитаешь, чтобы тебя убили, я могу уважить эту просьбу. В ином случае присоединяйся ко мне и назови свою цену.

– Жизнь моего светлорда Йезриара, – ответил лучник. – Наследника.

– Не того ли парня, которого... – начал Далинар, глядя на Такку.

– ...вы убили внизу? Да, господин.

– У него дыра в груди, – сообщил Далинар, снова повернувшись к стрелку. – Вот незадача.

– Ты... ты монстр! Разве ты не мог взять его в плен?

– Не-а. Другие княжества упорствуют. Отказываются признавать корону моего брата. Игры в догонялки со светлоглазыми высокого ранга лишь подзадоривают людей к тому, чтобы дать отпор. Если же будут знать, что нам нужна кровь, то подумают хорошенько. – Далинар пожал плечами. – А как насчет этого? Присоединись ко мне, и мы не разграбим этот город. Ну, по крайней мере, то, что от него осталось.

Стрелок бросил взгляд на войско, которое сдавалось.

– Согласен или нет? – спросил Далинар. – Обещаю не заставлять тебя стрелять в тех, кто тебе нравится.

– Я...

– Отлично! – Далинар развернул коня и ускакал прочь.

Спустя некоторое время, когда элитные солдаты Далинара подъехали к нему, мрачный лучник был на коне вместе с другим солдатом. По мере того как Азарт отступал, боль в правой руке Далинара делалась сильнее, но он мог с ней справиться. Надо, чтобы рану посмотрели лекари.

Как только они снова достигли города, он приказал прекратить погромы. Его люди будут в ярости, но городишко все равно ничего не стоил. Когда они дойдут до центра какого-нибудь княжества, там и будут богатства.

Он позволил коню неспешным шагом пронести себя через город, минуя солдат, которые присели, чтобы напиться и отдохнуть после затянувшегося боя. Нос все еще терзала жгучая боль, и приходилось напоминать себе не шмыгать им, чтобы не втягивать кровь. Если он на самом деле сломан, ничего хорошего из этого не выйдет.

Далинар продолжал двигаться, борясь с притупленным ощущением... пустоты, которое часто следовало за битвой. Это был самый сложный период. Пускай Азарт, наполняющий жизнь, еще свеж в памяти, теперь предстоит вернуться к рутине.

Казни он пропустил. Садеас уже поднял голову местного великого князя и его офицеров на копьё. Ну и позер он, этот Садеас. Далинар миновал мрачный частокол, покачивая головой, и услышал, как новый лучник пробормотал ругательство. Надо будет поговорить с новичком: стрелять во врага, каковым был для него Далинар совсем недавно, оправданно. За хороший выстрел во время боя нужно уважать. Но теперь все изменилось: если он попробует предпринять что-то против Далинара или Садеаса сейчас, это будет совсем другое дело. Такка уже должен искать семью этого парня.

– Далинар? – позвал кто-то.

Далинар остановил коня и повернулся на звук. Тороль Садеас – блистательный в золотисто-желтом осколочном доспехе, который уже отмыли дочиста, – протолкался через сборище офицеров. Краснолицый молодой человек выглядел куда старше, чем год назад. Когда они все это начинали, он еще был долговязым юнцом. Но не теперь.

– Далинар, это что, стрелы? Буреотец, дружище, ты выглядишь как колючий кустарник! Что случилось с твоим лицом?

– Кулак, – объяснил Далинар и, кивнув на головы на копьях, прибавил: – Хорошая работа.

– Мы потеряли наследного принца, – сказал Садеас. – Он возглавит сопротивление.

– Это будет впечатляюще, – согласился Далинар, – принимая во внимание то, что я с ним сделал.

Садеас заметно расслабился:

– Ох, Далинар. Ну как бы мы справились без тебя?

– Вы бы проиграли. Кто-нибудь, добудьте мне выпивку и пару лекарей. В означенном порядке. И еще, Садеас. Я обещал, что мы не будем разорять город. Никаких грабежей, никого не берем в рабство.

– Что ты сделал?! – сердито переспросил Садеас. – Кому пообещал?

Далинар большим пальцем указал через плечо на лучника.

– Еще один?! – простонал Садеас.

– Он изумительно меткий, – сообщил Далинар. – И еще очень верный.

Поодаль солдаты Садеаса согнали в кучу нескольких плачущих женщин, чтобы Садеас мог выбирать.

– Я предвкушал сегодняшнюю ночь, – проворчал Садеас.

– А я предвкушал, что буду дышать носом. Переживем. Детишкам, с которыми мы сегодня сражались, такой возможности не выпало.

– Ладно, ладно. – Садеас вздохнул. – Полагаю, мы можем пощадить один город. В качестве знака нашей доброй воли. – Он снова окинул Далинара взглядом. – Друг мой, мы должны раздобыть тебе осколки.

– Чтобы меня защищать?

– Защищать тебя? Клянусь бурей, я не уверен, что тебя даже оползень убьет. Нет, просто мы все, остальные, выглядим плохо, когда ты добиваешься того, чего добиваешься, практически безоружным!

Далинар пожал плечами. Он не стал ждать вина или лекарей, а направил коня обратно, чтобы собрать своих солдат и еще раз напомнить, что им приказано оберегать город от грабежей. Покончив с этим делом, он пошел пешком, ведя за собой коня, через дымящееся поле в свой лагерь.

Вот и прожил один день. Пройдут недели, а то и месяцы, прежде чем ему снова выпадет такая возможность.

4. Клятвы

Знаю, многие женщины, которые это прочтут, увидят лишь еще одно доказательство моей так называемой ереси.

Из «Давшего клятву», предисловие

Через два дня после того, как Садеаса нашли мертвым, вновь нагрянула Буря бурь.

Далинар прошел через свои покои в Уритиру, чувствуя, как его притягивает странный шторм. Босые ноги на холодном камне. Он миновал Навани – она сидела за письменным столом, вновь работая над мемуарами, – и вышел на балкон, который нависал прямо над скалами под Уритиру.

Великий князь что-то чувствовал, в ушах у него шелкало, холодный ветер – куда холоднее обычного – дул с запада. И еще кое-что. Внутренний озноб.

– Это ты, Буреотец? – прошептал Далинар. – Ты вызываешь это чувство ужаса?

Это чувство противоестественно, – сказал Буреотец. – *Мне неизвестно, что это.*

– Такого не случалось раньше, во время предыдущих Опустошений?

Нет. Это что-то новое.

Как всегда, голос Буреотца звучал издалека, словно очень неблизкий гром. Буреотец не всегда отвечал Далинару и не оставался рядом с ним. Чего и следовало ожидать; он был душой бури. Он не мог – и не должен – оставаться чьим-то пленником.

И все же была некая почти ребяческая вздорность, с которой Буреотец иной раз игнорировал вопросы Далинара. Иногда казалось, он делает это лишь ради того, чтобы напомнить Далинару, что не собирается являться по первому его требованию.

Вдали появилась Буря бурь, ее черные тучи изнутри озаряли трескучие красные молнии. Уритиру будто парил в вышине, а она ползла по небу слишком низко и, к счастью, не могла коснуться города. Ее продвижение напоминало атаку кавалерии на спокойные и заурядные облака внизу.

Далинар заставил себя смотреть, как волна тьмы обтекает плато Уритиру. Вскоре их одинокая башня превратилась в маяк посреди темного смертоносного моря.

Воцарилась зловещая тишина. Красные молнии не сопровождались громом, как следовало бы. Время от времени он слышал треск, резкий и ужасный, словно сотня веток ломалась

разом. Но звуки, похоже, не соответствовали вспышкам красного света, который поднимался из глубин.

Вообще-то, буря была настолько тихой, что он расслышал шорох ткани, когда сзади почти беззвучно подошла Навани. Она обняла его, прижалась к спине и положила голову ему на плечо. Бросив взгляд вниз, Далинар заметил, что она сняла перчатку со своей защищенной руки. Та была едва заметна в темноте: изящная, с великолепными пальцами – такими нежными, с ногтями, выкрашенными в бледно-розовый цвет. Он увидел это в свете первой луны над ними и прерывистых вспышек бури под ними.

– Есть какие-нибудь новые вести с запада? – шепотом спросил Далинар. Буря бурь была медленнее Великой бури и достигла Шиновара много часов назад. Она не перезаряжала сферы, даже если их оставляли снаружи.

– Даль-перья жужжат. Монархи тянут с ответом, но я подозреваю, что вскоре они поймут – к нам необходимо прислушаться.

– Навани, сдастся мне, ты недооцениваешь упрямство, которое может зародиться в любой голове благодаря короне.

Далинар провел немало времени среди Великих бурь, особенно в молодости. Он видел хаос буревой стены, которая толкала перед собой камни и мусор, молнии, рассекающие небо, слышал раскаты грома. Великие бури были предельным выражением силы природы: неистовые, неукротенные, посланные напомнить человеку о его ничтожности.

Однако Великие бури никогда не казались исполненными ненависти. Эта же буря была другой. От нее исходила жажда мести.

Уставившись в черноту внизу, Далинар подумал, что может увидеть, что она принесла. В него словно в гнев швырнули жуткие образы. Вот что натворила буря, медленно пересекая Рошар.

Разломанные на части дома, крики обитателей едва слышны за ревом стихии.

Люди, застигнутые в полях, в панике бегут от бури, которую никто не предсказал.

Молнии бьют по городам. Поселки утопают в тени. С полей сметено все подчистую.

И огромное море сверкающих красных глаз, просыпающихся, как сферы, внезапно напоянные буресветом.

Далинар с шипением выдохнул, и видение исчезло.

– Это реальность? – прошептал он.

Да, – ответил Буреотец. – Враг оседлал эту бурю. Далинар, он знает о тебе.

Не видение из прошлого. Не какая-то версия будущего. На его королевство, его народ, на весь его мир напали. Он глубоко вздохнул. По крайней мере, это была не та единственная в своем роде стихия, с которой им пришлось иметь дело, когда Буря бурь, явившись в первый раз, столкнулась с Великой бурей. Эта казалась менее мощной. Она не сносила города, но все-таки обрушивалась на них сокрушительной силой – и ее враждебные ветра нападали один за другим, как будто действуя осознанно.

Врага, похоже, больше прельщали жертвы в виде маленьких городов. Поля. Люди, застигнутые врасплох.

Хотя последствия были не такими, как боялся Далинар, все равно должны были остаться тысячи трупов. И разоренные города, в особенности западные, где не было укрытий. Что еще важнее, эта буря должна украсть паршунов-трудяг и превратить их в Приносящих пустоту, которым ничто не помешает наброситься на людей.

Эта буря взыщет с Рошара кровавую цену, которой тот не платил с... ну, с Опустошений.

Великий князь сжал руку Навани. Они будто держались друг за друга.

– Далинар, ты сделал все, что мог, – прошептала она через некоторое время, понаблюдав за происходящим. – Не настаивай на том, чтобы нести эту неудачу как бремя.

– Не буду.

Она отпустила его и повернула, заставив оторвать взгляд от бури. На ней был халат – неподходящая одежда, чтобы показываться в ней на глаза посторонним, но и особо нескромным ее нельзя было назвать.

В отличие от руки, которой она ласкала его подбородок.

– Далинар Холин, – произнесла она, – я не верю тебе. Я читаю правду в твоих напряженных мышцах и в том, как ты стискиваешь зубы. Я знаю, что, если тебя придавит валуном, ты будешь настаивать, что все под контролем, и потребуешь, чтобы твои люди предоставили полевые отчеты.

Ее запах опьянял. И эти чарующие блестящие фиолетовые глаза...

– Тебе нужно расслабиться, – шепнула она.

– Навани...

Она посмотрела на него вопросительно, такая красивая. Куда великолепнее, чем во времена их молодости. Далинар бы поклялся в этом. Разве можно быть такой красивой?

Он схватил ее за затылок и прижался губами к ее губам. В нем проснулась страсть. Навани прижалась к нему всем телом, он почувствовал ее грудь через тонкую ткань. Далинар упивался ее губами, ее ртом, ее запахом. Спрены страсти порхали вокруг них, как хрустальные хлопья снега.

Князь взял себя в руки и отступил.

– Далинар, ты так упорно не поддаешься соблазну, что я начинаю сомневаться в своих женских чарах, – заявила она, когда он отодвинулся.

– Контроль важен для меня, – пояснил он охрипшим голосом. Схватился за каменную балконную стену так, что костяшки побелели. – Ты знаешь, каким я был без контроля. Я не сдамся сейчас.

Она вздохнула и пристроилась рядом с ним, заставила отцепить руку от камня и проскользнула под нее.

– Я тебя не принуждаю, но мне надо знать. Ничего не изменится? Мы так и будем дразнить друг друга, танцуя на краю?

– Нет, – откликнулся он, глядя на темную бурю. – Так мы упражнялись бы в бесполезности. Любой генерал знает, что не следует готовиться к сражениям, которые он не может выиграть.

– Тогда что?

– Я найду способ сделать все правильно. С клятвами.

Клятвы были жизненно важны. Обещание – действие, связывающее воедино.

– Как? – спросила она и ткнула его в грудь. – Я не менее религиозна, чем другие женщины, более религиозна, чем большинство, вообще-то. Но Кадаш нас отверг, как и Ладент, даже Рушу. Она взвизгнула, когда я упомянула об этом, и в буквальном смысле убежала.

– Чанада. – Далинар назвал имя старшей ревнительницы военных лагерей. – Она поговорила с Кадашем и заставила его подойти к каждому ревнителю. Вероятно, она сделала это, когда услышала о нашем романе.

– Выходит, ни один ревнитель не поженит нас, – подытожила Навани. – С их точки зрения, мы родня. Ты пытаешься подстроиться под невозможные условия; продолжай в том же духе, и даме останется лишь задаться вопросом, заботит ли тебя эта проблема на самом деле.

– Ты действительно об этом думала? – спросил Далинар. – Скажи правду.

– Ну... Нет.

– Ты женщина, которую я люблю. – Далинар крепко прижал ее к себе. – Женщина, которую я всегда любил.

– Тогда какая разница? Пусть ревнители катятся в Преисподнюю, обвязав лодыжки ленточками.

– Богохульство.

– Это не я всем рассказываю, что бог умер.

– Не всем, – возразил Далинар. Он вздохнул, отпуская ее – с неохотой, – и вернулся в свои комнаты, где жаровня с углем излучала радушное тепло, а также была единственным источником света в комнате. Они забрали его фабриалевый обогреватель из военных лагерей, но еще не накопили достаточно бурсвета, чтобы его запустить. Ученые обнаружили клетки на длинных цепях, по-видимому предназначенные для опускания сфер в бури, так что они смогут обновить свои сферы... если Великие бури когда-нибудь вернуться. В других частях света Плач возобновился, а потом внезапно прекратился. Он мог начаться снова. Или придут настоящие бури. Никто не знал, и Буреотец отказался его просветить.

Навани вошла и задернула плотные занавески, закрывая дверной проем. Комната была набита мебелью – вдоль стен стояли стулья, на них лежали свернутые в рулоны ковры. Имелось даже зеркало в полный рост. Изображения извивающихся спренов ветра по его сторонам своими округлостями безошибочно выдавали, что это изделие сперва вырезали из воска зерновки, а потом духозакляли в твердую древесину.

Все это сюда сложили для него, словно не желая, чтобы великий князь жил в комнате с голыми каменными стенами.

– Надо, чтобы завтра кто-то все отсюда вынес, – пробормотал Далинар. – В соседней комнате достаточно места, чтобы мы превратили ее в гостиную.

Навани кивнула, устраиваясь на одном из диванов – он видел ее отражение в зеркале, – ее рука по-прежнему была небрежно открытой, халат разошелся, демонстрируя шею, ключицы и кое-что из того, что располагалось ниже. Прямо сейчас она не пыталась быть соблазнительной; ей просто было комфортно рядом с ним. Они так хорошо друг друга знали, что она преодолела неловкость от того, что он видел ее неприкрытой.

Хорошо, что один из них был готов взять на себя инициативу в отношениях. Невзирая на всю свою решительность на поле боя, в этой области он всегда нуждался в поощрении. Как и много лет назад...

– Когда я женился в прошлый раз, – негромко проговорил Далинар, – то многое сделал неправильно. Я... начал неправильно.

– Я бы так не сказала. Ты женился на *Шииши* из-за ее осколочного доспеха, но многие браки заключаются по политическим причинам. Это не значит, что ты ошибался. Если помнишь, мы все подталкивали тебя к этому шагу.

Как всегда, когда он слышал имя своей мертвой жены, слово звучало для его ушей будто звук, с которым мчится ветер, – имя не могло закрепиться в его разуме, как человек не мог удержать бриз.

– Я не пытаюсь заменить ее, – заявила Навани с внезапной озабоченностью в голосе. – Знаю, ты все еще привязан к *Шииши*. Все в порядке. Я могу разделить тебя с памятью о ней.

О, как мало они все понимали. Далинар повернулся к Навани, стиснул зубы, преодолевая боль, и проговорил:

– Навани, я ее не помню. – (Она взглянула на него хмуро, словно решив, что ослышалась.) – Я совсем не помню свою жену, – настаивал Далинар. – Не знаю, как она выглядела. Ее портреты для моих глаз – расплывчатые пятна. Ее имя у меня отнимают всякий раз, когда оно звучит, как будто кто-то его вырывает. Я не помню, что мы друг другу сказали, когда впервые встретились; я даже не помню, как увидел ее на пиру в тот вечер, когда она впервые приехала. Все как в тумане. Я помню некоторые события, связанные с моей женой, но никаких фактических деталей. Все просто... исчезло.

Навани приподняла пальцы защищенной руки к губам, и от того, как ее лоб сморщился от беспокойства, он решил, что выглядит, должно быть, испытывающим мучительную боль.

Князь упал в кресло напротив нее.

– Алкоголь? – тихо уточнила Навани.

– Еще кое-что.

Она выдохнула:

– Старая магия. Ты сказал, что знаешь и свой дар, и свое проклятие.

Он кивнул.

– О, Далинар.

– Люди косятся на меня, когда звучит ее имя, – продолжил он, – и я вижу в их взглядах жалость. Они видят мое каменное лицо и думают, что я прячу истинные чувства. Они видят скрытую боль, тогда как на самом деле я просто пытаюсь не запутаться. Трудно следить за разговором, когда половина из него постоянно ускользает из твоей головы. Навани, может быть, я в конце концов ее полюбил. Не помню. Ни одного момента близости, ни ссоры, ни единого слова, которое она могла бы мне сказать когда-нибудь. Она ушла, оставив мусор, который портит мою память. Я не помню, как она умерла. Кое-что все же знаю, ведь в тот день происходили разные события, не связанные с ней. Что-то о восстании в городе, поднятом против моего брата. Потому моя жена и оказалась в заложницах?

Это... и долгий одинокий марш в сопровождении лишь ненависти и Азарта. Эти эмоции он помнил живо. Он отомстил тем, кто отнял у него жену.

Навани опустилась на сиденье рядом с Далинаром, положив голову на плечо.

– Хотела бы я создать фабриаль, – прошептала она, – который избавлял бы от такой боли.

– Думаю... думаю, ее потеря причинила мне ужасную боль, – прошептал Далинар, – из-за того, к чему она меня принудила. Мне остались лишь шрамы. Как бы там ни было, Навани, я хочу, чтобы у нас все получилось правильно. Никаких ошибок. Мы все сделаем как надо, с клятвами, которые я принесу тебе перед кем-то.

– Всего лишь слова.

– Прямо сейчас слова – самое важное в моей жизни.

Она приоткрыла рот:

– Элокар?

– Я бы не хотел ставить его в такое положение.

– Иностраный священнослужитель? Азирец, может быть? Они почти воринцы.

– Это было бы равносильно объявлению себя еретиком. Я так далеко не зайду. Не стану бросать вызов воринской церкви. – Он помолчал. – Но вот обойти ее, возможно, сумею...

– Что? – встрепнулась Навани.

Он поднял взгляд к потолку:

– Мы можем пойти к тому, кто наделен большей властью, чем они.

– Хочешь, чтобы нас поженил спрен?! – Она крайне изумилась. – Прибегнуть к помощи священника-чужестранца было бы ересью, но к помощи спрена – нет?

– Буреотец – самое живое, что сохранилось от Чести, – пояснил Далинар. – Он обломок самого Всемогущего – и похож на бога более всех, кто нам известен.

– О, я не возражаю. Я бы позволила и сбитой с толку посудомойке поженить нас. Просто это немного необычно.

– Это лучшее из того, что мы можем получить, если предположить, что он согласится. – Далинар посмотрел на Навани, потом поднял брови и пожал плечами.

– Ты делаешь мне предложение?

– Э-э... да.

– Далинар Холин, ты, конечно, мог бы подыскать кого-нибудь получше.

Он положил ладонь ей на затылок, прикоснувшись к черным волосам, которые она оставила распущенными.

– Лучше тебя, Навани? Нет, не думаю, что я бы смог. Не думаю, что хоть какому-то мужчине в этом мире однажды повезло больше, чем мне.

Она улыбнулась, и ее единственным ответом стал поцелуй.

Далинар на удивление сильно нервничал, когда несколько часов спустя ехал на одном из странных фабриалевых лифтов Уритиру к крыше башни. Лифт напоминал балкон, один из многих, что выходили на огромную открытую шахту в центре Уритиру – колоннообразное пространство шириной с балый зал, тянущееся от первого этажа до последнего.

Ярусы города с запада выглядели круглыми, на самом же деле края нижних уровней с обеих сторон сливались со скалами, а верхние этажи вздымались над ними, сохраняя восточную стену плоской. Комнаты, выходившие на эту сторону, имели окна с видом на Изначалье.

А здесь, в центральной шахте, окна составляли одну стену. Чистую единую, целую стеклянную панель высотой в сотни футов. Днем солнечный свет через стекло заливал шахту. Теперь сквозь нее проникал ночной мрак.

«Балкон» неуклонно полз вверх по вертикальной траншее в стене. Его сопровождали Адолин, Ренарин несколько охранников и Шаллан Давар. Навани уже ждала их. Все замерли на противоположной стороне кабины подъемника, предоставив Далинару возможность думать. И нервничать.

С чего вдруг великий князь так разнервничался? Он едва сдерживал дрожь в руках. Вот же буря... Можно подумать, он какая-нибудь девственница, укутанная в шелка, а не генерал весьма зрелых лет.

Глубоко внутри его что-то загрохотало. Буреотец соглашался отвечать, за что Далинар был ему благодарен.

– Я удивлен, – прошептал он, обращаясь к спрену, – что ты так охотно согласился. Благодарен, но все же удивлен.

Я чту все клятвы, – отвечивал Буреотец.

– А как насчет глупых клятв? Данных поспешно или по неведению?

Глупых клятв не существует. Все они – то, что отличает людей и истинных спренов от животных и низших спренов. Знак разума, свободной воли и выбора.

Далинар поразмыслил над этим и обнаружил, что не удивлен таким мнением. Спренам полагалось во всем доходить до крайностей; они были силами природы. Но неужели так считал и сам Честь, Всемогущий?

«Балкон» неумолимо продвигался к вершине башни. Лишь несколько лифтов из многих десятков все еще работали; в те времена, когда Уритиру процветал, они бы двигались все сразу. Они проезжали неисследованные уровни один за другим, и это беспокоило Далинара. Сделав эту крепость своей, он как будто разбил лагерь в неизведанных краях.

Лифт наконец достиг верхнего этажа, и охранники поспешили открыть ворота. В последнее время их брали из Тринадцатого моста. Четвертому князь определил другие обязанности, считая мостовиков слишком важными для простого охранного дежурства, раз уж теперь они были близки к тому, чтобы стать Сияющими.

Все больше тревожась, Далинар первым двинулся мимо нескольких колонн, украшенных символическими изображениями орденов Сияющих. Поднялся по лестнице и через люк в потолке вышел на самую крышу башни.

Хотя каждый ярус был меньше предыдущего, крыша все-таки имела более ста ярдов в ширину. Здесь было холодно, но кто-то приготовил жаровни для тепла и факелы для освещения. Ночь была поразительно ясная, и высоко в небе спрены звезд кружились, рисуя далекие узоры.

Далинар не знал, как быть с тем, что никто – даже его сыновья – не стал докучать расспросами, когда он объявил о намерении жениться посреди ночи на крыше башни. Князь отыскал взглядом Навани и был потрясен тем, что она где-то раздобыла традиционный венец невесты. Сложный головной убор из нефрита и бирюзы дополнял ее свадебное платье. Красное – на

удачу, – расшитое золотом и гораздо более свободного покроя, чем хава, с широкими рукавами и изящно ниспадающими складками.

Стоило ли Далинару разыскать какую-нибудь более традиционную одежду для себя самого? Он вдруг почувствовал себя пыльной пустой рамой, которую повесили рядом с роскошной картиной – Навани в полном свадебном облачении.

Рядом с нею стоял напряженный Элокар в парадном золотом кителе и свободной юбке-такама. Король выглядел бледнее обычного вследствие неудачного покушения во время Плача, после которого он едва не истек кровью. В последнее время Элокар много спал.

Хотя они решили отказаться от традиционной алетийской свадьбы, кое-кого все же пригласили. Светлорда Аладара с дочерью, Себариаля и его любовницу. Калами и Тешав – в качестве свидетелей. Он почувствовал облегчение, увидев их там, – князь боялся, что Навани не сможет найти женщин, согласных заверить брак по всем правилам.

Горстка офицеров и письмоводительниц Далинара завершали небольшую процессию. На самом краю толпы, собравшейся между жаровнями, он с удивлением заметил знакомое лицо. Кадаш, ревнитель, откликнулся на просьбу и пришел. Его покрытое шрамами, бородатое лицо не выглядело довольным, но он пришел. Хороший знак. Возможно, на фоне остальных событий женитьба великого князя на своей овдовевшей невестке не вызовет слишком большого ажиотажа.

Далинар подошел к Навани и взял ее за руки – одна пряталась под рукавом, другая была теплой на ощупь.

– Выглядишь потрясаяще, – прошептал он. – Где ты все это нашла?

– Даме полагается быть готовой ко всему.

Далинар посмотрел на Элокара, который склонил перед ним голову. «Это еще сильнее испортит наши отношения», – подумал князь, читая те же чувства на лице племянника.

Гавилару бы не понравилось, как обращаются с его сыном. Хоть Далинар и действовал из лучших побуждений, он отодвинул парня в сторону и захватил власть. Время, на протяжении которого Элокар приходил в себя после ранения, ухудшило ситуацию, ведь великий князь привык принимать решения самостоятельно.

Однако Далинар солгал бы самому себе, сказав, что именно с этого все и началось. Его поступки были совершены на благо Алеткара, на благо самого Рошара, но это не отменяло того факта, что – шаг за шагом – он узурпировал престол, несмотря на то что все это время заявлял, будто не собирается этого делать.

Продолжая держать Навани одной рукой, Далинар положил другую на плечо племянника:

– Прости, сынок.

– Дядя, ты вечно извиняешься, – бросил Элокар. – Это тебя не останавливает, но, полагаю, и не должно. Твоя жизнь состоит из решений о том, что тебе нужно, и действий, направленных на то, чтобы это заполучить. Нам всем стоило бы у тебя поучиться, если бы мы только сумели придумать, как поспевать за тобой.

Далинар поморщился:

– Мне есть о чем с тобой поговорить. О планах, которые ты мог бы оценить. Но этой ночью я прошу только твоего благословения, если ты в силах его дать.

– Это сделает мою мать счастливой, – ответил Элокар. – Ну и ладно.

Элокар поцеловал мать в лоб, а затем покинул их, шагая по крыше. Сначала Далинар встревожился, что король уйдет совсем, но он остановился рядом с одной из отдаленных жаровен и принялся греть руки.

– Что ж, – произнесла Навани. – Не хватает только твоего спрена. Если он собирается...

Ветер ударил по вершине башни, принес с собой запах недавнего ливня, мокрого камня и сломанных ветвей. Навани ахнула и прижалась к Далинару.

В небе возникло нечто. Буреотец объял все, он был лицом, которое тянулось от горизонта до горизонта и надменно взирало на людей. Воздух сделался странно неподвижным, и все, кроме вершины башни, как будто исчезло. Они словно выпали в некое место за пределами времени как такового.

Светлоглазые и охранники одинаково зашептались или вскрикнули. Даже Далинар, который этого ожидал, против собственной воли отступил на шаг – и ему пришлось побороть желание съежиться перед спреном.

Клятвы, – проорочил Буреотец, – это душа праведности. Если вам суждено пережить грядущий ураган, клятвы должны направлять вас.

– Буреотец, я близко знаком с клятвами, – крикнул Далинар в ответ. – Как ты и сам знаешь.

Да. Ты первый за тысячу лет, кто сковал меня узами.

Каким-то образом Далинар почувствовал, что спрен переключил внимание на Навани.

А вот ты... клятвы для тебя что-нибудь значат?

– Правильные клятвы, – подтвердила Навани.

И в чем ты клянешься этому мужчине?

– Клянусь ему, и тебе, и любому, кто захочет услышать. Далинар Холин мой, а я – его.

Ты уже нарушала клятвы.

– Все люди их нарушали, – ответила Навани с непокорным видом. – Мы слабые и глупые. Эту я не нарушу. Таков мой обет.

Буреотца, похоже, ее слова удовлетворили, хоть они и были далеки от традиционной свадебной клятвы аleti.

Узокователь?

– Я даю такую же клятву, – сказал Далинар, взяв Навани за руку. – Навани Холин моя, а я – ее. Я люблю эту женщину.

Да будет так.

Далинар ожидал грома, молний, каких-то победных фанфар в поднебесье. Вместо этого завершилось безвременье. Ветер стих. Буреотец исчез. Над головами собравшихся гостей вспыхнули дымчато-голубые кольца – спрены благоговения. С Навани все было иначе. Вокруг ее головы кружились золотые огни спренов славы. Поблизости Себариаля потер висок, словно пытаясь понять, что же он такое увидел. Новые охранники Далинара выглядели обессиленными, как будто на них навалилась внезапная усталость.

Адолин, не изменяя себе, испустил радостный возглас. Он подбежал, сопровождаемый спренами радости в виде синих листьев, которые едва поспевали следом. Он от души обнял Далинара, а за ним – Навани. Ренарин последовал за братом, более сдержанный, но – судя по широкой улыбке – в той же степени довольный.

Все стремительно закрутилось: он пожимал руки, говорил слова благодарности. Настаивал на том, что подарки не нужны, поскольку они опустили эту часть традиционной церемонии. Все выглядело так, словно волеизъявления Буреотца было достаточно, чтобы все с ним согласились. Даже Элокар, невзирая на обиду, обнял мать и похлопал Далинара по плечу, прежде чем уйти вниз.

Остался только Кадаш. Ревнитель ждал до конца. Крыша пустела, а он стоял, скрестив руки на груди.

Далинару всегда казалось, что Кадаш в своих одеяниях выглядит неправильно. Хотя он носил традиционную прямоугольную бороду, Далинар видел в нем не ревнителя. Кадаш был солдатом – худощавым, с пронизательными светло-фиолетовыми глазами, и в его движениях крылась опасность. Кривой старый шрам огибал его бритую голову, пересекая макушку. Может, теперь Кадаш и посвятил свою жизнь миру и служению, но молодость он потратил на войну.

Далинар прошептал обнадеживающие слова Навани, и она оставила его, чтобы спуститься на уровень ниже, где приказала приготовить угощение. Далинар, ощущая уверенность, подошел к Кадашу. Его переполняло удовлетворение, оттого что наконец-то удалось совершить поступок, который он так долго откладывал. Он был женат на Навани. Князь с юности считал, что никогда не испытает такой радости, и о подобном исходе не позволял себе даже мечтать.

Он не собирался извиняться ни за это, ни за нее.

– Светлорд, – тихо проговорил Кадаш.

– Формальности, старый друг?

– Хотел бы я находиться здесь только как старый друг, – мягко сказал Кадаш. – Далинар, мне придется об этом сообщить. Жрецы не обрадуются.

– Они, разумеется, не станут отрицать мой брак, раз уж его благословил сам Буреотец.

– Спрен? Ты ожидаешь, что мы признаем власть спрена?!

– Он то, что осталось от Всемогущего.

– Далинар, это богохульство, – произнес Кадаш голосом, исполненным боли.

– Кадаш, ты же знаешь, что я не еретик. Ты сражался бок о бок со мною.

– Это должно меня успокоить? Воспоминания о том, что мы сделали вместе? Я ценю человека, которым ты стал; и не надо напоминать мне о человеке, которым ты когда-то был.

Далинар помедлил с ответом, и из глубин его памяти поднялся образ, о котором он не думал уже много лет. Этот образ его удивил. Откуда он взялся?

Князь увидел окровавленного Кадаша, который стоял на коленях, и его тошнило, пока желудок не опустел. Закаленный боями солдат столкнулся с чем-то настолько мерзким, что даже он был потрясен.

На следующий день Кадаш бросил армию и ушел в ревнительство.

– Разлом, – прошептал Далинар. – Раталас.

– Не надо ворошить темное прошлое, – отрезал Кадаш. – Далинар, дело не... в том дне. Дело в сегодняшнем дне и в том, что ты распространял среди письмоводительниц. Все эти разговоры о вещах, которые ты увидел в бреду.

– Святые послания, – возразил Далинар, холодея. – Отправленные Всемогущим.

– Святые послания, утверждающие, что Всемогущий мертв? – парировал Кадаш. – Прибывшие накануне возвращения Приносящих пустоту? Далинар, разве ты не видишь, как это выглядит? Я твой ревнитель, строго говоря – твой раб. И да, пожалуй, все еще твой друг. Я пытался объяснить советам в Харбранте и Йа-Кеведе, что у тебя благие намерения. Я говорю ревнителям из Святого анклава, что ты опираешься на те времена, когда Сияющие рыцари были чисты и еще не пали жертвой порока. Я говорю им, что у тебя нет никакой власти над этими видениями. Но, Далинар, все это было до того, как ты начал вещать, будто Всемогущий умер. Они и так достаточно разозлились, а тут ты взял и бросил вызов традициям, плюнул ревнителям в лицо! Лично я не считаю важным то, что ты женишься на Навани. Этот запрет, несомненно, устарел. Но то, что ты натворил этой ночью...

Далинар протянул руку к плечу Кадаша, но ревнитель отстранился.

– Старый друг, – мягко проговорил Далинар, – может, Честь и умер, но я почувствовал... что-то еще. Что-то более возвышенное. Тепло и свет. Дело не в том, что бог умер, а в том, что Всемогущий никогда им не был. Он из всех сил старался направлять нас, но был самозванцем. Или, может быть, посредником. Существом, в чем-то похожим на спрена, – у него были силы божества, но не было божественного происхождения.

Кадаш в ужасе уставился на него:

– Прошу тебя, Далинар, никогда не повторяй того, что ты сейчас сказал. Думаю, я смогу объяснить всем, что сегодня произошло. Наверное. Но ты, кажется, не понимаешь, что находишься на борту корабля, который едва держится на воде во время бури, и при этом настаиваешь, что надо сплясать джигу на носу!

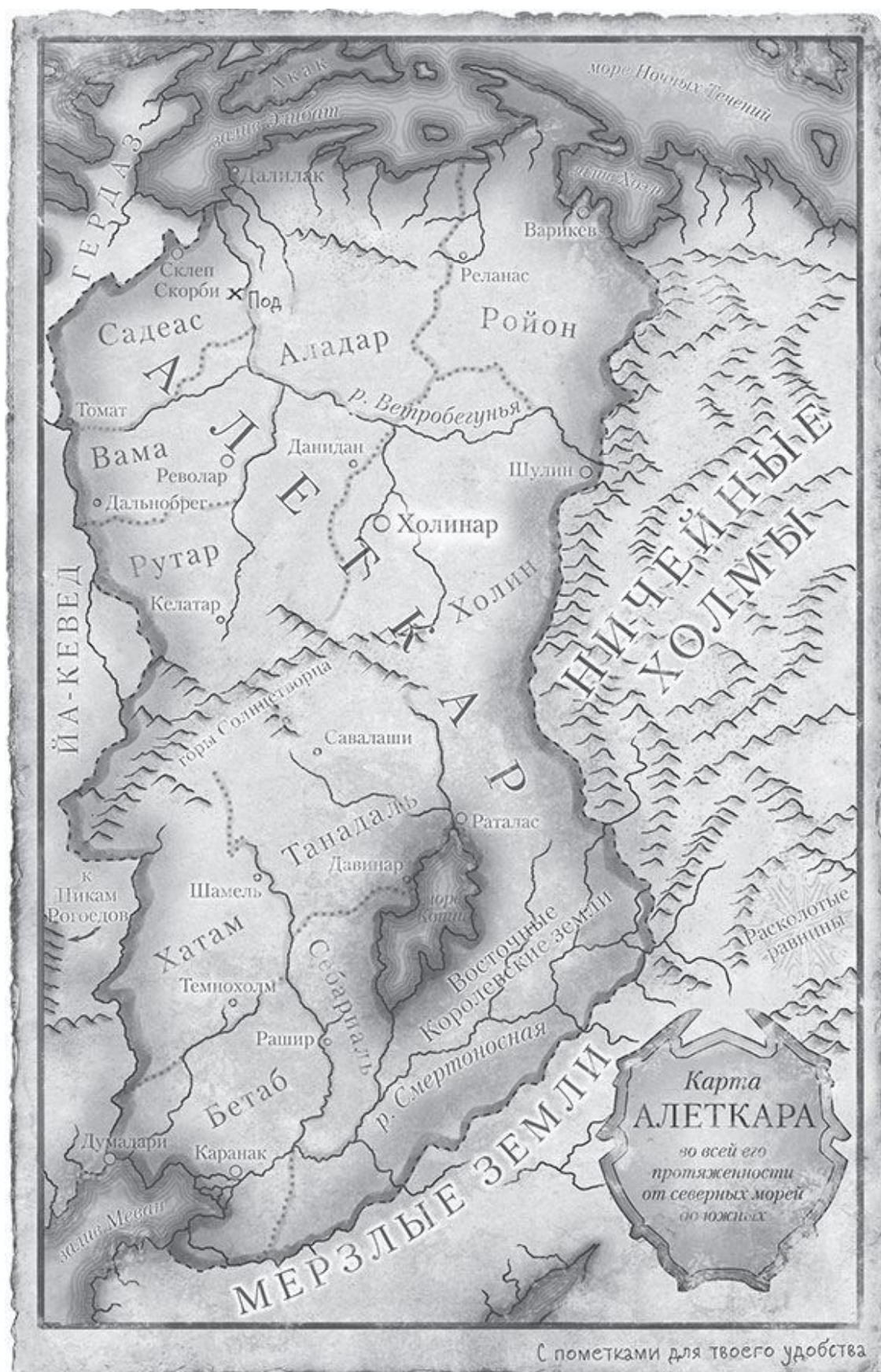
– Кадаш, я не стану умалчивать правду, если она мне известна, – твердо заявил Далинар. – Ты только что видел, что я в прямом смысле скован со спреном клятв. Я не посмею лгать.

– Не думаю, что ты бы солгал, но полагаю, ты способен ошибаться. Не забывай, что я там был. Ты не непогрешим!

«Там? – подумал Далинар, когда Кадаш попятился, поклонился, а потом повернулся и ушел. – Что он такое помнит, о чем не помню я?»

Далинар проследил взглядом за уходящим ревнителем. Наконец покачал головой и отправился на полуночное пиршество, намереваясь покончить с ним при первой же возможности. Он хотел остаться наедине с Навани.

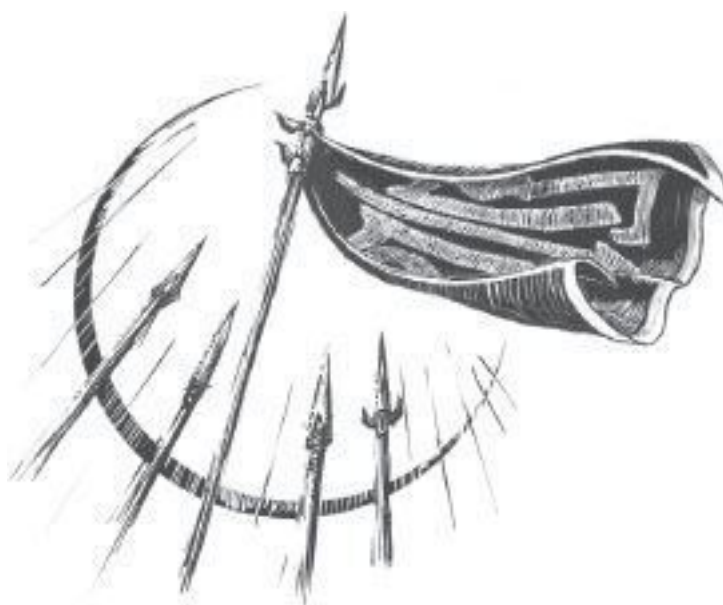
Своей женой.

5. Под

Я могу указать момент, когда меня осенило, что все это необходимо записать. Все случилось между мирами, когда взгляду моему открылся Шейдсмар – царство спренов – и то, что находится за его пределами.

Из «Давшего клятву», предисловие

Каладин пробирался через поле камнепочек, прекрасно понимая, что не успеет предотвратить катастрофу. Неудача давила на него почти физически, подобно весу моста, который он был вынужден тащить в одиночку.

Проведя так много времени в восточной части буревых земель, он почти забыл, как выглядят плодородные края. Камнепочки здесь разрастались до огромных размеров, а их лозы, толстые, как его запястье, выбрались наружу и пили воду из луж на каменистой земле. Луга ярко-зеленой травы спрятались в норы, почувствовав его приближение, но, вытянувшись в полный рост, трава легко достигала трех футов. Луг испещряли светящиеся спрены жизни, похожие на зеленые пылинки.

Трава вблизи от Расколотых равнин едва достигала его лодыжек и в основном расплзлась желтоватыми пятнами на подветренной стороне холмов. Он с удивлением обнаружил, что не доверяет этой более высокой и сочной траве. В ней так легко устроить засаду – присесть и подождать, пока трава снова поднимется. Как же Каладин этого не замечал раньше? Он бегал по лугам вроде этого, играя в догонялки с братом, пытаясь выяснить, кто из них достаточно быстр, чтобы схватить траву в охапку, прежде чем она спрячется.

Каладин чувствовал себя истощенным. Обессиленным. Четыре дня назад он отправился через Клятвенные врата на Расколотые равнины, а оттуда на всей возможной скорости полетел на северо-запад. Он едва не лопался от бурсвета – нес с собой целое состояние в самосветах – и был преисполнен решимости добраться до родного города, Пода, до возвращения Бури бурь.

День еще не прошел, а у него закончился бурсвет где-то в княжестве Аладара. С той поры он шел пешком. Возможно, смог бы долететь до Пода, если бы лучше управлял своими силами. Как бы то ни было, Каладин преодолел около тысячи миль за полдня, но последний отрезок пути – девяносто или около того миль – потребовал мучительных трех дней.

Он не обогнал Бурю бурь. Она прибыла в этот же день, около полудня.

Каладин заметил торчащий из травы мусор и поплелся к нему. Заросли услужливо попрятались и открыли сломанную деревянную маслособойку – в таких обычно делали масло из свиного молока. Каладин присел и коснулся кончиками пальцев расколотого в щепки дерева, а потом бросил взгляд на другой кусок древесины, торчащий над верхушками травы.

Сил шмыгнула вниз в виде ленты из света, прошла над его головой и завилась вокруг длинной деревянной штуковины.

– Это край крыши, – пояснил Каладин. – Карниз, который нависает над подветренной стороной здания. – Судя по другому мусору, перед ним были останки какого-то сарая.

Алеткар располагался не в самых суровых буревых землях, но эти края не были и изнеженными западными землями. Дома здесь строили низкими, приземистыми, их крепкие стены были обращены на восток, к Изначально, словно плечо человека, который напрягся и приготовился принять на себя силу удара. Окна имелись только на подветренной – западной – стороне. Как трава и деревья, люди научились противостоять бурям.

Для этого требовалось, чтобы бури всегда дули в одном направлении. Каладин сделал все возможное, чтобы подготовить деревни и города, в которых побывал, к грядущей Буре бурь. Она должна была явиться с неправильной стороны и превратить паршунов в сеющих разрушение Приносящих пустоту. Однако в тех городах никто не владел рабочими даль-перьями, так что он не смог связаться со своим домом.

Каладин оказался недостаточно быстрым. Сегодня, чуть раньше, он переждал Бурю бурь в углублении, которое высек в камне при помощи своего осколочного клинка – Сил, способной принимать облик любого оружия по его желанию. По правде говоря, буря оказалась далеко не такой сильной, как та, во время которой он сражался с Убийцей в Белом. Но обломки, которые он нашел здесь, доказывали, что и она нанесла много вреда.

Само воспоминание о красной буре, ярившейся снаружи его дыры в камне, заставило Каладина испытать приступ паники. Буря бурь оказалась ужасно неправильной, противоестественной – словно дитя, рожденное без лица. Некоторые вещи просто не имели права на существование.

Он встал и продолжил путь. Каладин переоделся, прежде чем покинуть Расколотые равнины, – его старая униформа была окровавленной и изодранной – надел запасную холиновскую униформу без опознавательных знаков. Казалось неправильным, что он не несет символ Четвертого моста.

Каладин поднялся на холм и заметил справа реку. Вдоль ее берегов росли влаголюбивые деревья. Должно быть, это ручей Хромого. Значит, если он повернет строго на запад...

Прикрыв глаза рукой от солнца, Каладин окинул взглядом холмы, очищенные от травы и камнепочек. Скоро их покроют слоем крема, а потом засеют, и лависовый полип пустит ростки. Посевная еще не началась; сейчас, как ни крути, время Плача. Должен идти дождь, неустанный и спокойный.

Сил, лента из света, взмыла впереди него.

– Твои глаза снова карие, – отметила она.

Для такого требовалось на протяжении нескольких часов не призывать осколочный клинок. Едва Каладин его призывал, как глаза становились прозрачными, светло-голубыми, почти светящимися. Сил находила эти перемены очаровательными; Каладин до сих пор не решил, что он чувствует по этому поводу.

– Мы близко, – сказал он, взмахнув рукой. – Те поля принадлежат Хобблекену. До Пода, наверное, часа два.

– Значит, ты скоро будешь дома! – воскликнула Сил, и лента из света, завившись спиралью, приняла облик девушки в хаве с развевающимся подолом, узкой и застегнутой на пуговицы выше талии, с прикрытой защищенной рукой.

Каладин хмыкнул, спускаясь по склону и тоскуя по бурсвету. После того как столько вобрал в себя, он ощущал пустоту, в которой поселилось эхо. Неужели это из-за того, что запасы истощаются?

Разумеется, Буря бурь не перезарядила его сферы. Ни бурсветом, ни какой-то другой энергией, чего он опасался.

– Тебе нравится новое платье? – спросила Сил, зависнув в воздухе и помахав прикрытой рукой.

– На тебе оно выглядит странно.

– Да будет тебе известно, я вложила в него невероятное множество мыслей. Целыми часами размышляла, как бы... Ой! Что это?

Она превратилась в маленькую грозовую тучу, которая метнулась к лургу, вцепившемуся в камень. Изучила амфибию размером с кулак сначала с одной стороны, потом с другой, прежде чем радостно взвизгнуть и превратиться в безупречную копию существа, только бело-голубого цвета. Это спугнуло лурга, и Сил с хихиканьем метнулась обратно к Каладину, опять превратившись в ленту из света.

– Так о чем мы говорили? – спросила она, принимая облик девушки и усаживаясь на его плечо.

– О всякой ерунде.

– Уверена, что я тебя отчитывала. Ах да – ты дома! Ура! Разве ты не рад? – Она не видела – не понимала, в чем дело. Иногда, невзирая на всю свою любознательность, Сил делалась рассеянной. – Но... это же твой дом... – Сил съежилась. – Что не так?

– Буря бурь, – пробормотал Каладин. – Мы должны были прибыть сюда раньше ее.

Он был обязан прибыть раньше.

Но ведь кто-то должен был выжить, верно? Вынести ярость бури, а потом – еще более худшую ярость? Убийственное неистовство слуг, превратившихся в чудовищ?

О, Буреотец. Ну почему он не оказался быстрее?..

Каладин заставил себя снова перейти на быстрый шаг, закинув дорожный мешок на плечо. Вес по-прежнему казался большим, почти неподъемным, но он должен узнать. Должен увидеть.

Он должен узнать, что случилось с его семьей.

Дождь возобновился, когда до Пода оставался примерно час, так что, по крайней мере, привычные погодные условия более или менее сохранились. К несчастью, это означало, что остаток пути ему придется преодолеть мокрым. Каладин шлепал по лужам, из которых росли спрены дождя – синие свечи, увенчанные глазами.

– Каладин, все будет хорошо, – пообещала Сил, сидевшая у него на плече. Она создала для себя зонтик и по-прежнему была одета в традиционное воринское платье вместо обычной девчоночьей юбки. – Вот увидишь.

Небо потемнело, когда он наконец поднялся на последний лависовый холм и посмотрел вниз, на Под. Он подготовил себя к ужасному зрелищу, но все равно испытал потрясение. Какие-то здания просто... исчезли. Другие стояли без крыш. В сумерках Плача он не мог разглядеть весь город, но многие сооружения, которые он все же различал, выглядели пустыми и разрушенными.

Он долго стоял в сгуставшейся ночи. В городе не мелькнул ни один огонек. Там было пусто.

И мертво.

Часть Каладина ссутулилась внутри его, забилась в угол, устав от того, что ее так часто бьют. Он принял силу, ступил на путь Сияющего. Отчего же этого оказалось недостаточно?

Его глаза принялись разыскивать родной дом на окраине города. Но нет. Даже если бы Каладин смог его увидеть в дождливом вечернем мраке, он не хотел туда идти. Еще рано. Он не справится со смертью, которую может там обнаружить.

Вместо этого Каладин обогнул Под с северо-западной стороны, где по склону холма можно было подняться к усадьбе градоначальника. Крупные провинциальные города вроде этого служили своеобразными центрами для небольших фермерских общин, расположенных вокруг них. По этой причине Под был проклят – в нем жил светлоглазый повелитель, достигший определенного положения в обществе. Светлорд Рошон, человек, чья жадность погубила куда больше одной жизни.

«Моаш...» – подумал Каладин, потащившись вверх по склону к особняку, дрожа от холода и тьмы. В какой-то момент он осознает предательство друга и то, что Элокара едва не убили. Пока что следовало позаботиться о более серьезных ранах.

В усадьбе содержались городские паршуны; отсюда они должны были начать разгром. Каладин был уверен, что, если натолкнется на искалеченный труп Рошона, не будет слишком страдать.

– Ух ты, – проговорила Сил. – Спрен уныния!

Каладин огляделся и увидел, что возле него вертится необычный спрен. Длинный, серый, похожий на истрепанное на ветру знамя. Он кружился, порхал. Каладин видел что-то похожее лишь один или два раза.

– Почему они такие редкие? – удивился он. – Люди постоянно испытывают уныние.

– Кто знает? – отозвалась Сил. – Есть обычные спрены. Есть необычные. – Она постучала его по плечу. – Уверена, одна из моих тетюшек любила на них охотиться.

– Охотиться? – изумленно переспросил Каладин. – В смысле, отслеживать?

– Нет. Как вы охотитесь на большепанцирников. Не припомню, как ее звали... – Сил склонила голову набок, не замечая, что капли дождя падают сквозь ее тело. – Она не была на самом деле моей тетей. Просто спреном чести, к которой я обращалась таким образом. До чего странные воспоминания.

– Похоже, они к тебе возвращаются.

– Чем дольше я с тобой, тем чаще это происходит. Если только ты не попытаешься убить меня снова. – Она бросила на него взгляд искоса. Хоть было темно, спрен достаточно ярко светилась, чтобы он разглядел выражение ее лица.

– Как часто ты собираешься заставлять меня извиняться за это?

– Сколько раз я это уже делала?

– По крайней мере пятьдесят.

– Врунишка, – пожурила его Сил. – Точно не больше двадцати.

– Прости.

Стоп. Это что впереди, свет?

Каладин остановился на пути. Это и впрямь был свет, и шел он из усадьбы. Мигающий, неровный. Огонь? Особняк горит? Нет, похоже, внутри горели свечи или фонари. Видимо, кто-то выжил. Люди или Приносящие пустоту?

Ему следовало проявлять осторожность, но, приближаясь, Каладин понял, что не хочет этого. Он желал быть безрассудным, злым, разрушительным. Если найдет существ, которые отняли у него дом...

– Будь готова, – пробормотал он Сил.

Каладин сошел с тропы, очищенной от камнепочек и других растений, и осторожно прокрался к особняку. Свет проникал через доски, которыми были забиты окна, заменяя стекло, несомненно разбитое Бурей бурь. Он удивился, когда понял, что особняк в довольно неплохом состоянии. Крыльцо оторвало, но крыша осталась на месте.

Дождь скрадывал другие звуки, из-за него было невозможно все четко рассмотреть, но кто-то или что-то было внутри. Тени двигались перед огнями.

С колотящимся сердцем Каладин отправился к северной стороне здания. Там находился вход для слуг, а также помещение, где жили паршуны. Изнутри особняка доносилось необычно много шума. Топот. Движение. Как гнездо, полное крыс.

Через сад пришлось пробираться на ощупь. Паршуны были размещены в небольшом здании, построенном в тени усадьбы, с одной открытой комнатой и лавками для сна. Каладин добрался до него и нащупал большой пролом в стене.

У него за спиной послышался скрежет.

Каладин резко повернулся в тот же момент, когда открылась задняя дверь особняка и ее покореженные доски заскрежетали по камню. Он спрятался за разросшимся сланцекорником, но сквозь дождь на него упал луч света. Фонарь.

Каладин протянул руку в сторону, готовый вызвать Сил, но из усадьбы вышел не Приносящий пустоту, а человек-охранник в старом шлеме с пятнами ржавчины.

Незнакомец поднял фонарь.

– Ну-ка! – крикнул он Каладину, нащупывая булаву на поясе. – Ну-ка! Эй, ты! – Он высвободил оружие и сжал в трясущейся руке. – Кто такой? Дезертир? Иди на свет, чтобы я тебя видел.

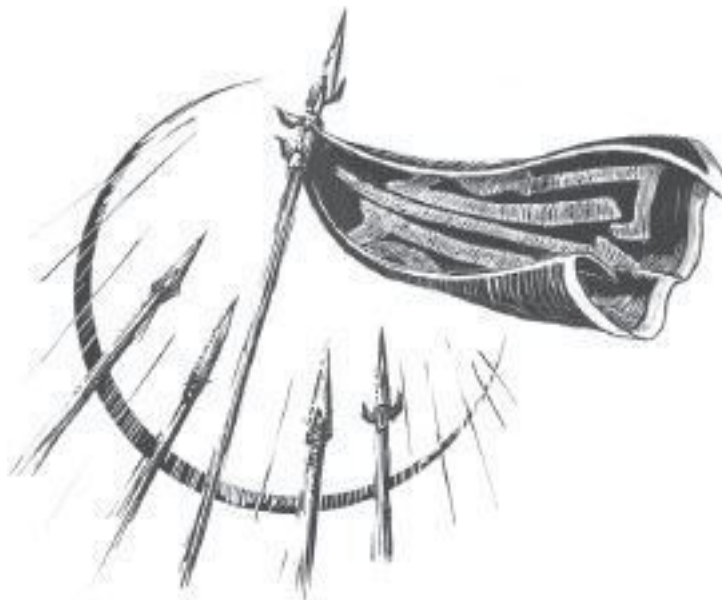
Каладин осторожно встал. Он не узнал солдата – но либо кто-то пережил нападение Приносящих пустоту, либо этот человек был частью экспедиции, разбирающей последствия катастрофы. В любом случае это первый обнадеживающий знак, который Каладин получил с момента прибытия.

Он поднял руки – кроме Сил, у него не было другого оружия – и позволил охраннику завести себя в здание.

6. Четыре жизни

Смерть была близка. Более прозорливые сочли, что мне нет спасения.

Из «Давшего клятву», предисловие

Каладин вошел в усадьбу Рошона, и апокалиптические видения смерти и потери рассеялись, когда он начал узнавать людей. В коридоре он миновал Торави, одного из фермеров. Каладин запомнил его как человека огромного, с мясистыми плечами. В действительности тот был ниже Каладина на пол-ладони и куда более хилым, чем его друзья-мостовики.

Торави, похоже, не узнал Каладина. Фермер вошел в боковую комнату, которая была заполнена темноглазыми, сидящими на полу.

Солдат вел Каладина по коридору, озаренному свечами. Они прошли через кухню, и Каладин заметил десятки других знакомых лиц. Горожане заполнили усадьбу, набившись в каждую комнату. Большинство сидели на полу семьями и, хотя они выглядели уставшими и растрепанными, все-таки были живы. Выходит, они дали отпор Приносящим пустоту?

«Мои родители», – подумал Каладин, проталкиваясь через небольшую группу горожан и ускоряя шаг. Где же его родители?

– Эй, стой! – окликнул солдат, схватив Каладина за плечо. Он ткнул булавой в поясницу Каладина. – Не вынуждай меня сбивать тебя с ног.

Каладин повернулся к охраннику, чисто выбритому парню с коричневыми глазами, которые казались слишком близко посаженными. Этот его ржавый шлем – просто какой-то позор.

– Сейчас, – сказал солдат, – мы просто пойдем и отыщем светлорда Рошона, и ты объяснишь, почему шнырял вокруг этого места. Веди себя очень прилично, и, может быть, он тебя не повесит. Понял?

Горожане на кухне наконец-то заметили Каладина и отпрянули. Многие зашептались друг с другом, от страха широко распахнув глаза. Он услышал слова «дезертир», «рабские клейма», «опасный».

Никто не произнес его имя.

– Они тебя не узнают? – спросила Сил, идущая по столешнице.

А как они могли узнать того человека, которым он стал? Каладин увидел свое отражение в сковороде, висящей рядом с печью, сложенной из кирпичей. Длинные, чуть выющиеся волосы до плеч. Грубая униформа, которая была ему чуть мала, на лице неопрятная борода после нескольких недель без бритья. Промокший и измученный, он был похож на бродягу.

Не такое возвращение Каладин представлял себе на протяжении первых месяцев войны. Славное воссоединение, когда он вернулся бы героем, с сержантскими узлами, и брата доставил бы семье в целостности и сохранности. В фантазиях люди хвалили Каладина, хлопали его по спине и принимали как своего.

Идиотизм. Эти люди никогда не относились к нему или его семье с добротой.

– Идем. – Солдат толкнул его, держа за плечо.

Каладин не двинулся с места. Когда мужчина толкнул сильнее, Каладин повернулся всем телом в направлении толчка, и смещение веса заставило охранника, спотыкаясь, пролететь мимо. Он повернулся, разозленный. Каладин встретился с ним взглядом. Поколебавшись, охранник сделал шаг назад и крепче схватился за булаву.

– Ух ты! – воскликнула Сил, подлетая к плечу Каладина. – У тебя сейчас такой сердитый взгляд.

– Старый сержантский трюк, – прошептал Каладин, поворачиваясь и выходя из кухни. Охранник последовал за ним и рявкнул какой-то приказ, но Каладин его проигнорировал.

Каждый шаг по усадьбе походил на прогулку среди воспоминаний. Вот кухонный уголок, где случилась стычка с Риллиром и Лараль той ночью, когда он узнал, что его отец – вор. В этом коридоре, ведущем из кухни, увешанном портретами неизвестных ему людей, Каладин играл в детстве. Рошон не поменял портреты.

Ему придется поговорить с родителями о Тъене. Именно поэтому он не пытался связаться с ними после освобождения из рабства. Сможет ли встретиться с ними лицом к лицу? Во имя бурь, только бы они оказались живы. Но... как же он с ними встретится?

Каладин услышал стон. Тихий, едва различимый среди разговоров, но он все же его слышал.

– У вас есть раненые? – спросил Каладин, поворачиваясь к охраннику.

– Да, но...

Каладин проигнорировал его и двинулся вперед по коридору, а Сил летела возле его головы. Каладин протиснулся сквозь людскую массу, следуя на стоны и гомон, и в конце концов ввалился в дверной проем гостиной. Ее переделали в помещение, где лекарь занимался ранеными и они ждали своей очереди на ковриках, разложенных на полу.

Человек, стоящий на коленях возле одной из подстилок, аккуратно накладывал шину на сломанную руку. С того момента, как Каладин услышал болезненные стоны, он знал, где разыщет своего отца.

Лирин посмотрел на него. Вот же буря... Отец Каладина выглядел измученным, под его темно-кариими глазами были мешки. Волосы куда более седые, чем помнил Каладин, а лицо – более худое. Но он был таким же, как прежде. Лысеющим, низкорослым, худощавым, в очках... и удивительным.

– Что такое? – спросил Лирин, возвращаясь к работе. – Дом великого князя уже послал солдат? Это вышло быстрее, чем ожидалось. Сколько людей прибыло с тобой? Нам, конечно, пригодится... – Лирин запнулся, опять посмотрел на Каладина.

И тут его глаза широко распахнулись.

– Здравствуй, отец, – проговорил Каладин.

Охранник наконец-то его догнал, протолкавшись через зевак, и замахнулся булавой. Каладин рассеянно шагнул в сторону, а потом толкнул солдата, так что тот, спотыкаясь, полетел дальше по коридору.

– Это действительно ты, – обронил Лирин, потом ринулся к сыну и заключил его в объятия. – О, Кэл. Мой мальчик. Мой малыш. Хесина! Хесина!!!

Миг спустя в дверях появилась мать Каладина, неся поднос с только что прокипяченными бинтами. Она решила, что Лирину нужна помощь с пациентом. Хесина была выше мужа на несколько пальцев, волосы под косынкой собраны в хвост – все в точности как помнил Каладин.

Она прижала защищенную руку в перчатке к губам, которые приоткрылись от неожиданности, и поднос выпал из другой руки, бинты посыпались на пол. Позади нее возникли спрены потрясения – бледно-желтые треугольники, которые ломались и восстанавливались. Хесина потянулась к лицу Каладина. Сил металась вокруг в виде ленты из света и смеялась.

Каладин не мог смеяться. Нужные слова еще не прозвучали. Он перевел дух; в первый раз ему не хватило воздуха, и со второй попытки он выдавил.

– Простите меня, папа, мама, – прошептал он. – Я пошел в армию, чтобы его защищать, но с трудом смог защитить самого себя. – Каладин понял, что дрожит, и позволил себе опереться о стену, а потом сползал по ней, пока не сел. – Я позволил Тьену умереть. Простите меня. Это моя вина...

– Ох, Каладин! – Хесина опустилась на колени рядом с ним и сжала его в объятиях. – Мы получили твое письмо, но больше года назад нам сообщили, что и ты умер.

– Я должен был его спасти, – прошептал Каладин.

– Ты прежде всего не должен был уходить, но что уж теперь... Всемогущий, ты вернулся. – Лирин встал, по его щекам текли слезы. – Мой сын! Мой сын жив!

Вскоре Каладин сидел среди раненых, держа в руках чашку теплого супа. Он не ел горячую пищу с той поры, как... с какой поры?

– Лирин, это явно клеймо раба, – сказал солдат, разговаривавший с отцом Каладина возле входа в комнату. – Глиф «сас» означает: все случилось в этом княжестве. Наверное, тебе сказали, что он умер, желая уберечь от позорной правды. И клеймо «шаш» – его не получают за простое неповиновение.

Каладин потягивал свой суп. Мать присела рядом с ним, одну руку положив ему на плечо, защищая. Суп на вкус был как дома. Овощной бульон с распаренным лависом, крепко приправленный, по материнскому обыкновению.

За полчаса, миновавшие после прибытия, он мало говорил. Сейчас ему просто хотелось быть здесь, с ними.

Его воспоминания странным образом сделались приятными. Он увидел, как Тьен смеется, озаряя даже самые унылые дни. Вспомнил, как часами изучал медицину с отцом или помогал матери с уборкой.

Сил зависла перед матерью Каладина, все еще одетая в маленькую хаву, невидимая для всех, кроме Каладина. Лицо у спрена было озадаченное.

– Великая буря, пришедшая не с той стороны, разломала много городских зданий, – негромко рассказывала ему Хесина. – Но наш дом все еще стоит. Нам пришлось переделать твой уголок под кое-что, но мы разыщем для тебя место.

Каладин посмотрел на солдата. Капитан охраны Рошона; Кэл подумал, что помнит этого человека. Он казался слишком милым, чтобы быть солдатом, но ведь был светлоглазым.

– Об этом не переживай, – пробормотала Хесина. – Мы разберемся, какие бы ни случились... неприятности. Со всеми этими ранеными, которые стекаются из деревень вокруг, Рошон нуждается в умениях твоего отца. Он не станет устраивать бурю, рискуя вызвать недовольство Лирина, – и тебя у нас не отнимут опять.

Она говорила с ним, как будто с ребенком.

Какое нереальное ощущение – вернуться сюда и почувствовать, что с ним обращаются как с мальчиком, который ушел на войну пять лет назад. За это время успели умереть трое мужчин, носивших имя их сына. Солдат, которого выковали в армии Амарам. Раб, исполненный горечи и злобы. Его родители никогда не встречались с капитаном Каладином, телохранителем самого могущественного из людей Рошара.

И вот теперь... был тот, в которого он превращался. Человек, который владел небесами и произносил древние клятвы. Прошло пять лет. И четыре жизни.

– Он беглый раб, – шипел капитан охраны. – Мы не можем просто взять и закрыть на это глаза, лекарь. Он, видимо, украл униформу. И даже если по какой-то причине ему разрешили взять копье, невзирая на клейма, твой сын дезертир. Только глянь в эти затравленные глаза и скажи мне, что ты не видишь человека, который делал ужасные вещи.

– Он мой сын, – сказал Лирин. – Я выкуплю его документ о рабстве. Вы его не заберете! Скажите Рошону: либо он посмотрит на это сквозь пальцы, либо ему придется обходиться без лекаря. Если только он не считает, что Мара готов занять мое место после всего лишь пары лет обучения.

Неужели они думали, что говорят достаточно тихо, чтобы он не услышал?

«Посмотри на раненых в этой комнате, Каладин. Ты кое-что упускаешь».

Раненые... они были с переломами. Сотрясениями. Очень мало порезов. Это не результат сражения, но стихийного бедствия. Так что же случилось с Приносящими пустоту? Кто отбил их атаку?

– С тех пор как ты ушел, все стало лучше, – заверила Хесина Каладина, сжимая его плечо. – Рошон не так плох, как когда-то. Думаю, он чувствует себя виноватым. Мы можем все восстановить, снова стать семьей. И есть еще кое-что, о чем ты должен узнать. Мы...

– Хесина! – перебил Лирин, всплеснув руками.

– Да?

– Напиши письмо управляющим великого князя, – сказал Лирин. – Объясни положение – посмотрим, может быть, нам удастся получить отсрочку или хотя бы объяснение. – Он взглянул на солдата. – Это удовлетворит твоего хозяина? Подождем решения вышестоящей инстанции, а пока что я забираю своего сына.

– Поглядим, – сказал солдат, скрестив руки. – Не очень-то мне нравится, что кто-то с клеймом «шаш» будет разгуливать по моему городу.

Хесина поднялась, чтобы присоединиться к мужу. Они обменялись тихими фразами, пока охранник, прислонившись к дверному косяку, демонстративно следил за Каладином. Знал ли он, как мало похож на солдата? Двигался совсем не так, как человек, знакомый с битвой. Ступает уж очень тяжело, да и колени слишком прямые. На его кирасе не было вмятин, а ножны меча задевали вещи, когда он поворачивался.

Каладин потягивал свой суп. Стоит ли удивляться, что родители все еще думали о нем как о ребенке? Он явился сюда оборванным и брошенным, потом начал рыдать о смерти Тьена. Похоже, дом пробудил в нем ребенка.

Возможно, пришло время перестать позволять дождю диктовать настроение. Он не мог изгнать семя тьмы из себя, но, Буреотец свидетель, ему не нужно позволять этому семени править собой.

Сил подошла к нему по воздуху:

– Они такие, какими я их помню.

– Помнишь их? – прошептал Каладин. – Сил, ты не знала меня, когда я жил здесь.

– Это правда, – согласилась она.

– Тогда как же ты можешь их помнить? – Каладин нахмурился.

– Потому что помню, – ответила Сил, порхая вокруг него. – Все связаны, Каладин. Всё друг с другом связано. Тогда я не знала тебя, но ветра знали, а я из племени ветров.

– Ты спрен чести.

– Ветра принадлежат Чести. – Она рассмеялась, как будто в сказанном было что-то смешное. – Мы кровные родственники.

– У тебя нет крови.

– А у тебя, похоже, нет воображения. – Она приземлилась на воздух перед ним и превратилась в девушку. – Кроме того, был еще... один голос. Чистый, мелодичный, словно резной кристалл, далекий, но требовательный... – Сил улыбнулась и шмыгнула прочь.

Возможно, мир перевернулся, но Сил оставалась, как всегда, непостижима. Каладин отложил миску с супом и поднялся. Потянулся в одну сторону, потом в другую, с удовлетворением чувствуя, как щелкают суставы. Он пришел к родителям пешком. Буря свидетельница, все в этом городе оказались меньше, чем Кэл помнил. Он не был настолько ниже ростом, когда покинул Под, не так ли?

Кто-то стоял у самого входа в комнату, разговаривая с охранником в ржавом шлеме. На Рошоне был китель светлоглазого, который вышел из моды несколько сезонов назад, – Адолин бы покачал головой, завидев такое. Правая ступня у градоначальника была деревянная, и он сильно похудел с той поры, как Каладин видел его в последний раз. Кожа на его теле обвисала, словно потеки воска, и собиралась складками у шеи.

Тем не менее вид у Рошона был по-прежнему властный, а лицо – такое же разгневанное, и его светлю-желтые глаза как будто обвиняли всех и вся в этом городишке в том, что он оказался в изгнании. Когда-то Рошон жил в Холинаре, но оказался вовлечен в смерть кое-кого из граждан – бабушки и дедушки Моаша, – за что его и выслали сюда в качестве наказания.

Он повернулся к Каладину, озаренный светом свечей на стенах:

– Значит, ты жив. Вижу, в армии тебя не научили держать себя в руках. Дай-ка взглянуть на эти твои клейма. – Он протянул руку и отвел волосы со лба Каладина. – Клянусь бурей, мальчик. Что ты натворил? Ударил светлоглазого?

– Да, – ответил Каладин.

И врезал ему.

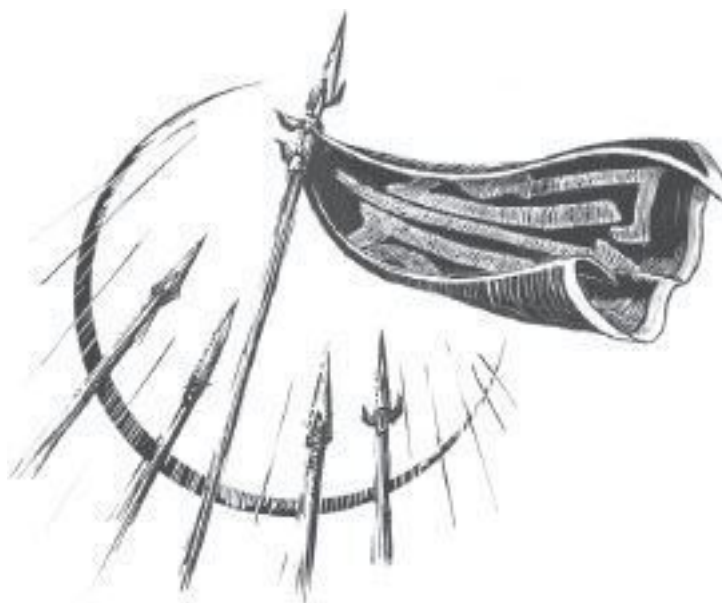
Он ударил Рошона прямо по физиономии. Удар был что надо, в точности как учил Хэв. Держа большой палец снаружи, Каладин двумя первыми костяшками саданул светлорду по скуле, а затем довершил начатое, проведя кулаком через лицо. Ему редко случалось бить так безупречно. Рука даже почти не заболела.

Рошон упал, как подрубленное дерево.

– Это за моего друга Моаша.

7. Сторож на границе

*Но это меня не убило.
Со мной случилось кое-что похуже.
Из «Давшего клятву», предисловие*

– Каладин! – воскликнул Лирин, схватив его за плечо. – Сын, что ты творишь?!

Рошон, брызгая слюной, завопил с земли:

– Охрана, хватайте его! Я кому говорю!

Из носа у него текла кровь.

Сил приземлилась на плечо Каладина, держа руки на бедрах. Она постукивала ногой.

– Наверное, он это заслужил.

Темноглазый охранник поспешил помочь Рошону подняться на ноги, а капитан направил меч на Каладина. Из соседней комнаты к ним прибежал третий солдат.

Каладин отступил на шаг и принял оборонительную позицию.

– Ну? – резко спросил Рошон, прижимая к носу платок. – Свалите его с ног!

На полу кипящими лужами собирались спрены гнева.

– Пожалуйста, не надо! – вскричала мать Каладина, прижимаясь к Лирину. – Он просто не в себе. Он...

Каладин вскинул руку в ее сторону, ладонью вперед, прося успокоиться.

– Мама, все в порядке. Просто у нас с Рошоном был один неоплаченный должок, и я с ним разобрался.

Каладин посмотрел в глаза охранникам, одному за другим, и они принялись неуверенно топтаться на месте. Рошон взорвался. Каладин внезапно почувствовал себя хозяином положения, и... это его более чем раздосадовало.

На него вдруг обрушилось понимание того, как все выглядело со стороны. С той поры, как Каладин покинул Под, ему довелось повстречаться с истинным злом, которому Рошон и в подметки не годился. Разве он не поклялся защищать даже тех, кто ему не нравился? Разве весь смысл того, что он познал, заключался не в том, чтобы предостеречь его от поступков вроде этого? Он бросил взгляд на Сил, и она кивнула в ответ.

«Ты способен на большее».

Было приятно ненадолго сделаться просто Кэлом. К счастью, он уже не был тем юношей. Он был другим человеком – и впервые за долгое, очень долгое время ощутил, что доволен этим.

– Успокойтесь, парни, – бросил Каладин солдатам. – Обещаю больше не бить вашего светлорда. Приношу извинения за то, что сделал; меня на миг отвлекли наши прошлые отношения. Те, которые ему и мне надо забыть. Скажите-ка, что случилось с паршунами? Разве они не атаковали город? – Солдаты шевельнулись, посмотрели на Рошона. – Я сказал, не вмешивайтесь! – рявкнул Каладин. – Малый, клянусь бурей. Ты держишь этот меч так, словно собираешься рубить культяпник. А ты? У тебя ржавчина на шлеме! Знаю, Амарам завербовал большинство толковых мужчин из этих краев, но я видел мальчишек-гонцов, у которых выправка была лучше вашей.

Солдаты переглянулись. Потом светлоглазый, покраснев, вложил меч в ножны.

– Что это значит? – заорал Рошон. – Атакуйте его!

– Светлорд, сэр, – проговорил солдат, опустив глаза. – Я, может, не лучший солдат в округе, но... в общем, сэр, поверьте мне на слово. Нам стоит просто притвориться, что никакого удара кулаком не было.

Двое других солдат кивнули в знак согласия.

Рошон окинул Каладина оценивающим взглядом, промокая нос, который сильно кровоточил.

– Выходит, над тобой в армии и впрямь хорошо поработали, да?

– Вы даже не догадываетесь. Нам надо поговорить. Здесь есть комната, которая не набита народом?

– Кэл, – вмешался Лирин, – ты говоришь глупости. Не приказывай светлорду Рошону!

Каладин протолкался мимо солдат и Рошона, прошел дальше по коридору.

– Ну? – рявкнул он. – Пустая комната?

– Сэр, на втором этаже, в библиотеке пусто, – доложил один из солдат.

– Отлично. – Каладин скрыл улыбку, подметив обращение «сэр». – Идемте туда.

Он начал подниматься по ступенькам. К несчастью, властное поведение само по себе помогало лишь до некоторой степени. Никто за ним не пошел, даже родители.

– Я отдал приказ, не люблю повторяться.

– А с чего вдруг ты, мальчишка, решил, что можешь раздавать приказы? – прогнусавил Рошон.

Каладин повернулся и взмахнул рукой перед собой, призывая Сил. Блестящий осколочный клинок возник из тумана и лег в его ладонь. Он крутанул клинком и одним плавным движением вонзил его в пол. Не отпуская рукояти, почувствовал, как глаза становятся голубыми.

Вокруг все стихло. Горожане застыли, разинули рты, даже Рошон вытаращился.

Что интересно, отец Каладина лишь опустил голову и закрыл глаза.

– Еще вопросы есть? – поинтересовался Каладин.

– Когда мы вернулись, чтобы проверить, их уже не было, э-э, светлорд, – сообщил Арик, невысокий охранник с ржавым шлемом. – Мы заперли дверь, но стена оказалась проломлена.

– Они ни на кого не напали? – уточнил Каладин.

– Нет, светлорд.

Каладин прошелся по библиотеке из угла в угол. Комната была маленькая, но аккуратно обставленная, с рядами книжных полок и красивым пюпитром для чтения. Книги расставлены идеальными рядами; либо горничные отличались чрезвычайной дотошностью, либо их нечасто двигали. Сил устроилась на одной из полок, опершись спиной о книгу и по-девчоночьи болтая ногами.

Рошон сидел у стены, время от времени нервным жестом проводя руками по покрасневшимся щекам, словно пытаясь что-то стереть с лица. Его нос уже не кровоточил, но синяк

получится что надо. Это была лишь малая доля кары, которую заслужил этот человек, но Каладин понял, что не хочет причинять Рошону зло. Ему следовало быть выше этого.

– Как выглядели паршуны? – допрашивал Каладин охранников. – Они изменились вслед за необычной бурей?

– Еще как изменились, – подтвердил Арик. – Я выглянул наружу, когда услышал, как они вырвались из сарая после того, как буря прошла. Вот что я вам скажу: они выглядели как Приносящие пустоту, из-под кожи у них торчали большие костяные штуковины.

– Светлорд, они сделались выше, – добавил капитан охраны. – Выше меня, почти вашего роста. Говорю вам, ноги толстые, как куल्याпники, а руки такие, что белоспинника можно задушить.

«Тогда почему они не напали?» – размышлял Каладин. Они легко могли захватить усадьбу, но вместо этого бежали в ночь. Это говорило о более важной цели. Возможно, Под был слишком мал для них.

– Полагаю, вы не отследили, куда они направились? – уточнил Каладин, посмотрев на охранников, а потом – на Рошона.

– Нет, светлорд. Честно говоря, мы думали лишь о том, как бы выжить самим, – признался капитан.

– Вы расскажете королю? – спросил Арик. – Эта буря уничтожила четыре наших зернохранилища. Мы очень скоро начнем голодать, беженцев-то много, а еды нет. Когда Великие бури придут вновь, у нас не будет и половины от нужного числа домов.

– Я расскажу Элокару.

Но, Буреотец свидетель, в остальной части королевства все наверняка обстояло так же плохо.

Ему нужно сосредоточиться на Приносящих пустоту. Он не сможет явиться к Далинару, пока у него не появится бурсвет, чтобы улететь домой, так что пока самым полезным занятием казалось выяснить, где собирается враг. Что планировали Приносящие пустоту? Каладин не испытал на себе их странные силы, хотя слышал сообщения о битве при Нараке. Паршенди со светящимися глазами и молниями, бьющими по их приказу, безжалостные и страшные.

– Мне понадобятся карты, – сообщил он. – Карты Алеткара, самые подробные из всех, что у вас есть, и какой-то способ нести их под дождем, не испортив. – Он поморщился. – И лошадь. Несколько, лучшие из ваших.

– Теперь ты меня грабишь? – негромко спросил Рошон, глядя в пол.

– Граблю? – переспросил Каладин. – Скажем так, одалживаю. – Он вытащил из кармана горсть сфер и бросил на стол. Посмотрел на солдат. – Ну? Карты? Уверен, у Рошона есть обзорные карты близлежащих районов.

Рошон не был достаточно важен, чтобы управлять какой-либо из земель великого князя – Каладин не понимал, в чем разница, когда жил в Поде. За теми землями надзирали гораздо более важные светлоглазые; Рошон был всего лишь первым связующим звеном с окружающими деревнями.

– Мы должны подождать разрешения госпожи, – пробормотал капитан охраны. – Сэр.

Каладин приподнял бровь. Они готовы были послушаться Рошона, но не хозяйку усадьбы?

– Ступайте к домашним ревнителям и велите им приготовить вещи, которые я попросил. Разрешение будет получено. И найдите даль-перо, связанное с Ташикком, если у кого-нибудь из ревнителей такое есть. Как только у меня будет бурсвет, чтобы использовать его, я хочу отправить весточку Далинару.

Охранники отсалютовали ему и ушли.

Каладин скрестил руки на груди:

– Рошон, я собираюсь отправиться в погоню за этими паршунами и посмотреть, удастся ли мне выяснить, что они задумали. Полагаю, ни у кого из ваших охранников нет опыта в

распознавании следов? Идти за тварями было бы достаточно трудно и без дождя, который превратил все вокруг в болото.

– Почему они так важны? – спросил Рошон, по-прежнему пялясь на пол.

– Вы ведь догадались, – сказал Каладин, кивая Сил, которая в виде ленты из света полетела к его плечу. – Погодная неразбериха и обычные слуги, превратившиеся в ужасных тварей? Та буря с красными молниями, дующая в неверном направлении? Рошон, пришло Опустошение. Приносящие пустоту вернулись.

Рошон застонал, наклонился вперед и обхватил себя руками, как будто его замутило.

– Сил? – прошептал Каладин. – Возможно, ты мне снова понадобишься.

– У тебя виноватый тон, – ответила она, склонив голову набок.

– И не зря. Мне не нравится сама мысль о том, чтобы размахивать тобой в воздухе и крушить вещи.

Она фыркнула:

– Во-первых, я не ломаю вещи. Я изысканное и грациозное оружие, дурачок. Во-вторых, с чего бы тебе волноваться?

– Такое чувство, что это неправильно, – ответил Каладин по-прежнему шепотом. – Ты женщина, а не оружие.

– Погоди-ка... Так это из-за того, что я девушка?

– Нет, – тут же ответил Каладин, потом замешкался. – Возможно. Просто это кажется странным.

Она опять фыркнула:

– У другого своего оружия ты не спрашиваешь, как оно себя чувствует, когда им размахивают из стороны в сторону.

– Другое мое оружие не одушевлено. – Он поколебался. – Или все же?..

Сил смотрела на него, склонив голову и подняв брови, как будто он сказал какую-то большую глупость.

«У всего есть спрен». Мать учила его этому с ранних лет.

– Выходит... какие-то из моих копий были женщинами?

– Скажем так, женского рода, – уточнила Сил. – Примерно половина, как оно обычно и случается. – Она вспорхнула перед его лицом. – Сами виноваты, что очеловечиваете нас, так что хватит жаловаться. Разумеется, у некоторых старых спренов четыре пола, а не два.

– Что? Почему?

Она ткнула его в нос:

– Потому что их не люди придумали, дурачок.

Она взлетела перед ним и превратилась в облако тумана. Когда Каладин поднял руку, появился осколочный клинок.

Он направился туда, где сидел Рошон, потом наклонился и протянул ему меч, острием к полу.

Рошон поднял глаза, зачарованный клинком, как Каладин и предвидел. Вблизи от этих штуковин нельзя было не ощутить их притяжения. Они обладали магнетизмом.

– Как ты его получил? – спросил Рошон.

– А это важно?

Ответ не требовался – оба и без того знали правду. Владеть осколочным клинком уже вполне достаточно. Если, разумеется, ты мог заявить права на него и не допустить, чтобы его у тебя отняли. Раз он владеет осколочным клинком, клейма на его лбу утрачивают смысл. Ни один человек, даже Рошон, не намекнул бы на иное.

– Ты, обманщик, предатель и убийца, – заявил Каладин. – Но как бы я тебя ни ненавидел, у нас нет времени на уничтожение правящего класса Алеткара и замену его чем-то лучшим.

На нас напал враг, которого мы не понимаем и которого не ожидали. Так что тебе придется взять себя в руки и возглавить этих людей.

Рошон неотрывно глядел на свое отражение в лезвии клинка.

– Мы не бессильны, – продолжил Каладин. – Мы можем и будем сопротивляться – но сперва надо выжить. Буря бурь вернется. Она станет возвращаться регулярно, хотя я пока не знаю, с какой периодичностью. Мне нужно, чтобы ты подготовился.

– Как? – прошептал Рошон.

– Стройте дома с уклонами в обе стороны. Если на это нет времени, найдите защищенное место и затаитесь. Я не могу остаться, даже если пострадал мой город и мои близкие. Этот кризис затронул больше, чем один город, один народ. Я должен положиться на тебя. Убереги нас Всемогущий, ты – все, что у нас есть.

Рошон еще сильнее обмяк в своем кресле. Великолепно. Каладин встал и отпустил Сил.

– Мы справимся, – раздался голос позади него.

Каладин застыл. От голоса Лараль дрожь пробежала по его позвоночнику. Он медленно повернулся и увидел женщину, которая совершенно не соответствовала образу в его голове. Когда он в последний раз ее видел, на ней было безупречное платье светлоглазой, выглядела она красивой и юной, но ее бледно-зеленые глаза казались пустыми. Она потеряла жениха, сына Рошона, и вместо этого стала нареченной его отца – мужчины более чем в два раза ее старше.

Женщина, которую он увидел, больше не была юной. Ее лицо было жестким, худым, а волосы – стянуты в строгий хвост, черный с русыми прядями. На ней были ботинки и практичная хава, влажная от дождя.

Она смерила его взглядом с головы до ног и фыркнула:

– Похоже, Кэл, ты взял да и вырос. Меня расстроило известие о твоём брате. Идем же. Тебе нужно даль-перо? У меня есть одно, связывающее с королевой-регентшей в Холинаре, но в последнее время оно ни на что не реагирует. К счастью, у нас есть еще даль-перо, связывающее с Ташикком, как ты и просил. Если думаешь, что король ответит, можем воспользоваться услугами посредника.

Она шагнула назад из дверного проема.

– Лараль... – проговорил Каладин, двинувшись следом.

– Слышала, ты пырнул мой пол, – продолжила она. – Между прочим, это хорошая древесина. Ну, честное слово! Мужчины и их оружие...

– Я мечтал вернуться, – пробормотал Каладин, останавливаясь в коридоре у библиотеки. – Я представлял себе, как возвращаюсь сюда героем войны и бросаю вызов Рошону. Лараль, я хотел спасти тебя.

– О? – Она повернулась к нему. – И что заставило тебя думать, что меня надо спасать?

– Ты ведь не станешь утверждать, – тихо проговорил Каладин, взмахом руки указывая на библиотеку, – что довольна... этим.

– Похоже, превращение в светлоглазого никоим образом не наделяет благопристойностью. Каладин, прекрати оскорблять моего мужа. Осколочник ты или нет, еще раз так выскажешься – и я прикажу вышвырнуть тебя из моего дома.

– Лараль...

– Я здесь весьма счастлива. По крайней мере, была, пока ветра не начали дуть не в том направлении. – Она покачала головой. – Ты совсем как твой отец. Всегда считаешь, что должен всех спасать, даже тех, кто предпочел бы, чтобы ты не совал нос в чужие дела.

– Рошон жестоко обошелся с моей семьей. Он отправил моего брата на смерть и сделал все, чтобы уничтожить моего отца!

– А твой отец выступил против моего мужа, – парировала Лараль, – унизив его перед другими горожанами. Как бы ты почувствовал себя, если бы был новым светлордом, изгнанным из дома в глушь, если бы обнаружил, что самый важный горожанин открыто критикует тебя?

Разумеется, ее взгляд на вещи был искаженным. Лирин сперва пытался подружиться с Рошоном, не так ли? И все же Каладин вдруг ощутил, что ему не хочется продолжать этот спор. Какая разница? Он все равно собирался устроить так, чтобы родители уехали из этого города.

– Пойду-ка я подготовлю даль-перо, – сказала Лараль. – Возможно, потребуется некоторое время, чтобы дождаться ответа. Ревнители как раз соберут для тебя карты.

– Отлично. – Каладин прошел мимо нее. – Я пока что поговорю с родителями.

Сил шмыгнула ему на плечо, когда он начал спускаться по ступенькам.

– Значит, это та девушка, на которой ты собирался жениться.

– Нет, – прошептал Каладин. – Это девушка, на которой я никогда не собирался жениться, что бы ни случилось.

– Она мне нравится.

– Еще бы.

Он достиг последней ступеньки и посмотрел вверх. Рошон присоединился к Лараль на вершине лестницы, неся самосветы, которые Каладин оставил на столе. Сколько там было?

Пять или шесть рубиновых броунов, а может быть, один-два сапфировых. Каладин произвел мысленный подсчет. Вот буря... Это была нелепая сумма – больше денег, чем было в том кубке, полном сфер, из-за которого Рошон и отец Каладина пререкались на протяжении нескольких лет. Теперь такие деньги были для него мелочью.

Он всегда считал всех светлоглазых богатыми, но незначительный светлорд в малозначимом городишке... что ж, Рошон на самом деле был бедным, просто это некая разновидность бедности.

Каладин шел по дому, проходя мимо людей, которых когда-то знал, – теперь они шептали «Осколочник!» и спешили убраться с его дороги. Так тому и быть. Он принял свое место в тот момент, когда выхватил Сил из воздуха и произнес слова.

Лирин уже снова занимался ранеными в гостиной. Каладин остановился в дверном проеме, потом вздохнул и присел рядом с отцом. Когда тот потянулся к подносу с инструментами, Каладин уже поднял его и держал наготове. Этим он занимался, когда ассистировал отцу во время операций. Новый ученик помогал раненым в другой комнате.

Лирин посмотрел на сына, затем повернулся к пациенту, совсем еще мальчику, у которого была окровавленная повязка на руке.

– Ножницы, – сказал Лирин.

Каладин протянул их, и лекарь взял инструмент не глядя, а затем аккуратно разрезал повязку. Зубчатая щепка проткнула руку мальчика. Он хныкал, пока Лирин пальпировал кожу вокруг щепки. Это выглядело не очень хорошо.

– Вырежи деревяшку, – сказал Каладин, – и омертвевшую плоть. Прижги.

– Немного чересчур, тебе не кажется? – спросил Лирин.

– Возможно, тебе все равно придется отнять руку у локтя. Она наверняка заражена, – погляди, какая грязная щепка. От нее останутся кусочки.

Мальчик снова захныкал. Лирин похлопал его:

– Все будет хорошо. Я пока не вижу спренов гниения, и поэтому мы не будем отрезать руку. Позволь мне поговорить с твоими родителями. А пока что пожуй это.

Он дал мальчику кусочек коры, чтобы тот расслабился.

Лирин и Каладин вместе двинулись дальше; мальчику не угрожала немедленная опасность, а Лирин хотел оперировать после того, как анестетик подействует.

– Ты стал жестче, – бросил отец Каладину, осматривая ногу следующего пациента. – Я беспокоился, что ты никогда не обзаведешься мозолями.

Каладин не ответил. По правде говоря, его мозоли были не такими твердыми, как хотелось бы отцу.

– Но к тому же ты стал одним из них, – прибавил Лирин.

– Цвет моих глаз ничего не меняет.

– Я говорю не о цвете твоих глаз, сынок. Я не дам и двух грошей за то, светлые у человека глаза или нет. – Он махнул рукой, и Каладин передал ему тряпку, чтобы обтереть палец на ноге пациента, после чего начал готовить небольшую шину. – То, кем ты стал, – продолжил Лирин, – убийцей. Ты решаешь проблемы кулаком и мечом. Я надеялся, что ты найдешь себе место среди военных лекарей.

– У меня не было выбора, – сказал Каладин, передавая шину, а затем готовя повязки, чтобы обернуть палец. – Это долгая история. Когда-нибудь расскажу.

«Менее душераздирающие ее части, по крайней мере».

– Полагаю, ты не останешься.

– Нет. Мне нужно следовать за этими паршунами.

– Значит, больше убийств.

– По-твоему, нам не следует бороться с Приносящими пустоту?

Лирин поколебался.

– Нет, – пробормотал он. – Знаю, что война неизбежна. Просто не хотел, чтобы ты был частью этого. Я видел, что она делает с мужчинами. Война сдирает кожу с их души, и эти раны я не в силах исцелить. – Он закрепил шину, потом повернулся к Каладину. – Мы лекари. Пусть другие рвут и ломают; мы не должны причинять вреда другим.

– Нет, – возразил Каладин. – Ты лекарь, отец, но я – кое-что другое. Сторож на границе. – Слова, которые Далинар Холин слышал в видении. Каладин встал. – Я буду защищать тех, кто в этом нуждается. Сегодня это означает, что мне надо выследить Приносящих пустоту.

Лирин вздохнул:

– Ладно. Я... рад, что ты вернулся, сынок. Рад, что с тобой все в порядке.

Каладин положил руку на плечо отца:

– Отец, жизнь прежде смерти.

– Повидайся с матерью, прежде чем уйти. У нее есть что тебе показать.

Каладин нахмурился, но прошел из лазарета в кухню. Она освещалась только несколькими свечами. Куда бы он ни пошел, везде видел тени и изменчивый свет.

Кэл наполнил флягу свежей водой и обнаружил небольшой зонтик. Пригодится для чтения карт под дождем. Оттуда наведалься в библиотеку, чтобы проверить, как там Лараль. Рошон удалился в свою комнату, но его жена сидела за письменным столом, а перед нею стояло даль-перо.

Стоп. Даль-перо работало. Его рубин светился.

– Буресвет! – сказал Каладин, ткнув пальцем.

– Ну конечно, – ответила Лараль, нахмурившись. – Он нужен для фабриалей.

– Откуда у тебя заряженные сферы?

– Великая буря. Всего несколько дней назад.

Во время столкновения с Приносящими пустоту Буреотец призвал внеочередную Великую бурю, которая соответствовала Буре бурь. Каладин улетел до того, как пришла ее буревая стена, чтобы сразиться с Убийцей в Белом.

– Эта буря была неожиданной, – напомнил Каладин. – Откуда ты знала, что надо выставить сферы наружу?

– Кэл, не так уж трудно вывесить немного сфер за окно, как только начинается буря!

– Сколько их у тебя?

– Есть немного, – призналась Лараль. – У ревнителей найдется кое-что – я не единственная, кто до такого додумался. Слушай, в Ташикке есть кое-кто, согласный передать послание Навани Холин, матери короля. Разве ты не этого хотел? Ты правда думаешь, что она ответит?

К счастью, когда даль-перо начало писать, это и впрямь был ответ.

– «Капитан? – прочитала Лараль. – Это Навани Холин. Это правда ты?»

Лараль моргнула, затем посмотрела на него.

– Да, – подтвердил Каладин. – Последнее, что я сделал перед отъездом, – поговорил с Далинаром в верхней части башни.

Он надеялся, этого хватит, чтобы его опознать.

Лараль вздрогнула, потом записала его слова.

– «Каладин, это Далинар, – прочитала она, когда пришло сообщение. – Каково твоё положение, солдат?»

– Сэр, лучше, чем ожидалось, – продиктовал Каладин. Он кратко изложил то, что обнаружил. В конце он отметил: – Я беспокоюсь, что они ушли, поскольку Под недостаточно важен. Я заказал лошадь и карты. Думаю, могу произвести небольшую разведку и посмотреть, что удастся выяснить о враге.

«Осторожнее, – пришло в ответ. – У тебя не осталось буресвета?»

– Возможно, смогу найти немного. Сомневаюсь, что этого будет достаточно для возвращения, но все-таки он пригодится.

Прошло несколько минут, прежде чем Далинар ответил, и Лараль воспользовалась возможностью поменять бумагу на доске с даль-пером.

«Капитан, у тебя хорошее чутье, – наконец-то прислал Далинар. – Я чувствую себя слепым в этой башне. Подберись достаточно близко, чтобы обнаружить, что делает враг, но не рискуй понапрасну. Возьми даль-перо. Отправляй нам глиф каждый вечер в знак того, что ты в безопасности».

– Понял, сэр. Жизнь прежде смерти.

«Жизнь прежде смерти».

Лараль посмотрела на него, и он кивнул, давая понять, что разговор окончен. Она без слов упаковала для него даль-перо, и он с благодарностью его взял, а затем поспешил из комнаты и вниз по ступенькам.

Его деятельность привлекла множество людей, собравшихся перед лестницей в маленькой прихожей. Он намеревался спросить, нет ли у кого-то заряженных сфер, но увидел мать и про все забыл. Она говорила с несколькими девушками и держала на руках малыша. А зачем он ей...

Каладин остановился у подножия лестницы. Ребенку, наверное, был год; он жевал палец и что-то лопотал.

– Каладин, познакомься с братом, – объявила Хесина, повернувшись к нему. – Девочки сидели с ним, пока я ухаживала за ранеными.

– Брат, – прошептал Каладин. Такое никогда не приходило ему в голову. Матери в этом году исполнится сорок один, и...

Брат.

Каладин протянул руки. Мать позволила ему взять мальчика, поддержать в руках, которые казались слишком грубыми, чтобы прикасаться к такой мягкой коже. Каладин задрожал, потом крепко прижал ребенка к себе. Воспоминания об этом месте не сломали его, и, увидев родителей, он не поддался, но это...

Он не мог остановить слезы. Кэл чувствовал себя дураком. Не то чтобы это что-то изменило – его братьями теперь были ребята из Четвертого моста, ставшие столь же близкими, как любой кровный родственник.

И все же он плакал.

– Как его зовут?

– Ороден.

– «Дитя мира», – прошептал Каладин. – Доброе имя. Очень хорошее имя.

Позади него появилась ревнительница с ящичком для свитка. Бури, это Зехеб? Все еще жива, хотя она всегда казалась старше самих камней. Каладин вернул маленького Ородена матери, вытер глаза и взял свиток.

Люди толпились вдоль стен. Да и как иначе, Каладин являл собой интереснейшее зрелище: сын лекаря, ставший рабом, а теперь осколочником. В Поде такого развлечения не будет еще лет сто. По крайней мере, если Каладин сам не устроит новое.

Кэл кивнул отцу, который вышел из гостиной, и повернулся к толпе:

– У кого-то здесь есть заряженные сферы? Я их обменяю, два гроша к одному. Приносите.

Сил жужжала вокруг него, пока собирали сферы, и мать Каладина руководила обменом. В итоге удалось собрать небольшой мешочек, но даже он казался невероятным богатством. По крайней мере, лошади Кэлу теперь не понадобятся.

Он завязал мешочек, а затем бросил взгляд через плечо на подошедшего отца. Лирин достал из кармана маленький светящийся бриллиантовый грош и протянул его Каладину.

Каладин принял сферу и посмотрел на мать и маленького мальчика у нее на руках. На своего брата.

– Я хочу отвезти вас в безопасное место, – сообщил он Лирину. – Мне нужно уйти, но я скоро вернусь. Чтобы забрать вас в...

– Нет, – сказала Лирин.

– Отец, это Опустошение.

Вблизи люди тихонько охнули, взгляды у них сделались затравленные. Вот буря; Каладину стоило сообщить это наедине. Он наклонился к Лирину:

– Я знаю место, где безопасно. Для тебя, для мамы. Для маленького Ородена. Пожалуйста, хоть раз в жизни не будь таким упрямым.

– Можешь забрать их, если они согласятся, – заявил Лирин. – Но я останусь. Особенно если... ты сказал правду. Я понадобится этим людям.

– Посмотрим. Я вернусь, как только смогу.

Каладин стиснул зубы и подошел к дверям. Он распахнул их, выпуская звуки дождя и запахи затопленной земли.

Потом остановился, оглянулся и посмотрел на комнату, полную грязных горожан, бездомных и испуганных. Они подслушали его и все теперь знали. Кэл слышал, как они шептались. Приносящие пустоту. Опустошение.

Он не мог оставить их так.

– Вы правильно услышали, – произнес Каладин громко, обращаясь к сотне людей, собравшихся в большой прихожей усадьбы, включая Рошона и Лараль, которые стояли на лестнице. – Приносящие пустоту вернулись.

Шепоты. Испуг.

Каладин втянул часть бурсвета из мешка. Чистый, светящийся дым начал подниматься от его кожи, отчетливо видимой в тусклом помещении. Благодаря вертикальному сплетению он завис в двух футах от пола. Кэл светился. Сил выступила из тумана в виде осколочного копья в его руке.

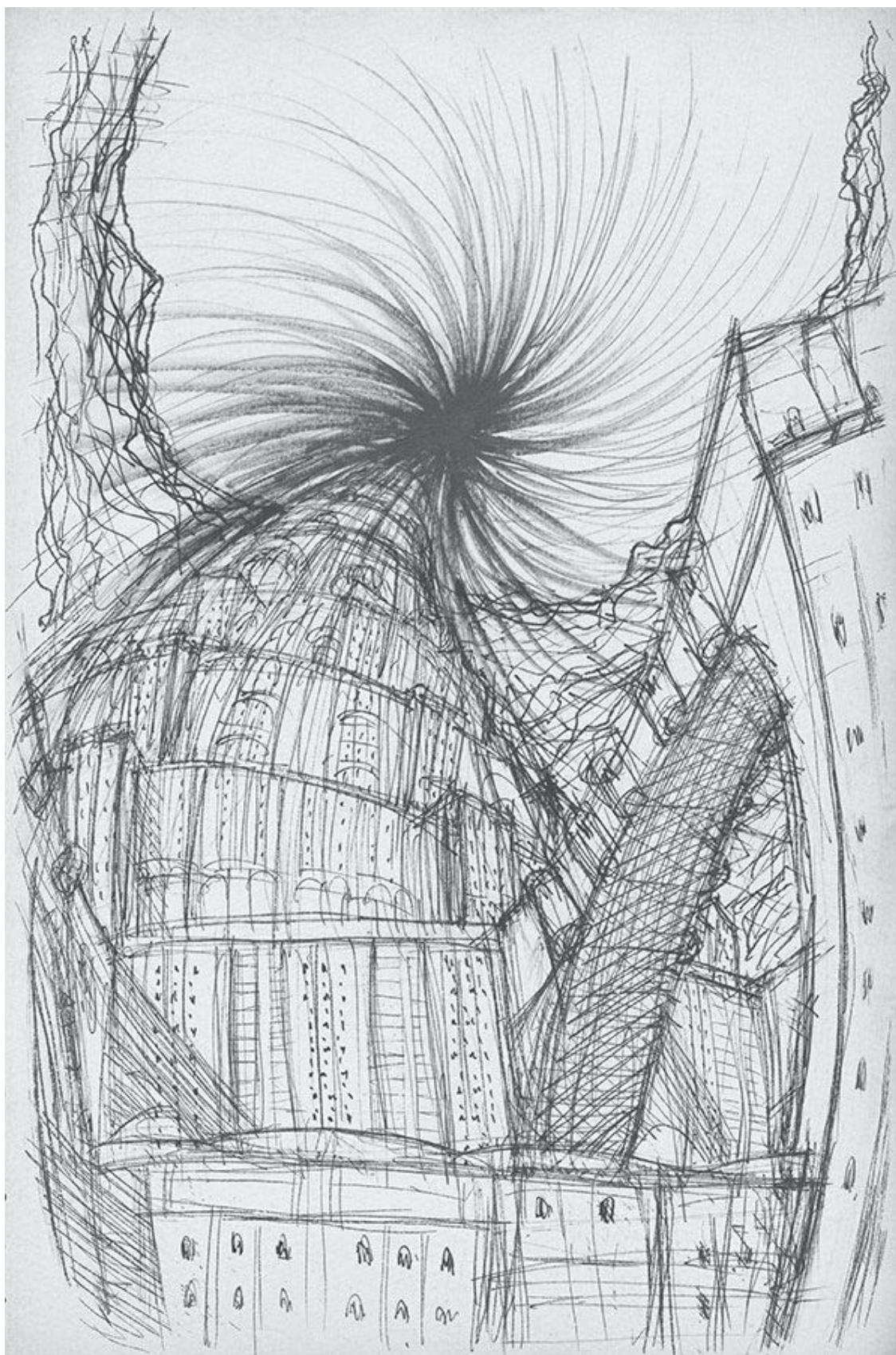
– Великий князь Далинар Холин, – проговорил Каладин, и бурсвет облачками вырывался из его рта, – восстановил орден Сияющих рыцарей. И на этот раз мы вас не подведем.

Выражения лиц собравшихся в комнате колебались от обожания до ужаса. Каладин нашел лицо отца. Челюсть Лирина отвисла. Хесина схватила своего младенца на руки, на ее лице отразился чистый восторг, а вокруг ее головы возник спрен благоговения в виде синего кольца.

«Я буду защищать тебя, малыш, – подумал Каладин, обращаясь к ребенку. – Я буду защищать их всех».

Он кивнул родителям, потом повернулся и сплетением направил себя наружу, уносясь в дождливую ночь. Кэл решил, что остановится в Стрингкене, до которого было примерно полдня ходьбы или короткий полет на юг, и проверит, нельзя ли там обменять сферы.

Затем поохотится на Приносящих пустоту.

8. Сильная ложь

Как бы там ни было, могу честно сказать, что эта книга созрела во мне с юности.

Из «Давшего клятву», предисловие

Шаллан рисовала.

Она исчеркала страницы альбома нервными, дерзкими штрихами. Через каждые несколько линий девушка крутила угольный карандаш в пальцах, выскивая грани поострее, потому что линии получались густо-черными.

– Мм... – раздался голос Узора, который, будто вышивка, украшал ее юбку на уровне икры. – Шаллан?

Она продолжала рисовать, заполняя страницу черными линиями.

– Шаллан? – позвал Узор. – Понимаю, почему ты меня ненавидишь. Я не хотел помогать тебе убивать твою маму, но сделал именно это. Сделал...

Шаллан стиснула зубы и продолжила рисовать. Она сидела снаружи Уритиру, прижавшись спиной к холодному обломку скалы, ее пальцы заledenели, вокруг росли спрены холода, похожие на шипы. Порывом ветра ей бросило на лицо растрепавшиеся волосы, и пришлось прижать лист бумаги большим пальцем левой руки – через рукав.

– Шаллан... – опять проговорил Узор.

– Все в порядке, – негромко проговорила Шаллан, когда ветер стих. – Просто... дай мне порисовать.

– Мм... Сильная ложь.

Простой пейзаж; она должна нарисовать простой, умиротворяющий пейзаж. Девушка сидела на краю одной из платформ Клятвенных врат, которые возвышались на десять футов над основным плато. Ранее днем она привела в действие Клятвенные врата и перенесла сюда несколько сотен людей из тысяч, что ждали у Нарака. Теперь придется ждать: при каждом использовании устройства тратилось невероятное количество бурсвета. Даже с самосветами, которые принесли вновь прибывшие, запасов для следующего захода не хватало.

К тому же она сама была не очень-то готова продолжать. Лишь действующий, полный Сияющий рыцарь мог активировать контрольный механизм в центре каждой платформы. Пока что такой являлась только Шаллан.

И потому ей приходилось каждый раз вызывать клинок – тот самый, которым она убила свою мать. Клинок представлял собой истину, которую Шаллан осознала, приняла и произнесла в качестве Идеала своего ордена Сияющих.

Истину, которую она больше не могла засунуть в дальний угол разума и забыть.

«Просто рисуй».

Перед ней расстился город. Он вздымался невероятно высоко, и ей пришлось постараться, чтобы уместить громадную башню на странице. Ясна искала это место в надежде найти здесь древние книги и хроники; пока они ничего подобного не обнаружили. А Шаллан пыталась разобраться в самой башне.

Если она запрет Уритиру в рисунок, сможет ли наконец понять его невероятный размер? Она не могла отыскать угол, с которого можно было рассмотреть башню целиком, поэтому продолжала сосредотачиваться на мелочах. Балконы, очертания полей, просторные проемы – пасти, готовые поглотить, сожрать, подавить.

В конце концов у нее получился не рисунок башни, но перекрещивающиеся линии на фоне более светлого оттенка угля. Пока она смотрела на результат, пролетел спрен ветра и всколыхнул страницы. Шаллан вздохнула, бросила угольный карандаш в сумку и достала влажную тряпку, чтобы протереть пальцы свободной руки.

Внизу, на плато, тренировались солдаты. Мысль о том, что все они будут жить в этом месте, тревожила Шаллан. Это было глупо. Это ведь просто здание.

Но она не смогла его нарисовать.

– Шаллан... – вновь окликнул ее Узор.

– Мы с этим разберемся, – пообещала она, глядя вперед. – Ты не виноват, что мои родители мертвы. Ты тут ни при чем.

– Ты можешь ненавидеть меня. Я понимаю.

Шаллан закрыла глаза. Девушка не хотела, чтобы он понял. Лучше бы спрен убедил ее, что она не права. Как бы ей хотелось ошибаться!

– Узор, я не ненавижу тебя. Я ненавижу меч.

– Но...

– Меч – это не ты. Меч – это я, мой отец, жизнь, которую мы вели, и то, как мы все запутались.

– Я... – Узор тихонько загудел. – Я не понимаю.

«Я была бы потрясена, если бы ты понял, – подумала Шаллан. – Ведь я и сама не понимаю». К счастью, подвернулся повод сменить тему: по склону к платформе, где сидела Шаллан, поднималась разведчица. Темноглазая, с длинными темными волосами аleti, в бело-голубом наряде, в брюках под юбкой посланницы.

– Э-э, светлость Сияющая? – обратилась к ней с поклоном разведчица. – Великий князь просит вас явиться к нему.

– Какая досада, – буркнула Шаллан, хоть внутренне она и испытала облегчение оттого, что появилось хоть какое-то дело. Девушка вручила разведчице свой альбом для рисования, чтобы та его подержала, пока Сияющая соберет сумку.

«Тусклые сферы», – заметила она.

К Далинару во время его экспедиции в центр Расколотых равнин присоединились только три великих князя. Когда неожиданно обрушилась буря, великий князь Хатам получил весточку через даль-перо от разведчиков на равнинах.

Его военный лагерь смог выставить большинство своих сфер для перезарядки до начала бури, предоставив ему огромное количество бурсвета. Он богател по мере того, как Далинар выменивал сферы на заряженные, чтобы запустить Клятвенные врата и доставить припасы.

По сравнению с этим выдача ей сфер для практики в светоплетении не такой уж страшный расход, но она все же чувствовала себя виноватой из-за того, что осушила две из них,

чтобы с помощью бурсвета справиться с холодным воздухом. Придется ей быть с этим поаккуратнее.

Шаллан все упаковала, потянулась к альбому и обнаружила, что разведчица листает его, широко распахнув глаза.

– Светлость... – восхищенно воскликнула она. – Это потрясающе!

На нескольких страницах был изображен вид, который можно было бы узреть, глядя вверх от основания башни, улавливая смутное величие Уритиру, но в большей степени чувствуя головокружение. Шаллан с неудовольствием поняла, что усилила сюрреалистический характер эскизов, используя невозможные точки схода линий и перспективу в целом.

– Я пыталась нарисовать башню, – пояснила она, – но у меня не получается изобразить ее под прямым углом.

Может быть, когда светлорд Мрачноглазый вернется, он по воздуху перенесет ее на другую вершину вдоль горной цепи.

– Я никогда не видела ничего подобного, – призналась разведчица, перелистывая страницы. – Как это называется?

– Сюрреализм. – Шаллан забрала альбом и засунула его под мышку. – Старое художественное направление. Кажется, я случайно к нему обратилась, когда не смогла изобразить картину такой, как мне хотелось. Оно теперь почти никого не интересует, кроме учеников.

– От этого мои глаза заставили мой мозг поверить, будто он забыл проснуться.

Шаллан махнула рукой и, пока разведчица вела ее обратно вниз и через плато, заметила, что несколько солдат на поле бросили свои упражнения и уставились на нее. Вот досада. Ей больше никогда не сделаться просто Шаллан, малозначимой девушкой из захолустного городка. Теперь она «светлость Сияющая», предположительно из ордена Инозвателей. Она убедила Далинара притвориться – по крайней мере, на людях, – что Шаллан из ордена, который не может творить иллюзии. Ей требовалось сохранить эту тайну, иначе ее эффективность сильно снизится.

Солдаты тарасились так, словно ожидали, что Шаллан отрастит осколочную броню, выстрелит языками пламени из глаз и улетит ровнять с землей одну-две горы. «Наверное, стоит попытаться действовать более бесстрашно, – подумала девушка. – Более... по-рыцарски?»

Шаллан посмотрела на солдата, который носил золотой и красный цвета армии Хатама. Он тотчас же опустил взгляд и потерял глиф-оберег, обвязанный вокруг правой руки выше локтя. Далинар был полон решимости восстановить репутацию Сияющих, но буря свидетельница, нельзя изменить образ мыслей всего народа в течение нескольких месяцев. Древние Сияющие рыцари предали человечество, и, хотя многие алеты, похоже, собирались дать орденам второй шанс, другие не были так снисходительны.

Тем не менее она попыталась держать голову высоко, спину прямо и идти так, как ее всегда учили наставницы. «Сила – это иллюзия восприятия», – будто услышала она слова Ясны. Первый шаг к тому, чтобы взять все под контроль, – это увидеть саму себя способной взять все под контроль.

Разведчица привела ее в башню и вверх по лестнице, к охраняемым покоям Далинара.

– Светлость? – спросила женщина, пока они шли. – Могу я задать вам вопрос?

– Так это и есть вопрос; видимо, можете.

– А-а... Э-э... Ох...

– Все хорошо. Что вы хотели знать?

– Вы... Сияющая.

– Это на самом деле заявление, и оно заставляет меня усомниться в предыдущем утверждении.

– Простите, светлость. Я лишь... мне любопытно, как это работает? Каково это – быть Сияющей? У вас есть осколочный клинок?

Так вот к чему все шло.

– Заверяю вас, – ответила Шаллан, – вполне возможно сохранить должную степень женственности, одновременно выполняя рыцарский долг.

– А-а, – протянула разведчица. Как ни странно, она как будто была разочарована этим ответом. – Ну, разумеется, светлость.

Уритиру, казалось, был вырезан прямо из скалы, как скульптура из гранита. Действительно, в углах комнат не видны швы, а также не было отдельных кирпичей или блоков в стенах. Значительную часть камней покрывали узоры из тонких пересекающихся линий. Красивые линии разнообразных оттенков, как слои ткани в торговой лавке.

Коридоры часто изгибались странным образом, редко шли прямо к перекрестку. Далинар предположил, что целью этого мог быть обман захватчиков, как в любом укрепленном замке. Широкие повороты и отсутствие швов делали коридоры похожими на туннели.

Шаллан не нужен был проводник – все коридоры и проходы имели свои узоры. Многие, похоже, с трудом их различали и твердили, что надо бы нарисовать на полу направляющие линии. Разве они не видели, что здесь узор из широких красноватых слоев, чередующихся с более узкими желтыми? Надо было всего лишь идти в направлении, где линии слегка изгибались кверху, и оказывалось, что ты идешь в сторону покоев Далинара.

Вскоре они прибыли, и разведчица встала на пост у двери на случай, если ее услуги опять понадобятся. Шаллан вошла в комнату, которая только за день до этого была пуста, но теперь здесь стояла мебель и помещение превратилось в удобное место для совещаний непосредственно рядом с личными покоями Далинара и Навани.

Адолин, Ренарин и Навани сидели перед Далинаром. Тот стоял, уперев кулаки в бедра, созерцая карту Рошара на стене. Хотя помещение было заполнено коврами и обитой бархатом мебелью, изысканное убранство подходило этой мрачной комнате, как женская хава – свинье.

– Отец, я не знаю, как подобраться к азирицам, – объяснял Ренарин, когда она вошла. – Новый император сделал их непредсказуемыми.

– Они же азирицы! – воскликнул Адолин, махнув Шаллан той рукой, что не была ранена. – Как же они могут быть непредсказуемыми? Разве их властители не решают, как им чистить фрукты?

– Это стереотип, – возразил Ренарин. Он был в униформе Четвертого моста, но накинул на плечи одеяло и держал кружку с чаем, над которой вился пар, хотя в комнате было очень-то холодно. – Да, у них такая бюрократия! Смена правителя все равно вызывает беспорядки. Вообще-то, новому азирискому императору может оказаться легче изменить политический курс, потому что в их культуре политика определяется как нечто переменчивое.

– Я бы не беспокоилась об азирицах. – Навани постучала по своему блокноту карандашом, а затем что-то записала. – Они прислушаются к голосу разума; они всегда так делают. Что насчет Тукара и Эмула? Я не удивлюсь, если нынешней войны хватит, чтобы отвлечь их даже от возвращения Опустошений.

Далинар хмыкнул и потер подбородок:

– Этот военный властитель Тукара... Как его зовут?

– Тезим, – сказала Навани. – Называет себя аспектом Всемогущего.

Шаллан фыркнула, устроившись на стуле рядом с Адолином, положив сумку и альбом на пол.

– Аспект Всемогущего? По крайней мере, он скромный.

Далинар повернулся к ней, сцепил руки за спиной. Вот буря. Он всегда казался таким... огромным. Больше любой комнаты, в которой бывал этот мужчина, чей лоб вечно бороздили морщины глубочайших размышлений. Далинар Холин мог выбирать меню на завтрак так, словно это самое важное решение для всего Рошара.

– Светлость Шаллан, – обратился он к девушке. – Скажите, как бы вы поступили с королевствами Макабаки? Теперь, когда буря пришла, как мы и предупреждали, у нас есть возможность подойти к ним с позиции силы. Азир важен, но он только что столкнулся с кризисом престолонаследования. Эмул и Тукар воюют, как отметила Навани. Мы, разумеется, могли бы использовать информационные сети Ташикка, но они такие изоляционисты. Остаются Йезир и Лиафор. Возможно, их участие окажется достаточно веским доводом для соседей?

Он повернулся к ней, ожидая ответа.

– Да-да... – задумчиво протянула Шаллан. – Я слышала про некоторые из этих мест. – Далинар сжал губы в ниточку, и Узор озабоченно загудел на ее юбке. Далинар не выглядел человеком, с которым можно шутить. – Простите, светлорд, – продолжила Шаллан, откидываясь на спинку стула. – Но я сбита с толку относительно того, чего вы от меня ждете. Я знаю об этих королевствах, конечно, но мои знания – сугубо теоретические. Я могла бы перечислить, что они экспортируют вам, но вот что касается внешней политики... я ведь даже не разговаривала ни с кем из Алеткара до того, как покинула свою родину. А ведь мы соседи!

– Понимаю, – мягко проговорил Далинар. – Ваш спрен может что-то посоветовать? Вы не могли бы показать его, чтобы он поговорил с нами?

– Узор? Он не особо осведомлен о нашем племени, потому-то он здесь и находится в первую очередь. – Она поерзала на своем стуле. – Светлорд, если откровенно, я думаю, он боится вас.

– Ну, он явно не дурак, – пробормотал Адолин.

Далинар бросил на сына сердитый взгляд.

– Отец, не притворяйся, – продолжил Адолин. – Если уж кто-то может запугивать силы природы, то только ты.

Князь Холин вздохнул, повернулся и уперся рукой в карту. Любопытно, но из всех именно Ренарин поднялся, отложив одеяло и чашку, и подошел, чтобы сжать плечо отца. Юноша рядом с Далинаром казался еще более хрупким, чем обычно, и хоть волосы не были такими белокурыми, как у Адолина, все же тут и там в них встречались желтые пряди. Он до странности мало походил на Далинара, как будто их выкроили из разных тканей.

– Сынок, просто все слишком тяжело для меня. – Далинар посмотрел на карту. – Как я могу объединить Рошар, если даже не побывал ни разу во многих из этих царств? Юная Шаллан сказала мудрую вещь, хотя она, возможно, и не поняла этого. Мы не знаем этих людей. И как я должен отвечать за них? Хотел бы я увидеть все...

Шаллан поерзала на своем стуле, чувствуя себя так, словно ее забыли. Может, он и послал за ней, желая получить помощь у своих Сияющих, но у Холинов семья всегда превыше всего. В этом смысле она оставалась чужой.

Далинар повернулся и пошел за чашкой подогретого вина. Когда он проходил мимо Шаллан, она почувствовала что-то необычное. Что-то внутри нее кувыркнулось, как будто он притягивал к себе какую-то ее часть.

Великий князь снова прошел мимо, держа чашку, и Шаллан соскользнула со своего места, следуя за ним к карте на стене. Девушка вдохнула бурсвет из своей сумки, пока шла, и он полился мерцающим потоком. Бурсвет наполнил ее и заставил кожу светиться.

Она положила свободную руку на карту. Из нее потек бурсвет, освещая ее кружащимся вихрем сияния. Шаллан не совсем понимала, что делает, а такое с ней бывало редко. Искусство опиралось не на понимание, а на знание.

Бурсвет заструился с карты, в одно мгновение пройдя между нею и Далинаром, вынудив Навани поспешно вскочить и отпрянуть. Свет закружился в комнате и превратился в другую карту – больше, парящую примерно на высоте стола прямо посередине. Выросли горы, словно складки на смятом куске ткани. Огромные равнины сияли зеленым от лоз и травы. У бесплод-

ных холмов в буревых землях выросли тени с подветренной стороны, в которых буйствовала жизнь. Буреотец... на глазах у Шаллан весь этот обширный рельеф сделался настоящим.

У нее перехватило дыхание. Это она сделала? Как? Ее иллюзии обычно требовали предварительного рисунка, которому и подражали.

Карта растянулась, заполнив собой всю комнату, ее края мерцали. Адолин встал со своего стула, прорвавшись сквозь иллюзию где-то возле Харбранта. Вокруг него завивались струйки буресвета, но стоило юноше подвинуться, как нарушенное изображение начинало кружиться и аккуратно восстанавливалось позади него.

– Как... – Далинар наклонился возле их части карты, которая в подробностях отображала Решийские острова. – Детали изумительные. Я почти вижу города. Как ты это сделала?

– Не знаю, сделала ли я хоть что-нибудь. – Шаллан ступила в иллюзию и ощутила, как вокруг нее клубится буресвет. Несмотря на детали, перспектива была все же очень далекой, и горы размерами не превышали длины ее ногтей. – Светлорд, я не могла создать все это. У меня нет таких знаний!

– Ну, я точно этого не делал, – отозвался Ренарин. – Светлость, буресвет, безусловно, пришел от вас.

– Да, это ваш отец меня потянул.

– Потянул? – переспросил Адолин.

– Буреотец, – предположил Далинар. – Это его влияние – это то, что он видит каждый раз, когда очередная буря прокатывается по Рошару. Это не я и не вы, но мы все. Каким-то образом.

– Ну... – заметила Шаллан, – вы ведь жаловались, что не можете увидеть все сразу.

– Сколько буресвета потребовалось? – уточнила Навани, обходя новую живую карту по краю.

Шаллан заглянула в свою сумку:

– Мм... весь, что был.

– Мы добудем для тебя больше, – пообещала Навани со вздохом.

– Простите за...

– Нет, – отрезал Далинар. – Предоставить моим Сияющим возможность оттачивать свои умения – один из самых правильных способов увеличить ценный ресурс, и я могу задействовать его прямо сейчас. Даже если Хатам дерет три шкуры за свои сферы.

Далинар прошелся по изображению, нарушив его так, что вокруг родился вихрь. Он остановился вблизи от центра, рядом с местоположением Уритиру. Медленно обзрел комнату от одной стены до другой.

– Десять городов, – прошептал он. – Десять королевств. Десять Клятвенных врат, что соединяли их с давних времен. Вот как мы будем бороться. Вот как мы начнем. Не со спасения мира, а с этого простого шага. Мы защитим города с Клятвенными вратами. Приносящие пустоту повсюду, но мы можем быть более подвижными. Мы укрепим столицы, а потому будем быстро доставлять провизию или духозаклинатели из одного королевства в другое. Мы можем превратить эти десять городов в бастионы света и силы. Но мы должны действовать быстро. Он идет. Человек с девятью тенями...

– О ком вы? – встрепелась Шаллан.

– О защитнике нашего врага. – Далинар прищурился. – В своих видениях Честь предупредил меня, что наш лучший шанс выжить состоит в том, чтобы заставить Вражду согласиться на поединок защитников. Я видел вражеского защитника – существо в черной броне, с красными глазами. Возможно, паршун. У него было девять теней.

Стоявший неподалеку Ренарин повернулся к отцу, широко распахнув глаза. Этого как будто никто не заметил.

– Азимир, столица Азира, – продолжил Далинар, шагая из Уритиру в центр Азира, расположенный на западе, – является домом для Клятвенных врат. Нужно открыть их и завоевать доверие азирцев. Они будут важны для нашего дела.

Он шагнул дальше на запад.

– Есть Клятвенные врата, скрытые в Шиноваре. Еще одни – в столице Бабатарнама, и четвертые – в дальнем Ралл-Элориме, городе теней.

– Еще одни – в Рире, – добавила Навани, присоединившись к нему. – Ясна думала, что они в Курте. Шестые погибли в Аймиа, когда остров был разрушен.

Далинар хмыкнул, затем повернулся к восточному участку карты.

– С Веденаром их семь, – сказал он, ступая туда, где на карте была родина Шаллан. – С Тайленом – восемь. Затем Расколотые равнины, которые мы удерживаем.

– И последние – в Холинаре, – мягко закончил Адолин. – У нас дома.

Шаллан подошла и прикоснулась к его руке. Связь с городом по даль-перьям перестала работать. Никто не знал, что происходит в Холинаре; им было известно лишь то, что сообщил через даль-перо Каладин.

– Мы начнем с малого, – решил Далинар, – с нескольких городов из тех, что важнее всего для удержания мира. Азир. Йа-Кевед. Тайлена. Мы свяжемся и с другими народами, но сосредоточимся на этих трех точках могущества. Азир – потому что у него есть организация и политическая власть. У Тайлены – успехи в морских перевозках и военном флоте. У Йа-Кевода – рабочая сила. Светлость Давар, любые сведения, которые вы могли бы предоставить о вашей родине – и ее положении после гражданской войны, – были бы высоко оценены.

– А Холинар? – упорствовал Адолин.

Стук в дверь прервал ответ Далинара. Он разрешил войти, и все та же разведчица заглянула в комнату.

– Светлорд, – обеспокоенно проговорила она, – вам следует кое-что увидеть.

– Лиин, в чем дело?

– Светлорд, сэр. Произошло... еще одно убийство.

9. Витки резьбы

Весь мой опыт, вместе взятый, указывал на этот момент. На это решение.

Из «Давшего клятву», предисловие

Одним из преимуществ превращения в «светлость Сияющую» было то, что в кои-то веки ожидалось, что Шаллан окажется в эпицентре важных событий. Никто не задался вопросом о правомерности ее присутствия, когда все бежали по коридорам, освещенным масляными фонарями, которые несли охранники. Никто не предположил, что она не на своем месте; никто даже и не задумался о том, насколько прилично брать молодую женщину на место жестокого убийства. До чего приятная перемена.

Она подслушала, что разведчица говорила Далинару: труп принадлежал светлоглазому офицеру по имени Ведекар Перель. Он был из армии Себарияля, но Шаллан его не знала. Тело обнаружил отряд разведчиков в отдаленной части второго уровня башни.

Примерно с полдороги Далинар и его охранники убежали вперед, оставив Шаллан семенишь сзади. Буря бы побрала эти длинные ноги алет. Девушка пыталась втянуть немного буресвета, но все использовала на ту шквальную карту, которая распалась, превратившись в облачко света, едва они ушли.

От этого она чувствовала себя измученной и раздраженной. Впереди нее Адолин задержался и оглянулся. Он с минуту переминался с ноги на ногу, как бы в нетерпении, а потом поспешил к ней, вместо того чтобы мчаться вперед.

– Спасибо, – буркнула Шаллан, когда он зашагал с нею рядом.

– Второй раз он ведь не умрет, – бросил он, потом смущенно хмыкнул. Почему-то происходящее вызывало у него сильное беспокойство.

Адолин протянул к ней раненую руку, которая по-прежнему была в шине, и поморщился. Шаллан сама взяла его за руку, и он поднял свой масляный фонарь. Вместе они поспешили дальше. Страты здесь завивались спиралями, бежали по полу, потолку и стенам, словно резьба на винте. Это было поразительно, и Шаллан сняла Образ, чтобы потом нарисовать эскиз.

Шаллан и Адолин наконец-то догнали остальных, миновав группу воинов, охранявших периметр. Хотя тело обнаружил Четвертый мост, они послали за подкреплением из числа солдат дома Холин, чтобы обезопасить район.

Солдаты сторожили комнату средних размеров, которую теперь освещало множество масляных ламп. Шаллан приостановилась в дверном проеме прямо перед выступом, окружа-

ющим широкую квадратную полость, возможно глубиной в четыре фута, вырезанное в каменном полу комнаты. Стеновые пласты здесь продолжали изгибаться чередой пестрых витков – оранжевых, красных и коричневых, – сильно преломляясь по сторонам комнаты, превращаясь в широкие ленты, прежде чем снова сузиться до полосок и продолжить путь в сторону коридора, куда можно было попасть через второй выход из комнаты.

Мертвец раскинулся на дне углубления. Шаллан собралась с духом, но все-таки зрелище оказалось слегка тошнотворным. Он лежал на спине, и его ударили ножом прямо в глаз. Его лицо представляло собой кровавое месиво, а одежда была в беспорядке – похоже, после продолжительной драки.

Далинар и Навани стояли на выступе над ямой. Лицо князя было жестким, каменным. Она же прижимала к губам защищенную руку.

– Светлорд, мы именно так его и нашли, – сообщил Пит, мостовик. – Мы тотчас же отправили за вами. Забери меня буря, если это не выглядит в точности как то, что случилось с великим князем Садеасом.

– Он даже лежит в той же позе, – пробормотала Навани, подбирая юбки и спускаясь по ступенькам в нижнюю зону. Она охватывала почти всю комнату. Вообще-то...

Шаллан посмотрела в сторону верхней части комнаты, где несколько каменных скульптур – похожих на головы лошадей с открытыми ртами – выдавались из стен. «Краны, – подумала она. – Это была купальня».

Навани опустилась на колени рядом с телом, подальше от крови, бегущей к стоку на дальней стороне бассейна.

– Замечательно... поза, пробитый глаз... Это в точности повторяет случившееся с Садеасом. Убийца должен быть тем же самым.

Никто не пытался запретить Навани осмотр – как будто для матери короля было совершенно нормальным ощупывать труп. Кто знает? Может быть, в Алеткаре от дам ожидали таких вещей. До сих пор Шаллан так и не свыклась с тем, насколько безрассудную смелость проявляли алетки, забирая женщин на войну в качестве письмоводительниц, посланниц и разведчиц.

Она покосилась на Адолина, чтобы понять, что он думает о ситуации, и обнаружила, что он уставился на труп, потрясенно разинув рот и распахнув глаза.

– Адолин? – окликнула Шаллан. – Ты его знал?

Он как будто не слышал.

– Это невозможно, – пробормотал он. – Невозможно!

– Адолин?

– Я... Нет, я не знал его, Шаллан. Но я предполагал... Я думал, что смерть Садеаса – это отдельное преступление. Ты знаешь, каким он был. Наверное, попал в неприятности. Кто угодно мог хотеть его смерти, верно?

– Похоже, здесь кроется нечто большее, – заявила Шаллан, складывая руки, пока Далинар шел вниз по ступенькам, чтобы присоединиться к Навани, в сопровождении Пита, Лопена и – удивительно – Рлайна из Четвертого моста. Он привлек внимание других солдат, и некоторые из них осторожно переместились так, чтобы защитить Далинара от паршенди. Они считали его опасным независимо от того, какую форму он носил.

– Колот? – Далинар глянул на светлоглазого капитана, который возглавлял здешних солдат. – Ты лучник, не так ли? Пятый батальон?

– Да, сэр!

– Ты проводишь разведку в башне вместе с Четвертым мостом?

– Ветробегунам нужны дополнительные ноги, сэр, и доступ к большему числу разведчиц и письмоводительниц для составления карты. Мои лучники мобильны. Я подумал, это лучше, чем устраивать тренировки на морозе, так что вызвался вместе со всей ротой в качестве добровольцев.

Далинар хмыкнул.

– Пятый батальон... Под чьим командованием ты служил?

– В Восьмой роте, – доложил Колот. – У капитана Таллана. Он был моим хорошим другом. Сэр, он... не выжил.

– Капитан, мне жаль. Не мог бы ты вместе со своими людьми отойти ненадолго, чтобы я посоветовался с сыном? Поддерживайте периметр, пока я не дам иной приказ, но сообщите королю Элокару о случившемся и отправьте посланника к Себариялю. Я навещу его лично и все расскажу, но пусть лучше будет предупрежден.

– Да, сэр, – отозвался долговязый лучник и принялся отдавать указания. Солдаты отправились прочь, включая мостовиков. В это время Шаллан почувствовала странное покалывание в затылке. Она дрожала и не смогла не бросить взгляд через плечо, испытывая ненависть к тому, что это непостижимое здание заставляло ее чувствовать.

Прямо за ней стоял Ренарин. Она дернулась и жалобно взвизгнула. Потом залилась румянцем; она забыла о том, что он вообще с ними. Несколько спренов стыда появились вокруг нее, похожие на парящие в воздухе белые и красные лепестки цветов. Она редко привлекала их, что удивительно. Они должны были бы поселиться где-то неподалеку от нее.

– Извини, – промямлил Ренарин. – Не хотел подкрадываться к тебе.

Адолин спустился в давно высохший бассейн. Он по-прежнему казался потерянным. Неужели его настолько расстроило известие о том, что среди них есть убийца? Люди пытались прикончить его практически каждый день. Шаллан схватила подол своей хавы и пошла за ним вниз, стараясь не испачкаться в крови.

– Это вызывает беспокойство, – пробормотал Далинар. – Мы столкнулись с ужасной угрозой, способной вымести наше племя из Рошара, как буревая стена выметает листья. У меня нет времени тревожиться из-за убийцы, который шныряет по этим туннелям. – Он посмотрел на Адолина. – Большинство мужчин, которым я бы поручил такое расследование, мертвы. Нитер, Малан... У королевской гвардии дела не лучше, а мостовики – при всех своих прекрасных качествах – не имеют опыта работы с подобными вещами. Придется взвалить это на тебя, сынок.

– На меня?! – изумился Адолин.

– Ты хорошо справился с расследованием того инцидента с седлом короля, пусть все и оказалось чем-то вроде погони за ветром. Аладар – великий князь осведомленности. Иди к нему, объясни, что произошло, и назначь одну из его полицейских групп для расследования. Затем работай с ними как мой представитель.

– Ты хочешь, чтобы я выяснил, кто убил Садеаса.

Далинар кивнул и присел рядом с трупом, хотя Шаллан понятия не имела, что он ожидает увидеть. Бедолага был абсолютно мертв.

– Возможно, если я поручу это дело сыну, все поверят, что я серьезно отношусь к поиску убийцы. Возможно, нет – они могут просто подумать, что я назначил ответственным того, кто может хранить тайну. Буря свидетельница, я скучаю по Ясне. Она бы знала, как это раскрутить, как сделать так, чтобы общественное мнение не обернулось против нас в суде. Сын, как бы там ни было, выясни все, что можно. Убедись, что оставшиеся великие князья, по крайней мере, знают, что мы считаем эти убийства важными и стремимся найти того, кто их совершил.

Адолин сглотнул:

– Я понимаю.

Шаллан прищурила глаза. Что на него нашло? Она бросила взгляд на Ренарина, который по-прежнему стоял наверху, на дорожке, идущей по краю пустого бассейна. Он наблюдал за Адолином немигающими сапфировыми глазами. Он всегда был немного странным, но теперь как будто знал то, чего не знала она.

Узор на ее юбке тихонько загудел.

Далинар и Навани в конце концов ушли, чтобы поговорить с Себариалем. Как только они скрылись из вида, Шаллан схватила Адолина за руку.

– Что случилось? – прошипела она. – Ты знал того мертвеца, не так ли? Ты знаешь, кто его убил?

Он посмотрел ей в глаза:

– Шаллан, я понятия не имею, кто это сделал. Но собираюсь выяснить.

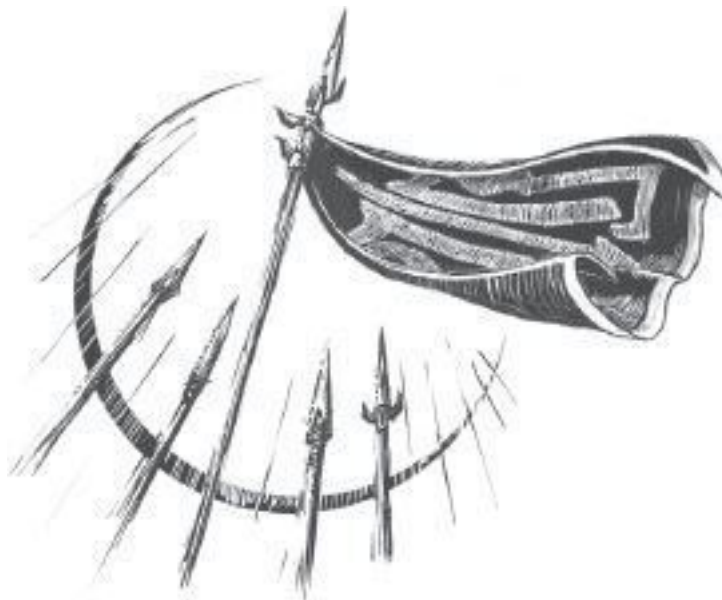
Она взглянула в его светло-голубые глаза, пытаясь понять, врет ли он. Вот буря, о чем она думает? Адолин замечательный человек, лгать умеет примерно так же, как новорожденный.

Адолин решительным шагом направился прочь, и Шаллан поспешила за ним. Ренарин остался в комнате и глядел им вслед, пока девушка не удалилась достаточно далеко, чтобы не увидеть его, идущего следом.

10. То, что отвлекает внимание

Возможно, моя ересь тянется до тех самых дней в детстве, когда появились эти идеи.

Из «Давшего клятву», предисловие

Каладин прыгнул с вершины холма – сберегая буресвет, он чуть уменьшил свой вес, бросив плетение в небо.

Он летел сквозь дождь, направляясь к вершине другого холма. Долина под ним густо заросла деревьями вивим, чьи длинные и тонкие ветви перепутались так, что возникла почти непроницаемая лесная стена.

Кэл приземлился легко, проскользнув по мокрому камню мимо спренов дождя, похожих на голубые свечи. Он отменил сплетение и, как только сила притяжения заявила о себе в полную меру, перешел на быстрый строевой шаг. Каладин научился маршировать раньше, чем владеть копьём или щитом. На его лице невольно заиграла улыбка. Он почти слышал, как Хэв рывкает команды откуда-то позади строя, где помогал отстающим. Хэв всегда говорил, что как только люди научатся маршировать, научатся и воевать.

– Улыбаешься? – Сил приняла форму большой дождевой капли, которая неслась в воздухе рядом с ним. Форма была природная, но одновременно совершенно неправильная. Правдоподобная невозможность.

– Ты права, – согласился Каладин, по его лицу текли струйки дождя. – Мне нужно быть более мрачным. Мы же преследуем Приносящих пустоту. – Вот же буря, до чего странно это звучало.

– Это не был упрек.

– С тобой иногда не поймешь.

– И что ты этим хочешь сказать?

– Два дня назад я обнаружил, что моя мать все еще жива, – напомнил Каладин, – так что эта должность занята. Можешь перестать пытаться изображать мамочку.

Он вновь слегка сплел себя с небесами, потом позволил себе съехать по мокрому камню крутого холма, стоя боком. Миновал открытые камнепочки и шевелящиеся лозы, пресыщен-

ные и разжиревшие от постоянного дождя. После Плача они нередко находили столько же мертвых растений вокруг города, сколько и после сильной Великой бури.

– Да я и не пыталась заменить тебе мать, – возразила Сил – дождевая капля. Разговаривая с ней, Каладин время от времени испытывал ощущение нереальности. – Хотя, возможно, я отчитываю тебя время от времени, когда ты угрюм. – Кэл хмыкнул. – Или когда необщителен. – Она превратилась в молодую женщину в хаве, которая сидела в воздухе и держала зонтик, продолжая двигаться рядом с ним. – Мой торжественный и важный долг – приносить счастье, свет и радость в твой мир, когда ты ведешь себя словно суровый идиот. То есть почти все время. Вот так-то.

Каладин усмехнулся и, удерживая немного буресвета, взбежал по склону очередного холма, а потом заскользил вниз, в следующую долину. Это были отличные обрабатываемые земли; Садеас неспроста высоко ценил регион Аканни. В культурном смысле, возможно, это захолустье, но бескрайние поля, вероятно, кормили половину королевства лависом и талью. Другие деревни сосредоточились на выращивании большого количества свиней для кожи и мяса. Гамфремов – похожих на чуллов, но менее распространенных пастбищных животных – выращивали ради небольших светсердец, которые позволяли производить мясо при помощи духозаклинания.

Сил превратилась в ленту из света и заметалась впереди него, выписывая в воздухе петли. Было трудно не ощущать душевный подъем, даже при унылой погоде. На протяжении всей гонки по Алеткару Кэл тревожился, что не успеет спасти Под. Увидеть родителей живыми... что ж, это было неожиданное благословение. Такое, каких в его жизни отчаянно не хватало.

И потому он поддался призыву буресвета. Беги. Прыгай! Хоть Каладин и провел два дня в погоне за Приносящими пустоту, его усталость как рукой сняло. В разрушенных деревнях, по которым он проходил, не нашлось нормальных и попросту свободных постелей, но он сумел разыскать крышу, чтобы не промокнуть, и кое-что теплое – поесть.

От самого Пода Кэл двигался по спирали – посещал деревни, спрашивал о местных паршунах, а потом предупреждал людей, что ужасная буря вернется. Пока еще не нашел ни одного городка или деревни, которые подверглись бы нападению.

Каладин достиг следующей вершины холма и резко остановился. Каменный столб отмечал распустье. В юности он никогда не забирался так далеко от Пода, хотя до этого места была всего лишь пара дней ходьбы.

Сил шмыгнула к нему, когда он прикрыл глаза от дождя. Глифы и простая карта на столбе указывали расстояние до следующего городка, но Каладину это не требовалось. Он видел городок, выглядевший смутным пятном среди сумерек. Довольно большой город по местным меркам.

– Идем, – решил он, спускаясь по склону холма.

– Сдается мне, – сообщила Сил, приземляясь к нему на плечо и превращаясь в молодую женщину, – из меня бы вышла просто чудесная мать.

– Что вдохновило тебя на эти размышления?

– Так ведь ты о ней и вспомнил.

Сравнив Сил с матерью из-за того, что она им вечно недовольна?

– А ты вообще можешь иметь детей? Маленьких спренов?

– Понятия не имею, – ответила Сил, пожимая плечами.

– Вы называете Буреотца... ну, отцом. Верно? Так он, получается, тебя родил?

– Возможно... Думаю, скорее, помог обрести форму, отыскать наши голоса. – Она склонила голову набок. – И да. Он сделал кое-кого из нас. Меня.

– Так ты, быть может, и сама на это способна. Отыскать маленькие, э-э, частицы ветра? Или Чести? Придать им форму?

Он воспользовался сплетением, чтобы перепрыгнуть через густые заросли камнепочек и лоз, и испугал при приземлении стайку кремлецов, вынудив их броситься врассыпную от почти обглоданного скелета норки. Видимо, это были остатки трапезы хищника покрупнее.

– Хм, – протянула Сил. – Да из меня и впрямь должна получиться отличная мать. Я бы научила маленьких спренов летать, кататься на ветрах, надоедать тебе...

Каладин улыбнулся:

– Тебя бы отвлек интересный жук, и ты бы унеслась прочь, бросив их в каком-нибудь ящике стола.

– Чушь! С чего вдруг мне оставлять моих деточек в ящике стола? Это слишком скучно. А вот ботинок великого князя...

Он быстро пролетел оставшееся расстояние до ближайшей деревни, и вид разбитых зданий на западной окраине омрачил его настроение. Хотя разрушений по-прежнему было меньше, чем он боялся, каждый город или деревня потеряли людей от ветра или страшных молний.

Это поселение – Рогова Пустошь, как она называлась на карте, – находилась в месте, которое когда-то считалось бы идеальным. Земля здесь углублялась, а холм на востоке отсекал самые тяжелые удары Великих бурь. В поселке насчитывалось около двух десятков строений, включая два больших буревых убежища, где могли остановиться путешественники – но было также много домов в отдалении. Это земля великого князя, и трудолюбивые темноглазые достаточно высокого нана могли получить разрешение самостоятельно обрабатывать неиспользуемые холмы, чтобы потом оставить себе часть урожая.

Несколько сферных фонарей освещали площадь, где проходило городское собрание. Каладин решил воспользоваться случаем, направился к свету, отведя руку в сторону. Сил, повинувшись негласному приказу, приняла форму осколочного клинка: гладкого, красивого меча, в центре которого выделялся символ ветробегунов, а от него к рукояти шли извилистые линии – борозды в металле, похожие на струящиеся пряди волос. Хотя Каладин предпочитал копье, клинок был символом.

Каладин приземлился в центре поселка, возле его большой главной цистерны, которую использовали для сбора дождевой воды и фильтрации крема. Он опустил Сил-клинок на плечо и вскинул другую руку, собираясь произнести речь. «Жители Роговой Пустоши. Я Каладин из Сияющих рыцарей. Я пришел...»

– Господин Сияющий!

Дородный светлоглазый в длинном дождевике и широкополой шляпе выбрался из толпы. Он выглядел нелепо, так ведь на то и Плач. Постоянный дождь не очень-то поощрял желание одеваться по последней моде.

Мужчина энергично хлопнул в ладони, и к нему поспешили двое ревнителей с кубками, полными светящихся сфер. По периметру площади люди шипели и шептались, спрены ожидания трепетали на невидимом ветру. Несколько мужчин подняли маленьких детей, чтобы те смогли больше увидеть.

– Замечательно, – негромко проворчал Каладин. – Меня словно выставили напоказ в зверинце.

В его мыслях хихикнула Сил.

Что ж, лучше устроить хорошее представление. Он поднял над головой Сил-клинок, вызвав одобрительные крики со стороны толпы. Кэл мог поспорить, что большинство людей на этой площади проклинали Сияющих, но теперь все проклятия потонули в энтузиазме собравшихся. Было сложно поверить, что века недоверия и поношения забудутся так быстро. Но когда небеса разверзлись и земля погрузилась в хаос, людям понадобился символ.

Каладин опустил клинок. Он слишком хорошо знал опасность символов. Амарам был для него таковым давным-давно.

– Вы знали о моем приходе, – сказал Каладин градоначальнику и ревнителям. – Вы связывались с соседями. Они рассказали вам то, о чем я говорил?

– Да, светлорд, – подтвердил светлоглазый и нетерпеливым жестом предложил ему взять сферы. Когда Каладин так и поступил – заменив их пустыми, которые получил на обмен ранее, – выражение лица градоначальника заметно помрачнело.

«Ожидал, что я заплачу два к одному, как в первых нескольких городах, не так ли?» – с веселым удивлением подумал Каладин. Ну ладно, он добавил несколько тусклых сфер сверху. Он бы предпочел прослыть великодушным, особенно если бы это помогло распространить известия, но ему не по карману каждый раз сокращать число своих сфер вдвое при таком обмене.

– Это хорошо. – Каладин выловил несколько маленьких самосветов. – Я не могу посетить каждое владение в этом районе. Мне нужно, чтобы вы послали людей в деревни по соседству, неся слова утешения и повеление от короля. Я заплачу гонцам за потраченное время.

Он посмотрел на море нетерпеливых лиц и не смог не вспомнить такой же день в Поде, когда он и остальные горожане ждали, желая хоть мельком увидеть нового градоначальника.

– Конечно, светлорд. Желаете теперь отдохнуть и поесть? Или сразу посетите место нападения?

– Нападения? – переспросил Каладин, мгновенно встревожившись.

– Да, светлорд, – ответил дородный градоначальник. – Разве вы не поэтому здесь? Чтобы осмотреть место, где бродячие паршуны на нас напали?

«Наконец-то!»

– Идемте! Быстрее!

Они напали на хранилище зерна недалеко от города. Стиснутое между двумя холмами куполообразное строение перенесло Бурю бурь так, что ни один камень с места не сдвинулся. Из-за этого казалось особенно обидным, что Приносящие пустоту высадили дверь и разграбили то, что было внутри.

Каладин присел, войдя в хранилище, и изучил сломанную дверную петлю. В помещении пахло талью и было слишком влажно. Горожане могли вытерпеть с десятков протечек в собственной спальне, но на то, чтобы сохранить зерно в сухости, средств не жалели.

Странно, что дождь не капал ему на голову, хотя он по-прежнему слышал перестук капель снаружи.

– Светлорд, могу я продолжить? – уточнила ревнительница. Она была молодая, хорошенькая и нервная. Ясное дело, не понимала, как его вписать в схему своей религии. Сияющие рыцари были основаны Вестниками, но к тому же являлись предателями. И получается... он был либо божественным существом из мифа, либо кретином, на ступень выше Приносящего пустоту.

– Да, пожалуйста, – отозвался Каладин.

– Из пяти очевидцев, – проговорила ревнительница, – четверо, э-э, самостоятельно подсчитали число нападавших, и у них получилось... пятьдесят или около того? В любом случае можно с уверенностью сказать, что их много, учитывая, сколько мешков зерна они смогли унести за такое короткое время. Они, хм, были не совсем похожи на паршунов. Слишком высокие и в доспехах. Эскиз, который я сделала... э-э... – Она пыталась показать ему свой эскиз. Он было ненамного лучше детского рисунка: множество каракулей, по форме смутно напоминающих людей. – Во всяком случае, – продолжала молодая ревнительница, не зная, что в это время Сил приземлилась на ее плечо и рассматривает лицо, – они напали сразу же после первого лунного заката. Вытащили зерно к середине второй луны, мм, и мы ничего не слышали, пока не сменился караул. Сот поднял тревогу, и это спугнуло существ. Они оставили только четыре мешка, которые мы переместили.

Каладин взял со стола рядом с ревнительницей грубую дубинку. Женщина бросила на него быстрый взгляд, а потом уставилась на свои бумаги, покраснев. Комната, освещенная масляными лампами, была угнетающе пустой. Это зерно должно было прокормить деревню до следующего урожая.

Для человека из фермерского поселка не было ничего более тревожного, чем пустое зернохранилище в период посевной.

– Мужчины, которые подверглись нападению? – спросил Каладин, осматривая дубинку, которую Приносящие пустоту потеряли во время бегства.

– Светлорд, они оба здоровы, – доложила ревнительница. – Хотя у Хема звон в ухе, он отказался уйти.

Пятьдесят паршунов в боевой форме – по описанию Кэл решил, что это именно они, – могли бы с легкостью одолеть этот город с его горсткой ополченцев. Могли убить всех и взять все, что пожелают; вместо этого осуществили хирургически точный налет.

– Красные огни, – пробормотал Каладин и велел: – Опишите их еще раз.

Ревнительница вздрогнула; она увлеклась, разглядывая его.

– Мм, все пятеро очевидцев упомянули эти огни, светлорд. Во тьме они увидели несколько маленьких светящихся красных огоньков.

– Их глаза.

– Кто знает? Если это были глаза, то очень мало. Я расспросила, но никто из свидетелей не заявил, будто видел светящиеся глаза, а ведь Хем посмотрел прямо в лицо одному из паршунов, когда его ударили.

Каладин бросил дубинку и отряхнул ладони. Он взял из рук молодой ревнительницы рисунок и изучил, просто для вида, а потом кивнул ей:

– Вы хорошо поработали. Спасибо за отчет.

Она вздохнула, глупо улыбаясь.

– О! – воскликнула Сил, все еще сидя на плече ревнительницы. – Она считает, что ты хорошенький!

Каладин сжал губы. Он кивнул девушке и оставил ее, решительным шагом направившись под дождем в центр города.

Сил метнулась к нему на плечо:

– Ух ты. Наверное, она в отчаянии. оттого что живет здесь. Я хочу сказать, только посмотри на себя. Волосы не расчесывал с той поры, как перелетел через континент, форма испачкана кремом, и эта борода, брр.

– Спасибо, что подкрепила мою уверенность в себе.

– Думаю, когда вокруг сплошные фермеры, планка сильно падает.

– Она ревнительница, – напомнил Каладин. – И должна будет выйти замуж за другого ревнителя.

– Сдается мне, она думала не о браке... – заметила Сил, бросая взгляд через плечо. – Я знаю, в последнее время ты был занят, сражался с парнем в белом и все такое, но я-то времени зря не теряла. Люди запирают двери, но под ними такие щели, что вполне можно протиснуться. Я решила: раз ты, похоже, не склонен изучать эту тему самостоятельно, мне следует взять дело в свои руки. Так что если у тебя есть вопросы...

– Я неплохо разбираюсь в таких вещах.

– Уверен? Возможно, стоит попросить эту ревнительницу нарисовать тебе картинку. Судя по всему, она очень даже не прочь.

– Сил...

– Каладин, я просто хочу, чтобы ты был счастлив, – заявила она, стекая в виде ленты из света с его плеча и закручиваясь спиралью. – Люди в отношениях счастливее.

– Это очевидная неправда. Кое-кто – возможно. Я же знаю многих, у кого все не так.

– Да ладно тебе, – откликнулась Сил. – А как насчет той светоплетши? Тебе она вроде понравилась.

Эти слова вдруг оказались неприятно близки к правде.

– Шаллан помолвлена с сыном Далинара.

– Ну и что? Ты лучше его. Я ему ничуть не доверяю.

– Ты не доверяешь никому, кто носит с собой осколок, – со вздохом сказал Каладин. – Мы это обсуждали. Если кто-то связал себя узами с таким оружием, это не означает, что у него дурной характер.

– Ну да, ну да, например, если кто-то размахивает мертвым телом твоей сестры, держа его за ноги, сочтешь ли ты это признаком «дурного характера»? В любом случае это отвлекает. И с той художницей-светоплетом все обстоит похожим образом...

– Шаллан – светлоглазая, – отрезал Каладин. – Разговор окончен.

– Но...

– Окончен, – повторил он, входя в дом местных светлоглазых. Потом прибавил чуть слышно: – И прекрати шпионить за людьми, когда они близки друг с другом. Это жутко.

Судя по тому, что говорила Сил, она рассчитывала присутствовать, когда Каладин будет... Да уж, он раньше никогда о таком не думал, хоть спрен и сопровождала его повсюду. Может, он сумеет убедить ее подождать снаружи? Сил послушается, если не прошмыгнет внутрь потом, чтобы поглядеть. Буреотец! Его жизнь делалась все более странной. Он попытался – неудачно – изгнать из головы образ себя в постели с женщиной и подбадривающую их в изголовье кровати Сил...

– Господин Сияющий? – спросил градоначальник изнутри парадной комнаты маленького дома. – Вы в порядке?

– Болезненные воспоминания. Ваши разведчики уверены, что правильно определили, куда ушли паршуны?

Градоначальник посмотрел через плечо на неряшливого человека в кожаной одежде, с луком за спиной, который стоял у заколоченного окна. Зверолов, получивший от местного великого лорда грамоту, позволявшую ловить на его землях норок.

– Следовал за ними полдня, светлорд. Они ни разу не сбились с пути. Шли прямо к Холинару, я готов поклясться самим Келеком.

– Тогда я тоже иду туда, – решил Каладин.

– Хотите, чтобы я вас проводил, светлорд? – спросил зверолов.

Каладин втянул буресвет:

– Боюсь, ты просто замедлишь меня.

Он кивнул мужчинам, затем вышел и бросил вертикальное сплетение вверх. Люди толпились на дороге и провожали его радостными возгласами с крыш, когда он покидал город.

Запахи лошадей напоминали Адолину о его юности. Пот, навоз, сено. Хорошие запахи. Настоящие запахи.

До того как в полной мере стать мужчиной, он провел много дней в походах с отцом во время приграничных стычек с Йа-Кеведом. Адолин тогда боялся лошадей, хотя и не признался бы в этом. Они были слишком быстрыми и умными по сравнению с чуллами.

Слишком чуждыми. Существа, полностью покрытые волосами, – от прикосновения к ним он вздрагивал, – с большими стеклянистыми глазами. И ведь то были даже не настоящие лошади. Невзирая на всю свою чистопородность, животные, на которых они ездили во время той кампании, были всего лишь шинскими отборными. Дорогими, да, но не бесценными.

В отличие от существа, которое находилось перед ним сейчас.

Они размещали холинский скот в дальней северо-западной части башни, на первом этаже, недалеко от того места, где ветры извне дули вдоль гор. Какие-то умные приспособле-

ния, созданные королевскими инженерами, выдували ароматы прочь из внутренних коридоров, хоть из-за этого в той части дворца и было довольно холодно.

Некоторые помещения были забиты свиньями и прочим мелким скотом, в других разместили обычных лошадей. В нескольких даже обитали рубигончие Башина – животные, которым больше не приходилось охотиться.

Такие условия были недостаточно хороши для коня Черного Шипа. Нет, массивному ришадиуму выделили собственное поле. Достаточно большое, чтобы служить пастбищем, оно располагалось под открытым небом и в завидном месте, если не принимать во внимание запахи других животных.

Как только Адолин вышел из башни, черный конь чудовищных размеров галопом помчался к нему. Ришадиумов, которые были достаточно большими, чтобы нести осколочников и не выглядеть при этом карликами, часто называли «третьими осколками». Клинок, доспех и скакун.

Это не отражало их сути. Ришадиума нельзя добыть, просто победив кого-то в сражении. Они сами выбирали своих седоков.

«Но, – подумал Адолин, пока Храбрец нюхал его руку, – я полагаю, с клинками раньше все обстояло так же. Они были спренами, которые сами выбирали своих носителей».

– Эй! – воскликнул Адолин, почесывая морду ришадиума левой рукой. – Здесь немного одиноко, не так ли? Прости меня за это. Я бы хотел, чтобы ты не был один, но... – Он осекся, когда в горле вдруг встал комок.

Храбрец шагнул ближе, возвышаясь над ним, но каким-то образом оставаясь нежным. Конь понюхал шею Адолина и резко выдохнул.

– Тьфу, – фыркнул Адолин, поворачивая голову лошади. – Это запах, без которого я мог бы обойтись.

Он похлопал Храбреца по шее, затем протянул правую руку к сумке на плече – и тут резкая боль в запястье напомнила ему о ране. Он вытащил из сумки несколько кусочков сахара, которые Храбрец охотно съел.

– Ты ничуть не лучше тети Навани, – заметил Адолин. – Потому и прибежал, да? Почувствуй угощение.

Конь повернул голову, глядя на Адолина одним водянистым голубым глазом с прямоугольным зрачком в центре. Он казался... обиженным.

Адолин часто испытывал такое чувство, словно мог читать эмоции своего ришадиума. Была некая... связь между ним и Чистокровным. Более тонкая и неуловимая, чем связь между человеком и клинком, но все же она была.

Конечно, Адолин сам иногда говорил со своим мечом, так что он привык к подобным вещам.

– Прости, знаю, что вы любите бегать вдвоем. И... мне не известно, сможет ли отец часто видаться с тобой. Он и до всех этих обязанностей избегал битв. Я подумал, буду заглядывать время от времени.

Конь громко фыркнул.

– Не стану я кататься на тебе. – Адолин читал негодование в движениях ришадиума. – Я просто подумал, это будет приятно нам обоим.

Конь тыкался мордой в сумку Адолина, пока тот не достал еще один сахарный кубик. Адолину это показалось знаком согласия, и он покормил коня, а потом прислонился к стене и стал наблюдать за тем, как Храбрец галопом бежит по пастбищу.

«Красуется», – весело подумал Адолин, когда Храбрец прошелся мимо него, гарцуя. Может, конь позволит ему почистить шкуру. Это было бы здорово. Как в те вечера, которые он проводил с Чистокровным в спокойном полумраке конюшен. По крайней мере, этим он занимался до того, как оказался слишком занят из-за Шаллан, дуэлей и всего прочего.

Он игнорировал коня, пока тот ему не понадобился в битве. А потом была вспышка света – и Чистокровного не стало.

Адолин тяжело вздохнул. Все сделалось таким безумным. Не только Чистокровный, но и то, что он сотворил с Садеасом, а теперь еще и расследование...

Наблюдая за Храбрецом, он как будто немного успокоился. Адолин стоял на прежнем месте, прислонившись к стене, когда появился Ренарин. Младший Холин сунул голову в дверной проем, осмотрелся. Он не отпрянул в смущении, когда Храбрец галопом проскакал мимо, но все же взглянул на жеребца с опаской.

– Привет, – бросил Адолин.

– Привет. Башин сказал, что ты здесь.

– Захотел проверить, как дела у Храбреца. Отец в последнее время слишком занят.

Ренарин приблизился.

– Ты мог бы попросить Шаллан, чтобы она нарисовала Чистокровного, – предложил он. – Держу пари, она, э-э, все сделает как надо. На память.

Вообще-то, это было неплохое предложение.

– Ты искал меня?

– Я... – Ренарин проследил взглядом за Храбрецом, который снова прогарцевал мимо. – Он такой возбужденный.

– Ему нравится публика.

– Они не вписываются, знаешь ли.

– Не вписываются?

– У ришадимов каменные копыта, – напомнил Ренарин. – Они крепче, чем у обычных лошадей. Их вообще не надо подковывать.

– И поэтому они не вписываются? Я бы сказал, они вписываются лучше, чем... – Адолин посмотрел на Ренарина. – Ты имел в виду обычных лошадей, верно?

Ренарин покраснел, потом кивнул. Люди иногда испытывали трудности, желая уследить за его мыслями, но это происходило лишь потому, что он, как правило, был очень вдумчивым. Думал о чем-то глубоком, о чем-то блестящем, а упоминал лишь отрывки. Из-за этого Ренарин казался непоследовательным, но, узнав его как следует, любой бы понял, что этот юноша не пытается напускать на себя таинственность. Просто иной раз его губы не успевали за мозгом.

– Адолин, – сказал он негромко, – я... э-э... я должен отдать тебе осколочный клинок, который ты добыл для меня.

– Почему?

– Мне больно его держать. И всегда было больно, если честно. Я думал, дело во мне, я странный. Но мы все такие.

– Ты о Сияющих?

Он кивнул:

– Мы не можем использовать мертвые лезвия. Это неправильно.

– Ну, полагаю, я могу найти кого-то, кому он пригодится, – отозвался Адолин, прикидывая варианты. – Хотя, вообще-то, выбирать должен ты. Этот клинок – твой дар по праву, и тебе следует самому выбрать преемника.

– Я бы предпочел, чтобы это сделал ты. Я уже отдал его на хранение ревнителям.

– И это означает, что ты будешь безоружен.

Ренарин посмотрел в сторону.

– Или нет, – продолжил Адолин и ткнул брата кулаком в плечо. – Ты уже добыл замену, ага.

Ренарин снова покраснел.

– Ах ты, хитроумная норка! – воскликнул Адолин. – Ты сумел сотворить клинок Сияющего? Почему не сказал нам?

– Это случилось недавно. Глис сомневался, что способен на такое... но нам нужно больше людей, чтобы работать с Клятвенными воротами... так что...

Он глубоко вздохнул, потом отвел в сторону руку и призвал длинный светящийся осколочный клинок. Тонкий, почти без гарды, с волнистыми складками на металле, как будто его выковали.

– Великолепно. Ренарин, это потрясающе!

– Спасибо.

– Так почему же ты смущен?

– Я... разве?

Адолин бросил на него хмурый взгляд.

Ренарин отпустил клинок:

– Я просто... Адолин, я начал вписываться, понимаешь? Четвертый мост и то, что я стал осколочником. А теперь я снова во тьме. Отец хочет, чтобы я был Сияющим и помог ему объединить мир. Но как же мне учиться?

Адолин почесал подбородок здоровой рукой:

– Хм. Я предполагал, что все это просто пришло к тебе. Не так?

– В каком-то смысле. Но это... пугает меня. – Ренарин поднял руку, над которой, словно дым над костром, закружились струйки бурсвета. – Что, если я причиню кому-то боль или что-то испорчу?

– Такого не случится, – заявил Адолин. – Ренарин, это сила самого Всемогущего.

Ренарин смотрел лишь на свою светящуюся руку и совсем не выглядел убежденным. Поэтому Адолин взял его за руку своей здоровой рукой и сжал.

– Все хорошо, – сказал он младшему брату. – Ты никому не причинишь вреда. Ты здесь, чтобы спасти нас.

Ренарин посмотрел на него и улыбнулся. Волна бурсвета прошла сквозь Адолина, и на миг он увидел себя... усовершенствованным. Узрел целостную версию себя – того человека, каким мог бы стать.

Все исчезло через мгновение, и Ренарин, высвободив руку, невнятно извинился. Он опять сказал о том, что осколочный клинок надо отдать, и сбежал обратно в башню.

Адолин посмотрел ему вслед. Подбежал Храбрец и принялся выклянчивать еще сахар, и он рассеянно покормил коня.

Лишь после того, как Храбрец потрусил прочь, Адолин понял, что воспользовался своей правой рукой. Он поднял ее, изумленный, пошевелил пальцами.

Запястье полностью исцелилось.

11. Разлом

ТРИДЦАТЬ ТРИ ГОДА НАЗАД

Далинар плясал, прыгая с одной ноги на другую в утреннем тумане, ощущая новую силу, энергию в каждом шаге. Осколочный доспех. Его собственный осколочный доспех.

Мир больше не будет прежним. Все твердили, что когда-нибудь у него появится свой доспех или клинок, но он так и не смог успокоить шепот неуверенности в глубинах разума. Что, если этого никогда не будет?

Но оно случилось. Буреотец, оно случилось! Он добыл сам, в бою. Да, пришлось пинком сбросить человека с обрыва, но, как бы там ни было, он победил осколочника.

Он не мог не упиваться этим великолепным ощущением.

– Далинар, угомонись, – проворчал Садеас, стоявший рядом с ним в тумане. Приятель был в своем золотом доспехе. – Терпение.

– Бесполезно, – бросил замерший по другую сторону от Далинара Гавилар в ярко-синем доспехе. У всех троих забрала были подняты. – Холинские мальчики – как натасканные рубигончие: мы чуем кровь. И не можем отправляться на битву, дыша ровно и спокойно, сосредоточенные и безмятежные, как учат ревнители.

Далинар шагнул в сторону, почувствовав холодный утренний туман на лице. Он хотел потанцевать со спренами предчувствия, что трепетали в воздухе вокруг него. За спиной дисциплинированными рядами застыла армия, и шаги, звяканье, кашель и невнятные подначки разносились в тумане.

Он чувствовал себя так, словно не нуждался в этой армии. За спиной у него висел массивный молот, такой тяжелый, что без посторонней помощи человек – даже сильнейший из мужчин – не смог бы его поднять. Далинар едва ощущал его вес. Бури, что за сила! Она замечательным образом напоминала Азарт.

– Далинар, ты обдумал мое предложение? – сменил тему Садеас.

– Нет.

Садеас вздохнул.

– Если Гавилар прикажет, – добавил Далинар, – я женюсь.

– Не впутывай меня в это дело, – заявил Гавилар. На протяжении всего разговора он беспрестанно вызывал и отпускал свой осколочный клинок.

– Ну, – подвел черту Далинар, – пока ты не велишь иное, я останусь одиноким.

Единственная женщина, которую он когда-либо хотел, принадлежала Гавилару. Они поженились, – буря свидетельница, у них ребенок. Маленькая девочка.

Его брат никогда не должен узнать, что чувствовал Далинар.

– Далинар, подумай о долге, – упорствовал Садеас. – Твоя свадьба может принести нам союзы и осколки. А при удачных обстоятельствах ты мог бы добыть нам княжество, – заведи меня буря, хоть кого-то не пришлось бы загонять на самый край пропасти, чтобы заставить присоединиться к нам!

После двух лет сражений только четыре из десяти княжеств признали власть Гавилара – и с двумя из них, Холином и Садеасом, все вышло легко. Алеткар и впрямь объединился – против Дома Холин.

Гавилар был убежден, что он может сравнить великих князей, что естественное себялюбие заставит их ударить друг друга в спину. Садеас, в свою очередь, подталкивал Гавилара к большей жестокости. Он утверждал, что чем суровее будет их репутация, тем больше городов сдадутся добровольно, не желая подвергнуться разграблению.

– Ну? – спросил Садеас. – Ты хоть подумаешь о союзе в силу политической необходимости?

– Бури, ну что ж ты не уймешься? Дай мне драться. Вы с братом сами разбирайтесь с политикой.

– Ты не сможешь вечно от этого уваливать, ты ведь понимаешь? Нам придется разбираться с тем, как прокормить темноглазых, как обустроить городскую инфраструктуру, как наладить связи с другими королевствами. Политика.

– Ты и Гавилар, – отрезал Далинар.

– Мы все, – возразил Садеас. – Втроем.

– По-моему, ты хотел, чтобы я расслабился! – огрызнулся Далинар. – Ну что за буря!

Восходящее солнце наконец начало рассеивать туман, и это позволило ему увидеть их цель: стену высотой около двенадцати футов. За стеной не было ничего. Плоское каменистое пространство, или так казалось. С этого направления трудно было разглядеть город в ущелье. Он назывался Раталас, но также был известен как Разлом: целый город, построенный в трещине в земле.

– Светлорд Таналан – осколочник, верно? – уточнил Далинар.

Садеас вздохнул и опустил забрало.

– Мы обсуждали это всего-навсего четыре раза.

– Я был пьян. Таналан? Осколочник?

– Брат, у него только клинок, – напомнил Гавилар.

– Он мой, – прошептал Далинар.

Гавилар рассмеялся:

– Только если ты найдешь его первым! Я подумываю о том, чтобы отдать этот клинок Садеасу. По крайней мере, на наших встречах он меня слушает.

– Ладно, – проговорил Садеас. – Давайте сделаем это аккуратно. Помните план. Гавилар, ты...

Гавилар ухмыльнулся Далинару, резко опустил забрало и рванулся вперед, не дав Садеасу договорить. Далинар издал боевой клич и присоединился к брату, скрежеща подошвами латных ботинок по камням.

Садеас громко выругался, потом ринулся следом. Армия все еще оставалась на месте.

Полетели камни: катапульты из-за стены бросали одиночные валуны или груды мелких камней. Булыжники с грохотом падали вокруг Далинара, земля тряслась, а лозы камнепочек сворачивались. Валун ударился прямо впереди, затем отлетел, рассыпая вокруг острые осколки. Далинар проскочил мимо него, доспех сделал движения пружинистыми. Он вскинул руку, заслоняя глаза, когда от ливня стрел потемнело небо.

– Следите за баллистами! – крикнул Гавилар.

На стене солдаты нацелили массивные устройства, похожие на арбалеты. Один гладкий болт – размером с копье – запустили прямо в Далинара, и он оказался гораздо более точным, чем катапульты. Далинар бросился в сторону, доспех заскрежетал по камню, когда он скользнул с дороги. Болт ударился о землю с такой силой, что дерево треснуло.

К другим стрелам были прикреплены сетки и веревки, которыми противники надеялись сбить осколочника с ног, чтобы выстрелить во второй раз, когда он упадет. Далинар ухмыльнулся, почувствовав, как внутри пробуждается Азарт, и восстановил равновесие. Он перескочил через болт, за которым волочилась сеть.

Люди Таналана устроили бурю из дерева и камня, но этого было совершенно недостаточно. Далинар получил камнем в плечо и дернулся, но быстро восстановил темп. Стрелы против него были бесполезны, камни летели хаотично, а баллисты перезаряжались слишком медленно.

Вот так все и должно было происходить. Далинар, Гавилар, Садеас. Вместе. Другие обязанности не имели значения. Жизнь была невыносима без сражений. Хорошая битва днем – а ночью теплый очаг, усталые мышцы и славное вино.

Далинар добрался до приземистой стены, оттолкнулся и прыгнул. Он взлетел в могучем прыжке и быстро набрал достаточно высоты, чтобы ухватиться за одну из амбразур в верхней части стены. Мужчины подняли молоты, чтобы бить его по пальцам, но он проскользнул через край в галерею на стене и рухнул среди запаниковавших защитников. Дернул за веревку, что удерживала молот привязанным к спине, и сперва уронил его на врага сзади, а потом замахнулся кулаком и раскидал противников, ломая им кости и заставляя кричать.

Это было слишком легко! Он схватил молот, потом вскинул его и нанес удар по широкой дуге, отчего люди посыпались со стены, словно листья от порыва ветра. Прямо позади него Садеас перевернул баллисту, уничтожив ее небрежным ударом. Гавилар атаковал клинком, и трупы с выжженными глазами падали один за другим. Здесь, наверху, укрепления работали против защитников, которые теснились в узком пространстве – осколочникам это идеально подходило для уничтожения.

Далинар двинулся на них и за несколько мгновений убил, наверное, больше людей, чем за всю свою жизнь. От этого он ощутил странное глубокое недовольство. Получается, его навыки, его темп или даже его репутация не имели значения. Его можно было заменить на беззубого старика, и результат получился бы практически тем же.

Он стиснул зубы от этого внезапного бесполезного чувства. Покопался в глубине себя и обнаружил, что Азарт ждет. Он его наполнил, прогнал сомнения. Через несколько мгновений Далинар ревел от удовольствия. Ничто из того, что делали эти люди, не могло его задеть. Он был разрушителем, завоевателем, славным водоворотом смерти. Богом.

Садеас что-то вопил. Придурок в золотом доспехе яростно жестикулировал. Далинар моргнул, глядя со стены. С этой наблюдательной точки он видел сам Разлом, глубокую трещину в земле – целый город, построенный на обоих крутых склонах.

– Катапульты, Далинар! – донесся крик Садеаса. – Разрушь те катапульты!

А, ну да. Армии Гавилара пошли в атаку на стены. Катапульты неподалеку от спуска в Разлом все еще швыряли камни, и от них погибли бы сотни людей.

Далинар прыгнул к краю стены и схватил веревочную лестницу, чтобы спуститься. Веревки, конечно, сразу же лопнули, он рухнул вниз. Ударился о камень, и, хоть благодаря

доспеху это было не больно, его самолюбию нешуточно досталось. Наверху Садеас глядел на него через край стены. Далинар почти слышал его голос: «Вечно ты спешишь. Хоть иногда останавливайся, чтобы подумать!»

Это была ошибка новичка. Далинар зарычал, встал и принялся искать молот. Вот буря! При падении он погнул рукоять оружия. Как же это вышло? Молот не был сделан из того же странного металла, что доспех и клинок, но все-таки это была хорошая сталь.

Солдаты, охраняющие катапульты, роем ринулись на него, пока над головой пролетали тени валунов. Далинар стиснул зубы, наполненный Азартом, и потянулся к крепкой деревянной двери в стене неподалеку. Он ее сорвал, выломав петли. Это вышло легче, чем он ожидал.

Броня представляла собой нечто большее, чем ему показалось сначала. Может, он сейчас управляется с доспехом и не лучше, чем какой-нибудь старикашка, но это можно исправить. В тот момент Далинар решил, что больше ничто его не сможет удивить. Он будет носить доспех с утра до вечера и спать в этой шквальной штуковине, пока не почувствует себя уютнее в ней, чем без нее.

Он поднял добытую дверь и замахнулся ею как дубинкой, сметая солдат и открывая путь к катапультам. Затем бросился вперед и схватил одну из катапульт. Сорвал колесо, и машина завалилась на бок. Шагнув вплотную, доломал орудие.

Еще осталось десять. Далинар задержался над поверженной машиной и вдруг услышал далекий голос, окликающий его:

– Далинар!

Он посмотрел на стену, где Садеас завел руку за спину и метнул свой молот осколочника. Тот закрутился в воздухе, прежде чем с грохотом упасть на катапульту рядом с Далинаром.

Садеас поднял руку, салютуя, и Далинар помахал в ответ в знак благодарности, а затем схватил молот. Дело пошло намного быстрее. Он колотил по машинам, оставляя после себя разбитое дерево. Инженеры – многие из них были женщинами – кинулись прочь с воплем: «Черный Шип, Черный Шип!»

К тому времени, как он приблизился к последней катапulte, Гавилар захватил ворота и открыл их своим солдатам. Прибывшие присоединились к тем, кто одолел стены. От Далинара враги сбежали вниз, в город, оставив его в одиночестве. Он фыркнул и пнул сломанную катапульту, так что она покатила по камням к краю Разлома.

Там накренилась и рухнула вниз. Далинар шагнул вперед, выйдя на своеобразный наблюдательный пункт – участок скалы с перилами. С этой точки обзора он впервые смог как следует рассмотреть город.

Название «Разлом» было подходящим. Справа от него ущелье сужалось, но здесь, в средней части, ему даже в доспехе пришлось бы напрячься, чтобы добросить камень до другой стороны. А внутри кипела жизнь. Сады, изобилующие спремами жизни. Здания, построенные практически друг на друге до самого дна, где сходились, образуя клин, стороны ущелья. Здесь повсюду торчали сваи, нависали мосты и разбегались деревянные дорожки.

Далинар повернулся и окинул взглядом стену, которая широким кругом огибала Разлом со всех сторон, кроме западной, где каньон тянулся до тех пор, пока не открывался у берегов расположенного внизу озера.

Чтобы выжить в Алеткаре, нужно было найти убежище от бурь. Широкая расселина вроде этой идеально подходила для города. Но как ее защищать? Любой враг сможет атаковать с высоты. Многие города балансировали на рискованной границе между безопасностью от бурь и безопасностью от людей.

Далинар швырнул молот Садеаса, когда группы солдат Таналана хлынули со стен и построились, чтобы обхватить армию Гавилара с правого и левого флангов. Они пытались организовать наступление на холиновские войска с обеих сторон, но трое осколочников в стане противника предвещали неприятности. Где же сам великий лорд Таналан?

Такка с небольшим элитным отрядом присоединился к Далинару на каменной смотровой площадке. Офицер положил руки на перила и тихонько присвистнул.

– В городе что-то происходит, – буркнул Далинар.

– Что?

– Не знаю... – Далинар, возможно, и не обращал внимания на грандиозные планы Гавилара и Садеаса, но был солдатом. Он знал поля сражений, как женщина знает рецепты матери: даже если не мог сказать точно, в чем дело, тем не менее всегда знал, когда что-то шло не так.

Позади него продолжалось сражение, солдаты Холина столкнулись с защитниками Разлома. Войска Таналана сражались не очень-то хорошо; деморализованные наступающей холинской армией, вражеские ряды быстро рассыпались и перешли к хаотичному бегству, заполнив ведущие в город съезды. Гавилар и Садеас не бросились в погоню; теперь они заняли высоту. Нет нужды спешить в потенциальную ловушку.

Гавилар приблизился, топая по камням, Садеас не отставал от него. Они хотели осмотреть город и обрушить на головы тех, кто внизу, ливень стрел – можно было бы даже использовать украденные катапульты, если бы Далинар оставил хоть одну в рабочем состоянии. Они намеревались осаждать это место, пока оно не сломается.

«Три осколочника, – размышлял Далинар. – Таналан должен был спланировать, как с нами разобратся...»

Эта смотровая площадка была лучшей для наблюдения за городом. И они разместили рядом с нею катапульты – машины, на которые осколочники точно должны были напасть и обезвредить. Далинар огляделся и увидел трещины на каменном полу смотровой площадки.

– Нет! – крикнул он Гавилару. – Уходи! Это...

Враг, должно быть, наблюдал, потому что в тот момент, когда он закричал, земля ушла из-под ног. Далинар заметил Гавилара – его придержал Садеас, – который в ужасе глядел, как он, Такка и несколько отборных бойцов падают в Разлом.

Вот же буря. Весь участок, где они стояли, – каменный навес над Разломом – оторвался от скалы! Когда большой кусок камня упал на первые здания, Далинара буквально подбросило над городом. Все вокруг завертелось.

Миг спустя с ужасным треском он врезался в какое-то строение. Что-то твердое ударило его по руке, да так сильно, что он услышал, как доспех в том месте треснул.

Здание не сумело его остановить. Он пробил деревянные стены насквозь и продолжил полет, его шлем скрежетал о камни.

Далинар снова ударился с громким хрустом и, к счастью, наконец-то остановился. Он застонал, чувствуя в левой руке резкую боль. Покачал головой и понял, что смотрит вверх, сквозь разрушенную часть деревянного, почти вертикального города, которая простиралась футов на пятьдесят. Большой кусок скалы пропахал борозду через город, падая вдоль крутого уклона и ломая дома и дорожки на своем пути. Далинара отбросило на север, и он рухнул на деревянную крышу какого-то здания.

Он не видел своих людей – ни Такки, ни других отборных солдат. Но без осколочного доспеха... Он зарычал, вокруг него вскипели спрены гнева, точно лужи крови. Далинар пошевелился, лежа на крыше, но боль в руке заставила его поморщиться. Его броня на левой руке была разбита, и при падении, похоже, он сломал несколько пальцев.

Его осколочный доспех сочился светящимся белым дымом из сотни трещин, но единственными частями, которые он полностью потерял, были пластины с левого предплечья и кисти.

Далинар осторожно приподнялся на крыше, но стоило пошевелиться, как она провалилась и он упал в дом. Он охнул, ударившись об пол, и члены семьи закричали, прижались к стенам. Таналан, похоже, не предупредил горожан о планах снести часть собственного города в отчаянной попытке разобратся с вражескими осколочниками.

Воин поднялся, не обращая внимания на съжившихся людей, и толкнул дверь – она сломалась от его мощного тычка, – а затем вышел на деревянную дорожку, которая вилась вдоль домов на этом ярусе города.

На него сразу же обрушился град стрел. Он зарычал и повернулся к ним правым плечом, как можно лучше защищая щель в забрале и одновременно выискивая источник атаки. На садовой платформе на противоположной от него стороне Разлома, шквал бы ее побрал, обосновались пятьдесят лучников. Замечательно.

Он узнал человека, который возглавлял лучников. Высокий, с властными замашками и яркими белыми перьями на шлеме. Кто украшает шлем перьями куриц? Выглядит нелепо. Впрочем, сам Таналан был достаточно хорошим малым. Далинар однажды обыграл его в пешки, и тот заплатил долг сотней светящихся кусочков рубина, бросив каждый в заткнутую пробкой бутылку вина. Далинар всегда находил это забавным.

Наслаждаясь Азартом, который всколыхнулся внутри и прогнал боль, Далинар побежал по деревянной дорожке, не обращая внимания на стрелы. Над ним Садеас вел отряд по одному из уклонов, огибая участок падения скалы, но его продвижение было медленным. К тому моменту, когда они придут, Далинар рассчитывал добыть еще один осколочный доспех.

Он бросился на один из мостов, которые пересекали Разлом. К его огорчению, обороной города явно занимался не менее опытный воин, чем сам Далинар, так что действия атакующих он успешно предвидел. И правда, двое солдат поспешили по другой стороне Разлома, а потом принялись рубить опорные колонны моста, по которому мчался Далинар. Мост держался на духозаклятых металлических веревках, но если бы солдаты обрушили колонны – а вместе с ними и тросы, – от его веса вся конструкция бы точно упала.

До дна Разлома было, несомненно, еще футов сто. Далинар с рычанием сделал единственный выбор, какой ему оставался. Он бросился с моста и пролетел небольшое расстояние до того, что располагался ниже. Мост показался весьма крепким на вид. И все равно одна нога Далинара пробила деревянный настил, и за нею едва не последовало все его тело.

Он с трудом поднялся и продолжил бег. Еще двое солдат добрались до колонн, удерживающих этот мост, и начали лихорадочно их рубить.

Мост трясся под ногами Далинара. Буреотец. Осталось мало времени, но не было ни одного моста на расстоянии прыжка. Он взревел и помчался со всех ног, под его ступнями затрещали доски.

Сверху упала черная стрела, внезапная, как небесный угорь. Она сразила одного из солдат. Другая стрела последовала за нею и угодила во второго солдата, пока тот палился на павшего товарища. Мост перестал трястись, и Далинар с ухмылкой остановился. Он повернулся и увидел человека, который стоял у края скалы в том месте, где от нее отвалился кусок. Стрелок поднял черный лук, салютуя Далинару.

– Телеб, ты шквальное чудо, – усмехнулся Далинар.

Он достиг другой стороны и подобрал топор из рук мертвеца. Потом взбежал по уклону туда, где видел великого лорда Таналана.

Место нашлось легко – широкая деревянная платформа, которая держалась на распорках, соединенных с частями стены внизу, и была покрыта ниспадавшими лозами и цветущими камнепочками. Спрены жизни рассеялись, когда Далинар добрался до платформы.

В центре сада ждал Таналан в окружении приблизительно пятидесяти солдат. Пыхтя внутри шлема, Далинар подошел, готовясь сразиться с ними. На Таналане была не осколочная, а обычная, стальная броня, но в его руке появился осколочный клинок свирепого вида – широкий, с острием в виде крючка.

Таналан рявкнул своим солдатам, чтобы не вмешивались и опустили луки. Потом он решительным шагом направился к Далинару, держа осколочный клинок обеими руками.

Все всегда пьются на осколочные клинки. С конкретными мечами были связаны предания, и люди отслеживали то, какие монархи или светлорды носили те или иные мечи. Что ж, Далинар пользовался и клинком, и доспехом, и если бы пришлось выбирать что-то одно, он предпочел бы доспех. Ему требовалось лишь один раз врезать Таналану как следует, и бой закончится. А вот великий лорд был вынужден сражаться с врагом, который мог противостоять его ударам.

Азарт загудел внутри Далинара. Стоя между приземистыми деревьями, он принял боевую стойку, держась так, чтобы левая рука без брони была направлена в сторону от великого лорда, и сжимая топор в правой, защищенной наручем. Хотя это и был боевой топор, он ощущался детской игрушкой.

– Далинар, тебе не следовало сюда приходить, – заявил Таналан. Он говорил в нос, что было свойственно жителям этого региона. Разломцы всегда считали себя особым народом. – Мы не ссорились с тобой или твоими союзниками.

– Вы отказались подчиниться королю, – возразил Далинар, и пластины брони звякнули, когда он обошел великого лорда по кругу, пытаясь одновременно не спускать глаз с солдат. Те могли вполне напасть на него, когда он отвлечется на дуэль. Он бы сам так поступил.

– Королю? – переспросил Таналан, и спрены гнева вскипели вокруг него. – В Алеткаре не было королевского престола на протяжении многих поколений. Даже если бы у нас снова появился король, кто сказал, что Холины заслуживают мантии?

– Как я это вижу, народ Алеткара заслуживает короля, который будет самым сильным и самым умелым военачальником. И только у нас есть способ доказать. – Он ухмыльнулся под шлемом.

Таналан напал, взмахнув осколочным клинком, и попытался воспользоваться преимуществом в длине оружия. Далинар отпрянул, выжидая. Азарт превратился в опьяняющий натиск, страстное желание самоутвердиться.

Но ему следовало соблюдать осторожность. В идеале, Далинар тянул бы сражение, положившись на превосходящую силу своего доспеха и выносливость, которую тот обеспечивал. К несчастью, доспех по-прежнему истекал бурсветом, а ему еще надо было разобраться со всеми этими охранниками. И все-таки он попытался изобразить именно то, чего ожидал Таналан, уклоняясь от атак и действуя таким образом, словно собирается затянуть битву.

Таналан зарычал и опять на него набросился. Далинар блокировал удар рукой, а потом небрежно взмахнул топором. Таналан легко уклонился. Буреотец, ну и размерчик же у его осколочного клинка. Длина лезвия почти с самого Далинара.

Далинар увернулся, коснувшись листы садовых растений. Он уже не чувствовал боли в сломанных пальцах. Азарт взывал к нему:

«Жди. Веди себя так, словно хочешь затянуть эту битву как можно дольше...»

Таналан опять пошел в атаку, и Далинар отпрянул – быстрее благодаря доспеху. А потом, когда Таналан попытался нанести следующий удар, Далинар нырнул... к нему.

Он снова отбил осколочный клинок рукой, но на этот раз удар оказался сильным, и пластины на предплечье треснули. И все же неожиданная атака Далинара позволила ему опустить плечо и ударить Таналана. Броня великого лорда зазвенела, согнулась под натиском осколочного доспеха, и он споткнулся.

К сожалению, Далинар в ходе атаки сам утратил равновесие и упал вместе с противником. Платформа затряслась, когда они рухнули, дерево затрещало и застонало. Преисподняя! Далинар совсем не хотел отправиться на землю, будучи среди врагов. И все же ему нужно было оставаться в пределах досягаемости клинка.

Далинар сбросил правую латную перчатку – без куска брони, соединяющего ее с остальным доспехом, она была мертвым грузом, – когда они вцепились друг в друга. Он, к сожалению, потерял топор. Великий лорд колотил Далинара рукояткой меча, но безрезультатно. Однако

Далинар не мог как следует ухватить врага, поскольку одна рука у него была сломана, а вторая лишилась силы, которую даровал доспех.

Далинар перевернулся и наконец-то оказался сверху противника, и вес доспеха прижал врага к земле. Однако в этот момент остальные солдаты бросились в атаку. Как он и ожидал. Подобные благородные дуэли – по крайней мере, на поле боя – всегда длились ровно до тех пор, пока твой светлоглазый не начинал проигрывать.

Холин откатился в сторону. Солдаты явно не были готовы к тому, как быстро тот отреагирует. Он вскочил на ноги и схватил топор, а потом набросился на врагов. Его правая рука все еще была защищена броней от плеча до локтя, так что, замахнувшись, он вложил в удар всю мощь – странную смесь дарованной доспехом силы и хрупкости его обнаженных рук. Ему пришлось проявить осторожность, чтобы не сломать собственное запястье.

Неистово рубя топором, он сразил троих. Остальные попятились, выставив в его сторону копья, пока их товарищи помогали Таналану встать на ноги.

– Ты говоришь о людях, – хрипло сказал Таналан, рукой в латной перчатке ощупывая грудь, где кираса сильно погнулась от натиска Далинара. Похоже, великому лорду было трудно дышать. – Можно подумать, дело в них! Как будто ради их блага ты грабишь, разоряешь, убиваешь. Ты грубая скотина.

– Война не может быть иной, – рыкнул Далинар. – Ее нельзя перекрасить и сделать приятной глазу.

– Ты не обязан тянуть печаль за собой, точно сани по камням, царапая и давя всех, мимо кого едешь. Ты чудовище!

– Я солдат, – парировал Далинар, не сводя глаз с людей Таналана, многие из которых готовили свои луки.

Таналан закашлялся.

– Мой город потерян. Мой план потерпел неудачу. Но я могу оказать Алеткару одну последнюю услугу. Я могу убить тебя, ублюдок.

Лучники начали стрелять.

Далинар взревел и бросился ничком на доски, ударившись о платформу всем весом осколочного доспеха. Дерево затрещало, и он проломил доски, разрушил подпорки внизу. Платформа обвалилась, и они вместе упали на нижний ярус. Далинар услышал крики и стукнулся о пешеходную дорожку внизу достаточно сильно, чтобы его оглушило, пусть он и был в осколочном доспехе.

Далинар потрянул головой, застонал и обнаружил, что передняя часть его шлема треснула прямо посередине и необычное зрение, дарованное броней, испорчено. Он одной рукой снял шлем и втянул воздух. Вот же буря, здоровая рука тоже болела. Взглянув на нее, Далинар увидел, что щепки вонзились в кожу, включая один длинный, как кинжал, кусок.

Он поморщился. Несколько оставшихся солдат, которым поручили рубить мосты, бросились в его сторону.

«Спокойно, Далинар. Приготовься!»

Он поднялся на ноги в изнеможении, но двое солдат не напали на него. Они подбежали к телу Таналана, который лежал там же, куда упал с платформы. Солдаты схватили его и скрылись.

Далинар взревел и неуклюже бросился в погоню. Его доспех двигался медленно, и он наткнулся на обломки обвалившейся платформы, пытаясь нагнать солдат.

От боли в руках его охватила сводящая с ума ярость. Но Азарт, Азарт толкал его вперед. Он не позволит себя обставить. Он не остановится! Осколочный клинок Таналана не появился рядом с его телом. Значит, противник еще жив. Далинар пока не победил!

К счастью, большинство солдат разместили для боевых действий на другой стороне города. Эта сторона была практически пуста, за исключением сбившихся в кучи горожан – он мельком видел, как они прячутся в домах.

Далинар ковылял по наклонным дорожкам вдоль стены Разлома, следуя за солдатами, которые тащили своего светлорда. Ближе к вершине двое уложили свою ношу рядом с открытой частью каменной стены ущелья. Они что-то сделали с этой стеной, и ее часть открылась вовнутрь – там была потайная дверь. Они затащили своего павшего светлорда в открывшийся проход, и двое других солдат – ответив на лихорадочные призывы о помощи – выскочили наружу, навстречу Далинару, который прибыл спустя несколько мгновений.

Без шлема, обезумевший от ярости, Далинар кинулся на врагов. У них было оружие, но не у него. Они были полны сил, а у него от ран почти не двигались обе руки.

И все же стычка закончилась тем, что оба солдата оказались на земле, изломанные и в крови. Далинар пинком открыл потайную дверь. Ноги в доспехах действовали достаточно хорошо, чтобы сломать ее.

Он проник в маленький туннель, на стенах которого светились бриллиантовые сферы. Эту дверь снаружи покрывал слой затвердевшего крема, из-за чего она казалась частью стены. Если бы он не увидел, как сюда кто-то входит, понадобились бы дни, а то и недели, чтобы разыскать это место.

Пройдя немного, он наткнулся на двух солдат, за которыми шел. Судя по кровавому следу, они поместили своего светлорда за закрытую дверь, что виднелась за ними.

Они бросились на Далинара с отчаянной решимостью людей, которые знали, что погибнут. Боль в руках и голове Далинара казалась пустяком по сравнению с Азартом. Он редко испытывал его с такой силой, как сейчас, – это была удивительная ясность, по-настоящему чудесное чувство.

Он нырнул вперед со сверхъестественной скоростью и воспользовался плечом, чтобы прижать одного солдата к стене. Другой пал жертвой хорошо направленного пинка, а потом Далинар ворвался в дверь позади них.

Там, на полу, в луже крови лежал Таналан. Красивая женщина плакала у него на груди. В комнатке был еще один человек – маленький мальчик. Лет шести, может, семи. По лицу ребенка текли слезы, и он пытался поднять осколочный клинок отца обеими руками.

Далинар грозной тенью замер в дверном проеме.

– Ты не заберешь моего папу, – сказал мальчик, и от скорби его слова звучали невнятно. – Ты не сможешь! Ты... ты... – Его голос упал до шепота. – Папа говорил... мы сражаемся с чудовищами. И с верой мы победим...

Спустя несколько часов Далинар сидел на краю Разлома, болтая ногами над разбитым городом внизу. Новый осколочный клинок лежал у него на коленях, доспех – искореженный и разбитый – громоздился кучей рядом с ним. Его руки были перевязаны, но он прогнал врачей.

Далинар поглядел на то, что казалось пустой равниной, затем перевел взгляд на признаки человеческой жизни внизу. Кучи трупов. Разрушенные здания. Осколки цивилизации.

В конце концов подошел Гавилар, за которым следовали два телохранителя из отборных солдат Далинара, сегодня это были Кадаш и Фебин. Гавилар взмахом руки велел им отстать, снял шлем и со стоном опустился рядом с Далинаром. Над головой короля кружились спрены изнеможения, хотя – несмотря на усталость – выглядел Гавилар задумчивым. Его бледно-зеленые глаза смотрели так пронизательно, что всегда казалось, будто он знает очень многое. Пока Далинар рос, он просто считал, что его брат всегда будет прав в словах и делах. С возрастом он не очень-то изменил свое мнение об этом человеке.

– Поздравляю, – сказал Гавилар, кивая в сторону клинка. – Садеас раздражен, что не заполучил его.

– Пусть добудет себе собственный. Он слишком амбициозен.

Гавилар хмыкнул:

– Этот штурм стоил нам слишком дорого. Садеас полагает, нам следует быть осторожнее и не рисковать собой и нашими осколками в одиночных атаках.

– Садеас умный. – Далинар поднес к губам кружку с вином. Это было единственное лекарство, которое он считал годным против боли, – и, может быть, оно сработает и против стыда. Теперь, когда Азарт отступил и оставил Далинара пустым, отчетливо проявились оба чувства.

– Что нам с ними делать? – Гавилар взмахом руки указал в сторону столпившихся мирных жителей, окруженных солдатами. – Десятки тысяч людей. Их нелегко будет запугать; им не понравится, что ты убил их великого лорда и его наследника. Эти люди будут сопротивляться нам годами. Я чувствую это.

Далинар выпил.

– Сделаем из них солдат, – предложил он. – Скажем, что поощрим их семьи, если они станут воевать за нас. Хочешь прекратить атаки осколочников в начале сражений? Похоже, нам понадобятся войска, которые можно пустить в расход.

Гавилар кивнул, обдумывая его слова.

– Садеас прав и в других вещах, знаешь ли. Относительно нас. И того, кем мы станем.

– Не говори мне об этом.

– Далинар...

– Сегодня я потерял половину своего отборного отряда, включая капитана. У меня достаточно проблем.

– Зачем мы воюем? Ради чести? Ради Алеткара?

Далинар пожал плечами:

– Мы не можем продолжать вести себя как кучка бандитов, – рассуждал Гавилар. – Не можем грабить все города на своем пути и пировать каждую ночь. Нам нужна дисциплина, мы должны удержать земли, которые у нас есть. Нужны бюрократия, порядок и законы.

Далинар закрыл глаза, отвлекся на стыд, который испытывал. Что, если Гавилар узнает?

– Нам придется повзрослеть, – тихо проговорил Гавилар.

– И стать мягкими? Как эти великие лорды, которых мы убиваем? Вот почему мы все это начали, не так ли? Потому что все они были ленивыми, толстыми, испорченными!

– Уже и не знаю. Я теперь отец. Это заставляет меня задуматься о том, что мы будем делать, когда получим все. Как нам превратить этот край в королевство?

Вот же буря. Королевство. Впервые в жизни Далинар нашел эту идею ужасающей.

Гавилар в конце концов встал – его позвали посланники.

– Не мог бы ты хотя бы попытаться вести себя не так безрассудно в будущих сражениях? – спросил он Далинара.

– И это говоришь мне ты?

– Я заботливый. И... уставший до изнеможения. Наслаждайся Клятвенником. Ты его заслужил.

– Клятвенником?

– Твоим мечом, – напомнил Гавилар. – Клянусь бурей, ты вчера вечером хоть что-нибудь услышал? Это старый меч Солнцетворца.

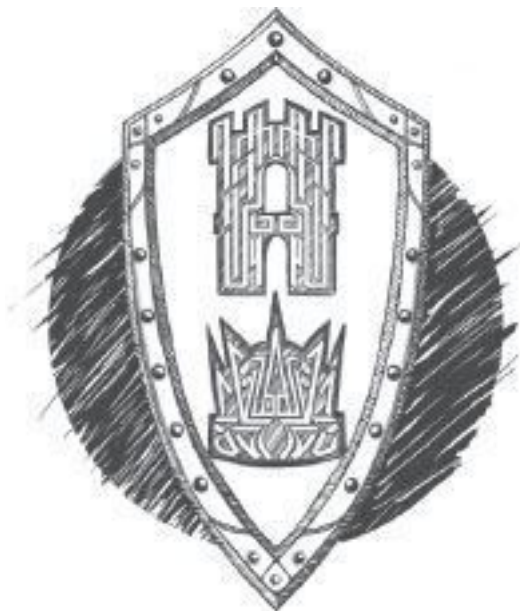
Садеас, Солнцетворец. Он был последним, кто объединил Алеткар много веков назад. Далинар сдвинул клинок у себя на коленях, позволив свету заиграть на чистом металле.

– Теперь он твой, – добавил Гавилар. – К тому времени, когда мы закончим, я сделаю так, что никто больше и не подумает о Солнцетворце. Лишь о Доме Холин и об Алеткаре.

Он ушел. Далинар вонзил осколочный клинок в камень и откинулся, закрыв глаза. В ушах его зазвучал плач храброго мальчика.

12. Переговоры

*Я не прошу, чтобы вы меня простили. Или даже чтобы поняли.
Из «Давшего клятву», предисловие*

Далинар стоял у окна в комнате на верхнем этаже Уритиру, сцепив руки за спиной. Он видел в стекле свое отражение, а за стеклом – бескрайний простор. Небо было безоблачным, солнце раскалилось добела.

Окна высотой с него самого – Далинар никогда не видел подобного. Кто осмелится построить что-то из стекла, такого хрупкого, да еще и обратить это к бурям?.. Впрочем, город располагался выше бурь. Эти окна казались вызовом, воплощением философии Сияющих: они выше мелочной мировой политики. И с такой высоты могли видеть очень далеко...

Ты их идеализируешь, – раздался в его голове голос, похожий на далекий грохочущий гром. – *Они были людьми, как ты. Не лучше. Не хуже.*

– Это обнадеживает, – прошептал в ответ Далинар. – Если они были как мы, значит мы сможем стать как они.

Они в итоге предали нас. Не забывай об этом.

– Почему? – спросил Далинар. – Что произошло? Что их изменило?

Буреотец замолчал.

– Пожалуйста, – попросил Далинар. – Расскажи мне.

Некоторые вещи лучше оставить в забвении, – ответил ему голос. – *Уж ты-то должен это понимать, учитывая дыру в твоей памяти и человека, который когда-то ее заполнял.*

Далинар резко втянул воздух, уязвленный словами.

– Светлорд, – проговорила позади него светлость Калами. – Император готов к разговору с вами.

Далинар повернулся. На верхних этажах Уритиру было несколько уникальных комнат, включая этот амфитеатр. Помещение имело форму полумесяца с окнами в верхней части прямой стороны и рядами сидений, которые вели к расположенной внизу сцене. Любопытно, что рядом с каждым сиденьем имелся небольшой пьедестал. Для спрена Сияющего, как сообщил ему Буреотец.

Далинар начал спускаться по лестнице навстречу своей команде: Аладару и его дочери, Мэй. Навани в ярко-зеленой хаве сидела в первом ряду, вытянув ноги, сняв туфли и скрестив лодыжки. Пожилая Калами должна была писать, а Тешав Хал – один из лучших политических умов Алеткара – советовать. Две ее старшие подопечные сидели поблизости, готовые предоставить сведения или перевод, если понадобится.

Небольшая группа, готовая изменить мир.

– Пришлите императору мои приветствия, – велел Далинар.

Калами кивнула и начала писать. Потом она прочистила горло, прочитав ответ, который пришел по даль-перу – оно как будто писало само по себе.

– «Вас приветствует его императорское величество Ч. В. Д. Янагон Первый, император Макабака, король Азира, владыка Бронзового дворца, Верховный акастикс, великий министр и посланник Яэзира».

– Внушительный титул, – заметила Навани, – для пятнадцатилетнего мальчишки.

– Он якобы воскресил мертвого ребенка, – пояснила Тешав, – и это чудо обеспечило ему поддержку визирей. Согласно местным слухам, им было трудно найти нового Изначального, ведь двух последних прикончил наш старый друг – Убийца в Белом. Так что визири нашли мальчика с сомнительной родословной и придумали историю о воскрешении.

Далинар хмыкнул:

– Азирцы не очень-то склонны к выдумкам.

– Они со всем согласятся, – возразила Навани, – если найдутся свидетели, которые дадут показания под присягой. Калами, поблагодари его императорское величество за встречу с нами и его переводчиков – за их усилия.

Калами все записала и посмотрела на Далинара. Тот начал шагать туда-сюда по центру комнаты. Навани встала, чтобы присоединиться к нему, но не обулась – пошла в чулках.

– Ваше императорское величество, – диктовал Далинар, – я говорю с вами, находясь в верхней части города-легенды Уритиру. От здешних видов захватывает дух. Приглашаю вас совершить экскурсию по городу. Можете привести любых охранников или свиту, какую сочтете нужной.

Он посмотрел на Навани, и та кивнула. Они долго обсуждали, как наладить связи с монархами, и сошлись на мягком приглашении. Азир был самым могущественным государством на западе и местом, где располагались центральные и самые важные Клятвенные врата. Именно их безопасность следовало обеспечить в первую очередь.

Ответ занял время. В азирском правительстве царил невероятный бардак, хотя Гавилар часто восхищался их системой делопроизводства. Толпы священнослужителей заполняли все уровни – там и мужчины, и женщины умели писать. Отпрыски были вроде ревнителей, хоть и не являлись рабами, что Далинар находил странным. В Азире быть священником-министром в правительстве означало добиться высших почестей.

По традиции азирский Верховный называл себя императором всего Макабака – региона, который включал более полудюжины королевств и княжеств. На самом деле он властвовал только в Азире, но Азир действительно отбрасывал длинную-длинную тень.

Ожидание затягивалось. Далинар, проходя мимо Навани, погладил ее по плечам и спине кончиками пальцев.

Кто бы мог подумать, что человек его возраста может чувствовать себя так легкомысленно?

– «Ваше величество, – Калами принялась зачитывать наконец-то пришедший ответ, – мы благодарим вас за предупреждение о буре, которая нагрянула с неправильной стороны. Ваши своевременные слова были отмечены и зафиксированы в официальных летописях империи, вследствие чего вы признаны другом Азира».

Калами ждала продолжения, но даль-перо замерло. Потом рубин мигнул, указывая, что это все.

– Не очень-то похоже на нужный ответ, – проворчал Аладар. – Далинар, почему он не ответил на приглашение?

– Оказаться занесенным в официальные летописи – большая честь для азирцев, – заметила Тешав. – Так что они сделали вам комплимент.

– Да, – подтвердила Навани, – но они пытаются уклониться от ответа на наше предложение. Далинар, надави на них.

– Калами, пожалуйста, отправьте следующее, – велел Далинар. – «Для меня большая честь быть отмеченным в официальных летописях империи, хоть я и предпочел бы, чтобы мое включение в них было связано с более счастливыми обстоятельствами. Давайте обсудим будущее Рошара вместе, здесь, в Уритиру. Я с нетерпением жду возможности познакомиться с вами лично».

Они ждали отклика со всем возможным терпением. Наконец тот пришел – на языке аleti: «Мы, носитель короны Азира, с печалью разделяем с вами траур о тех, кого мы потеряли. Как ваш прославленный брат был убит шинцем-разрушителем, так и любимые члены нашего двора пострадали от его руки. Это создает между нами связь».

И все.

Навани щелкнула языком.

– Их не заставишь дать прямой ответ.

– Могли бы хоть изъясняться понятнее! – прорычал Далинар. – Такое чувство, что мы ведем две разные беседы!

– Азирцы, – пояснила Тешав, – предпочитают отвечать уклончиво, чтобы не обидеть, особенно в общении с иностранцами. В этом смысле с ними тяжело почти так же, как с эмули.

С точки зрения Далинара это была не какая-то особенная азирская черта. Ею были надежды политики всего мира. Этот разговор требовал тех же усилий, которые он предпринимал в военных лагерях, чтобы переманить великих князей на свою сторону. Шаг вперед – шаг назад, мягкие обещания, за которыми нет истинных намерений, смеющиеся глаза, которые издеваются над ним в то время, пока их владельцы изображают искренность.

Ну что за буря! Он опять вернулся к тому, с чего начал. Далинар пытался объединить людей, которые не желали его слушать. И он не мог проиграть сейчас – времени не осталось!

«Когда-то я объединял по-другому», – подумал Далинар. Он почувствовал запах дыма, услышал, как люди кричат от боли. Вспомнил, как приносил кровь и пепел тем, кто бросал вызов его брату.

Эти воспоминания в последнее время сделались особенно яркими.

– Может, попробуем другую тактику? – сказала Навани. – Вместо приглашения в Уритиру попробуй предложить помощь.

– Ваше императорское величество, – продиктовал Далинар, – надвигается война. Конечно, вы видели изменения, которые произошли с паршунами. Приносящие пустоту вернулись. Хочу сообщить, что аleti являются вашими союзниками в этом конфликте. Мы будем делиться сведениями о наших успехах и неудачах в борьбе против врага в надежде, что вы ответите тем же. Человечество должно объединиться перед лицом растущей угрозы.

В конце концов пришел ответ: «Мы согласны с тем, что оказание помощи друг другу в период этой новой эпохи будет иметь первостепенное значение. Мы рады обменяться сведениями. Что вы знаете об этих преобразившихся паршунах?»

– Мы сразились с ними на Расколотых равнинах, – с облегчением от того, что наметился хоть какой-то прогресс, продиктовал Далинар. – Существа с красными глазами, во многом подобные паршунам, которых мы обнаружили на Расколотых равнинах, только опаснее.

Я попрошу своих письмоводительниц подготовить для вас отчеты с подробным изложением всего, что мы узнали в борьбе с паршенди за эти годы.

«Отлично, – пришло в ответ через некоторое время. – Эти сведения будут чрезвычайно кстати в нашем нынешнем конфликте».

– Как обстоят дела в ваших городах? – спросил Далинар. – Что там делают паршуны? Есть ли признаки того, что у них имеется какая-то другая цель, помимо бессмысленного разрушения?

Они напряженно ждали ответа. Пока что им удалось добыть чрезвычайно мало сведений о паршунах, рассеявшихся по всему миру. Капитан Каладин присылал отчеты с использованием письмоводительниц из городов, которые посещал, но сам почти ничего не знал. Их собственная страна погрузилась в хаос, и достоверных сведений не хватало.

«К счастью, – пришел ответ, – наш город устоял, и враг больше не пытается атаковать. Мы ведем переговоры с неприятелем».

– Переговоры? – потрясенно переспросил Далинар. Он повернулся к Тешав, которая изумленно покачала головой.

– Пожалуйста, уточните, ваше величество, – вмешалась Навани. – Приносящие пустоту готовы к переговорам с вами?

«Да. Мы вступили в контакт. У них очень подробные требования, с возмутительными оговорками. Мы надеемся, что сможем оттянуть вооруженный конфликт, чтобы собраться с силами и укрепить столицу».

– Они могут писать? – продолжила выпрашивать Навани. – Сами Приносящие пустоту посылают вам сообщения?

«Обычные паршуны не могут писать, насколько мы понимаем, – пришло в ответ. – Но есть и другие – более сильные, со странными способностями. Они говорят немного иначе».

– Ваше величество, – обратился Далинар, подойдя к письменному столу с даль-пером, и тон его сделался нетерпеливее – как будто император и его служители могли почувствовать эмоции через написанные слова. – Мне нужно поговорить с вами напрямую. Я могу прийти сам, через портал, о котором мы писали ранее. Мы должны сделать так, чтобы он снова заработал.

Тишина. Она тянулась так долго, что Далинар вдруг понял – он скрипит зубами, изнывая от желания призвать осколочный клинок и отпустить, снова и снова, как делал в юности. Он перенял эту привычку у брата.

Наконец-то пришел ответ.

– «Мы с сожалением сообщаем, что устройство, которое вы упомянули, – прочитала Калами, – не работает в нашем городе. Мы исследовали его и обнаружили, что оно давно сломано. Мы не можем прийти к вам, вы не можете прийти к нам. Тысячу извинений».

– И он говорит нам об этом сейчас? – изумился Далинар. – Клянусь бурей! Эти сведения мы могли бы использовать, как только он обо всем узнал!

– Он лжет, – предположила Навани. – Клятвенные врата на Расколотых равнинах остались в рабочем состоянии спустя века бурь и отложений крема. А врата в Азимире вообще скрыты под большим куполом – это памятник на Центральном рынке.

Или так они предположили по картам. В Холинаре врата были встроены в дворец, а в Тайлене представляли собой что-то вроде религиозного сооружения. Такие красивые реликвии не ломают просто так.

– Я согласна с оценкой светлости Навани, – заговорила Тешав. – Они обеспокоены вашим потенциальным визитом. Это оправдание. – Она нахмурилась, словно император и его служители были немногим лучше избалованных детей, не слушающих своих воспитателей.

Даль-перо снова начало писать.

– Что там? – встревоженно спросил Далинар.

– Это официальное заявление! – Навани развеселилась. – Подтверждение того, что Клятвенные врата не функционируют, заверенное императорскими архитекторами и бурестражами. – Она прочитала дальше. – О, это восхитительно. Только азирыцы могли предположить, что тебе понадобится документальное удостоверение того, что что-то сломано.

– Следует отметить, – прибавила Калами, – что этот документ всего лишь удостоверяет, что «устройство не работает как портал». Но естественно, оно так не работает, ведь пока что ни один Сияющий не прибыл туда, чтобы его запустить. Этот аффидевит удостоверяет лишь то, что выключенное устройство не работает.

– Калами, напишите вот что: ваше величество, вы проигнорировали меня однажды, результатом этого стали разрушения, причиненные Бурей бурь. Пожалуйста, на этот раз прислушайтесь ко мне. Вы не можете вести переговоры с Приносящими пустоту. Мы должны объединиться, обменяться сведениями и спасти Рошар. Вместе.

Она написала это, и Далинар стал ждать, прижав руки к столу.

– «Мы ошиблись, когда упомянули переговоры, – прочитала Калами. – Это была ошибка перевода. Мы согласны обмениваться сведениями, но прямо сейчас времени мало. Вскоре мы свяжемся с вами для дальнейшего обсуждения. Прощайте, великий князь Холин».

– Ба! – воскликнул Далинар, отталкиваясь от стола. – Дураки, идиоты! Шквальные светлоглазые и политика, шла бы она в Преисподнюю! – Он метнулся через комнату, жалея, что не может ничего пнуть, прежде чем взять себя в руки.

– Это в большей степени смахивает на каменную стену, чем я ожидала, – призналась Навани, сложив руки на груди. – Светлость Хал?

– Мой опыт общения с азирами, – заявила Тешав, – показывает, что они чрезвычайно поднаторели в искусстве мало говорить с использованием как можно большего количества слов. Это типичный пример общения с их верховными министрами. Не отчаивайтесь; чтобы от азирицев чего-то добиться, требуется время.

– Время, на протяжении которого Рошар будет пылать, – проворчал Далинар. – Почему они отказались от заявления про переговоры с Приносящими пустоту? Подумывают о союзнничестве с врагом?

– Не смею гадать, – ответила Тешав. – Возможно, решили, что выдали больше сведений, чем хотели.

– Азир нам необходим, – твердо проговорил Далинар. – Никто в Макабаке не станет нас слушать, если мы не заручимся благословением Азира, не говоря уже о Клятвенных вратах... – Он замолчал, когда на столе внезапно замигало другое даль-перо.

– Это тайленцы, – пояснила Калами. – Рановато.

– Хочешь перенести разговор? – спросила Навани.

Далинар покачал головой:

– Нет, мы не можем позволить себе ждать еще несколько дней, прежде чем у королевы опять появится свободное время. – Он сделал глубокий вдох. Буря свидетельница, разговаривать с политиками было более утомительно, чем делать стомильный марш-бросок в полной боевой выкладке. – Калами, приступайте. Я сдержу свою досаду.

Навани расположилась на одном из сидений, Далинар остался на ногах. Свет лился сквозь окна, чистый и яркий. Он тек, окутывая Далинара. Великий князь вдохнул – ему показалось, что он может попробовать солнечный свет на вкус. Он провел слишком много дней в извилистых коридорах Уритиру, озаренных хрупким светом свечей и ламп.

– «Ее королевское величество, – прочитала Калами, – светлость Фэн Рнамди, королева Тайлены, пишет вам». – Калами остановилась. – Светлорд... простите, что вмешиваюсь, но королева, видимо, воспользовалась даль-пером сама, а не через письмоводительницу.

Другая женщина испугалась бы. Для Калами это было всего лишь одной из множества сносок, которые она в изобилии добавляла в нижней части страницы, прежде чем подготовить даль-перо к передаче слов Далинара.

– Ваше величество, – ответил Далинар, сцепив руки за спиной и принимаясь шагать туда-сюда по сцене в центре зала. «Ты способен на большее. Объедини их». – Приветствую вас из Уритиру, святого города Сияющих рыцарей, и направляю вам наше скромное приглашение. Эта башня – поистине зрелище, которое стоит увидеть, и сравниться с нею может только слава монарха на троне. Для меня большая честь представить вам возможность увидеть ее.

Даль-перо быстро нацарапало ответ. Королева Фэн писала сразу на алету.

– «Холин, – прочитала Калами, – старый грубиян. Прекрати размазывать чулий навоз. Чего ты на самом деле хочешь?»

– Она мне всегда нравилась, – заметила Навани.

– Ваше величество, я ничего не скрываю, – продиктовал Далинар. – Мое единственное желание – встретиться лично, поговорить и показать, что мы обнаружили. Мир вокруг нас меняется.

«О-о, мир меняется, неужели? Что привело тебя к этому невероятному выводу? Может, тот факт, что наши рабы внезапно превратились в Приносящих пустоту, или то, что буря пришла не с той стороны, – эти слова она написала в два раза крупнее остальных, светлорд, – и разрушила наши города?»

Аладар прочистил горло.

– Ее величество, похоже, в дурном настроении.

– Она оскорбляет нас, – уточнила Навани. – Для Фэн это означает, что она очень даже в настроении.

– Королева вела себя безупречно вежливо те несколько раз, что мы виделись. – Далинар нахмурился.

– Тогда она вела себя по-королевски, – объяснила Навани. – Ты сумел добиться разговора напрямую. Поверь мне, это хороший знак.

– Ваше величество, – продолжил Далинар, – пожалуйста, расскажите о ваших паршунах. Они преобразовались?

«Да, – ответила она. – Шквальные монстры украли наши лучшие корабли – почти все в гавани, от одномачтовых шлюпов и далее, – и сбежали из города».

– Они... уплыли? – потрясенно спросил Далинар. – Подтвердите. Они не нападали?

– «Случились какие-то потасовки, – написала Фэн, – но почти все были заняты последствиями бури. К тому времени, как мы кое-как с ними разобрались, паршуны уплывали прочь, собрав огромный флот из королевских военных кораблей и частных торговых судов».

Далинар вздохнул. «Мы не знаем о Приносящих пустоту и половины того, что предполагаги».

– Ваше величество, – продолжил он. – Помните, мы предупреждали вас о скором прибытии этой бури?

«Я поверила тебе, – призналась Фэн. – Пусть даже в качестве подтверждения у нас было лишь известие из Нового Натанана. Мы пытались подготовиться, но традицию, которой четыре тысячи лет, ни одно государство не может сломать по щелчку пальцев. Холин, город Тайлен в руинах. Буря уничтожила наши акведуки и канализационные системы, разломала наши доки – весь внешний рынок расплющило! Мы должны отремонтировать все цистерны, укрепить здания, чтобы противостоять бурям, и восстановить общество – все это без работников-паршунов и в середине Плача, шквал бы его побрал. У меня нет времени для осмотра достопримечательностей».

– Ваше величество, вряд ли это можно назвать осмотром достопримечательностей, – возразил Далинар. – Я знаю о ваших проблемах, и, хотя они и ужасны, мы не можем игнорировать Приносящих пустоту. Я намерен созвать Великое собрание королей для борьбы с этой угрозой.

«И возглавишь его ты, – написала Фэн. – Разумеется».

– Уритиру – естественное место встречи, – попробовал объяснить Далинар. – Ваше величество, Сияющие рыцари вернулись – мы снова произносим их древние клятвы и подчиняем природные потоки. Если мы сумеем привести ваши Клятвенные врата в рабочее состояние, вы попадете сюда днем, а к вечеру вернетесь, чтобы заняться делами своего города.

Навани кивнула, одобряя тактику, хотя Аладар в задумчивости скрестил руки.

– Что? – спросил Далинар, пока Калами писала.

– Нам нужен Сияющий, чтобы поехать в город и привести в действие их врата, верно? – уточнил Аладар.

– Да, – подтвердила Навани. – Сияющий должен открыть врата с этой стороны – что мы можем сделать в любой момент, – а потом кто-то отправится в пункт назначения и откроет врата, расположенные там. Когда это будет сделано, Сияющие смогут осуществить переход из любого места.

– Выходит, единственный, кто теоретически может попасть в Тайлен, – это ветробегун, – сказал Аладар. – Но и у него уйдут месяцы на возвращение? Или он попадет в плен к врагам? Далинар, можем ли мы хоть как-то гарантировать выполнение своих обещаний?

Вопрос сложный, но Далинар подумал, что, возможно, знает ответ. Существовало оружие, которое он пока что хранил в секрете. Оно могло открыть Клятвенные врата столь же успешно, как и клинок Сияющего, и могло позволить кому-то долететь до Тайлена.

Пока вопрос был умозрительным. Сначала ему требовался по другую сторону даль-пера кто-то, желающий прислушаться.

Пришел ответ Фэн: «Признаю, мои купцы заинтригованы этими Клятвенными вратами. У нас есть связанные с ними предания, согласно которым самый верный приверженец Стремлений сумеет снова отворить портал миров. Думаю, каждая девушка в Тайлене мечтает стать той, кому это удастся».

– Стремления, – проговорила Навани, и углы ее рта опустились. У тайленцев существовала языческая псевдорелигия, и это всегда было любопытным аспектом в общении с ними. Они восхваляли Вестников, а миг спустя уже говорили о Стремлениях.

Впрочем, Далинар не собирался обвинять кого-то в нетрадиционных убеждениях.

«Если хотите послать мне то, что знаете об этих Клятвенных вратах, что ж, прекрасно, – продолжила Фэн. – Но я не заинтересована участвовать в каком-то там Великом собрании королей. Сообщи мне, мальчик, ваши предложения, потому что я здесь собираюсь лихорадочно отстраивать свой город».

– Что ж, – проворчал Аладар. – По крайней мере, мы наконец-то получили честный ответ.

– Не уверен, что он честный. – Далинар в задумчивости потер подбородок. Он встречался с этой женщиной лишь пару раз, но что-то в ее ответах казалось ему странным.

– Согласна, светлорд, – заявила Тешав. – Думаю, любой тайленец не упустит бы шанс на что-нибудь повлиять на собрании монархов, по меньшей мере ради того, чтобы проверить, нет ли какого-нибудь способа получить от них торговые соглашения. Она определенно что-то скрывает.

– Предложи солдат, – посоветовала Навани, – чтобы помочь ей отстроить город.

– Ваше величество, я глубоко опечален известием о ваших потерях. Здесь у меня много солдат, которые в настоящее время ничем не заняты. Я с радостью послал бы батальон, чтобы помочь вам с восстановлением города.

Ответ пришел не сразу.

«Не знаю, что и думать о войсках аleti на моем камне, сколь бы честны ни были их намерения».

Аладар фыркнул:

– Она боится вторжения? Всем известно, что аleti и корабли друг с другом не сочетаются.

– Королева не боится, что мы прибудем на кораблях, – возразил Далинар. – Она боится, что целое войско внезапно возникнет прямо посреди ее города.

Вполне разумные опасения в обычное время. И если бы Далинар захотел, он мог бы послать ветробегуна, чтобы тот тайком открыл Клятвенные врата в городе, а следом начался бы беспрецедентный штурм, прямо в тылу врага.

Ему нужны были союзники, а не пленники, потому он бы ни за что такого не сделал. По крайней мере, не с потенциально дружелюбным городом. А вот с Холинаром все обстояло по-другому. Они так и не получили надежных известий о том, что происходило в столице аleti. Но если бунты продолжались, ему пора подумать о способе доставить туда войска и восстановить порядок.

Пока что следовало сосредоточиться на королеве Фэн.

– Ваше величество, – сказал он, кивком веля Калами писать. – Обдумайте мое предложение насчет войск, пожалуйста. И пока вы будете это делать, могу ли я предложить вам начать среди ваших людей поиски Сияющих? Они ключ к работе Клятвенных врат. У нас некоторое количество Сияющих проявилось возле Расколотых равнин. Преобразование происходит благодаря взаимодействию с определенными спренами, которые, кажется, ищут достойных кандидатов. Я могу только предположить, что это происходит по всему миру. Вполне вероятно, что среди жителей вашего города кто-то уже произнес клятвы.

– Далинар, ты отказываешься от существенного преимущества, – заметил Аладар.

– Я сажаю семя, – возразил Далинар. – И я посажу его на любом холме, который смогу найти, независимо от того, кто владеет им. Мы должны сражаться как единый народ.

– Не спорю, – проворчал Аладар, выпрямляясь и потягиваясь. – Но твои знания о Сияющих – это повод для торга, который, возможно, привлечет к тебе людей и заставит их работать с тобой. Отдай слишком многое – и наступит момент, когда ты обнаружишь «штаб» Сияющих рыцарей в каждом крупном городе по всему Рошару. И они будут соревноваться с тобой за рекрутов.

К сожалению, он был прав. Далинар ненавидел превращать знания в разменные сферы, но что, если именно из-за этого он всегда терпел неудачу в переговорах с великими князьями? Он хотел быть честным, прямым, а там уж как фишки лягут. Но похоже, кто-то более сведущий в игре – и более склонный нарушать правила – всегда перехватывал эти фишки на лету, когда Далинар их бросал, и раскладывал так, как было выгодно ему.

– И еще, – быстро прибавил он, диктуя Калами, – мы с радостью пошлем наших Сияющих обучать тех, кого вы обнаружите, чтобы затем ввести их в братство Уритиру, на что у каждого из них есть право в силу природы их обетов.

Калами добавила эти слова, затем повернула даль-перо, чтобы сообщить, что они закончили и ждут ответа.

– «Мы рассмотрим это, – прочитала Калами, пока даль-перо писало быстрым неразборчивым почерком. – Корона Тайлены благодарит вас за проявленный к нашему народу интерес, и мы рассмотрим ваше предложение относительно помощи войска. Мы послали несколько перехватчиков из оставшихся выследить сбежавших паршунов и сообщим о том, что обнаружим. Поговорим в следующий раз, великий князь».

– Вот буря, – шепнула Навани. – Она опять заговорила как королева. Мы где-то по пути ее потеряли.

Далинар сел рядом с нею и тяжело вздохнул.

– Далинар... – начала она.

– Все в порядке. Я и не ждал, что всех сразу охватит острое желание сотрудничать со мною. Продолжим попытки.

Слова были оптимистичнее, чем он себя чувствовал. Далинар хотел бы обсудить все с правителями лично, а не через даль-перо.

Потом они поговорили с княгиней Йезира, за которой последовал князь Ташикка. У них не было Клятвенных врат, и для его плана они представляли меньшую важность, но он хотел наладить с ними каналы связи.

Он получил только весьма расплывчатые ответы и обещания. Без благословения азирского императора ему не добиться сотрудничества от малых королевств Макабаки. Возможно, Эмул или Тукар выслушают его, но, учитывая их давнюю вражду, ему можно надеяться лишь на одно из этих государств.

К концу последнего совещания Аладар и его дочь ушли, а Далинар потянулся, чувствуя усталость. И ведь это еще не все. Ему надо было поговорить с монархами Ири – их было, как ни странно, трое. Клятвенные врата в Ралл-Элориме находились на их землях. Кроме того, они владели лежащей неподалеку Рирой, где располагались еще одни Клятвенные врата.

И еще, разумеется, следовало разобраться с шинцами. Они ненавидели даль-перья, поэтому Навани обратилась к ним через тайленского купца, который согласился быть посредником.

Плечо Далинара запротестовало, когда он потянулся. Князь обнаружил, что средний возраст похож на наемного убийцу – подкрадывается к своей жертве столь же тихо. Большую часть времени живешь как обычно, а потом неожиданная боль, ноющая или острая, дает о себе знать. Он уже был далеко не юношей.

«И спасибо Всемогущему за это», – подумал он рассеянно, прощаясь с Навани. Она хотела изучить донесения, полученные через станции даль-перьев, рассеянные по миру. Дочь Аладара и письмоводительницы собирали их большими партиями.

Далинар забрал нескольких своих охранников, предоставив других Навани на тот случай, если ей понадобятся лишние руки, и отправился через ряды сидений к расположенному в верхней части комнаты выходу. В дверном проеме, точно рубигончая, которую прогнали от теплого очага, замер Элокар.

– Ваше величество? – проговорил Далинар, вздрогнув. – Я рад, что вы пришли на собрание. Вам уже лучше?

– Дядя, почему они тебе отказывают? – спросил Элокар, игнорируя вопрос. – Может, думают, что ты попытаешься узурпировать их трон?

Далинар резко втянул воздух, и его охранники явно растерялись из-за того, что оказались поблизости. Они отошли, оставляя его наедине с королем.

– Элокар... – начал Далинар.

– Ты, наверное, думаешь, что я говорю это от злобы. – Элокар глянул на мать, а потом снова на Далинара. – Это не так. Ты действительно лучше меня. Ты лучший солдат, лучший человек и уж точно лучший король.

– Элокар, ты действуешь себе во вред. Тебе надо...

– О, Далинар, не надо банальностей. Ну хоть раз в жизни будь честен со мной.

– То есть ты считаешь, что я не был честен?

Элокар поднял руку и легко коснулся собственной груди.

– Вероятно, был иногда. Может, из нас двоих лжец – я... Я лгал себе, твердя, что справлюсь, что смогу быть хоть малой долей того, чем был мой отец. Нет, не перебивай меня. Дай высказаться. Приносящие пустоту? Древние города, полные чудес? Опустошения?! – Элокар покачал головой. – Возможно... возможно, я хороший король. Не выдающийся, но и не полный неудачник. Но перед лицом этих событий мир нуждается в лучшем, чем хорошее.

В его словах ощущался некий фатализм, и это вызвало беспокойство у Далинара.

– Элокар, о чем ты?

Элокар вошел в зал и позвал тех, кто остался в нижней части, где заканчивались ряды сидений.

– Мама, светлость Тешав, вы не могли бы кое-что для меня засвидетельствовать?

«Буря, нет», – подумал Далинар, спеша за Элокаром.

– Сынок, не делай этого.

– Дядя, мы все должны принять последствия наших поступков, – заявил Элокар. – Я учусь этому очень медленно, так как бываю тупым, словно камень.

– Но...

– Дядя, я твой король? – резко спросил Элокар.

– Да.

– Ну так я не должен им быть. – Он опустился на колени, словно вассал, вызвав шок у Навани и вынудив ее остановиться, пройдя три четверти пути вверх по ступенькам. – Далинар Холин, – громко объявил Элокар. – Я клянусь тебе в верности. Существуют князья и великие князья. Отчего бы не быть королям и великим королям? Я даю клятву, непреложную и подтвержденную свидетелями, что признаю тебя своим монархом. Алеткар твой, и я – тоже.

Далинар вздохнул, глядя на потрясенное лицо Навани, а затем посмотрел на племянника.

– Дядя, ты сам об этом просил, – продолжил Элокар. – Не на словах, но только этим все между нами должно было закончиться. Ты медленно отнимал власть с того момента, когда решил довериться тем видениям.

– Я пытался вовлечь тебя, – напомнил Далинар. Глупые, бессильные слова. Он должен был достичь большего. – Элокар, ты прав. Мне жаль.

– Тебе жаль? – переспросил молодой король. – Правда?

– Мне жаль, что я причинил тебе боль. Жаль, что я не смог разобраться с этим как-то лучше. Жаль, что это... должно было случиться. Прежде чем ты дашь эту клятву, позволь спросить, что она означает?

– Я уже произнес слова, – проговорил Элокар, заливаясь краской. – Перед свидетелями. Все кончено. Я...

– О, и встань, – перебил его Далинар, схватив за руку и заставив подняться. – Не драматизируй. Если ты действительно хочешь принести клятву, я тебе это позволю. Но давай не будем делать вид, что ты можешь войти в комнату, выкрикнуть несколько слов и счесть это официальной клятвой.

Элокар высвободил руку и потер ее.

– Ты даже не позволишь мне отречься с достоинством.

– Ты не отрекаешься! – К ним присоединилась Навани. Она одарила сердитым взглядом охранников, которые стояли разинув рты, и от этого взгляда они побелели. Навани ткнула в них пальцем, будто говоря: «Никому не слова об этом». – Элокар, ты намереваешься запихнуть дядю на пост, что выше твоего. Он имеет право задать вопрос. Что все это будет значить для Алеткара?

– Я... – Элокар сглотнул. – Он должен отдать свои земли наследнику. Далинар ведь будет королем чего-то еще. Далинар, великий король Уритиру – или Расколотых равнин. – Он чуть выпрямился, заговорил увереннее: – Дядя не должен напрямую вмешиваться в руководство моими землями. Он может давать мне указания, но я сам буду решать, как их выполнять.

– Звучит разумно. – Навани бросила взгляд на Далинара.

Разумно и все же мучительно. Королевство, за которое он сражался, – королевство, которое он выковал ценой боли, изнеможения и крови, – теперь отвергло его.

«Вот это теперь моя земля, – подумал Далинар. – Эта башня, покрытая спренами холода».

– Я могу принять эти условия, хотя время от времени мне придется давать указания твоим великим князьям.

– До той поры, пока они в твоих владениях, – проговорил Элокар, и в его голосе прозвучали упрямые нотки, – я считаю их твоими подчиненными. Пока они навещают Уритиру или Расколотые равнины, командуй ими как заблагорассудится. Когда они вернутся в мое королевство, ты должен будешь действовать через меня.

Он посмотрел на Далинара, а затем опустил глаза, как будто стыдясь своих требований.

– Хорошо, – согласился Далинар. – Хотя нам надо поработать над этим с письмоводительницами, прежде чем принять все официально. И вообще, для начала надо убедиться, что еще существует Алеткар, которым ты мог бы править.

– Я думал о том же. Дядя, я хочу повести наши войска в Алеткар и вернуть нашу родину. Что-то не так в Холинаре. Дело не только в этих бунтах и предполагаемом поведении моей жены, не только в том, что замолчали даль-перья. Наш враг что-то делает в городе. Я возьму армию, чтобы покончить с этим и спасти королевство.

Элокар? Возглавит войско? Далинар представлял себя самого во главе армии: как он рассекает ряды Приносящих пустоту, гонит их прочь из Алеткара и марширует в Холинар, чтобы восстановить порядок.

Правда же была в том, что ни одному из них не было смысла возглавлять это наступление.

– Элокар, – заговорил Далинар, подавшись вперед. – Я кое-что обдумываю. Клятвенные врата привязаны к самому дворцу. Нам не надо маршировать со всем войском до самого Алеткара. Все, что мы должны сделать, – это восстановить устройство! Как только оно заработает, мы сможем перенести армию в город, чтобы обеспечить безопасность дворца, восстановить порядок и отбить атаку Приносящих пустоту.

– Надо проникнуть в город. Дядя, армия может понадобиться именно для этого!

– Нет, – возразил Далинар. – Небольшой отряд доберется до Холинара куда быстрее армии. Если с ними будет Сияющий, они смогут проникнуть внутрь, восстановить Клятвенные врата и открыть путь остальным.

Элокар оживился:

– Да! Дядя, я это сделаю. Соберу отряд и верну наш дом. Там Эсудан; если бунты все еще идут, она борется с ними.

Донесения, пока они еще приходили, сообщали не об этом. Если уж на то пошло, они называли королеву причиной бунтов! И Далинар точно не собирался препоручать эту миссию племяннику.

«Последствия». Парень действовал искренне, как всегда. Кроме того, Элокар, похоже, кое-что осознал после того, как едва не принял смерть от руки наемных убийц. Он точно был смиреннее, чем в прошлые годы.

– Это разумно, – согласился Далинар, – что именно король станет спасителем своего народа. Элокар, я позабочусь о том, чтобы ты получил все необходимое.

Светящиеся шары спренов славы вспыхнули вокруг Элокара. Он широко улыбнулся, увидев их:

– Дядя, кажется, я их вижу, только если нахожусь возле тебя. Забавно. Хоть я и должен на тебя обижаться, я не обижаюсь. Тяжело обижаться на человека, который делает все возможное. Я справлюсь. И спасу Алеткар. Мне понадобится один из твоих Сияющих. Желательно герой.

– Герой?

– Мостовик, – уточнил Элокар. – Солдат. Он должен отправиться со мной, и, если я облажаюсь и все испорчу, кто-то будет рядом, чтобы все равно спасти город.

Далинар моргнул:

– Это очень... э-э...

– У меня было достаточно времени на раздумья. Всемогущий сохранил мне жизнь, несмотря на мою глупость. Я возьму мостовика с собой и буду наблюдать за ним. Выясню, почему он такой особенный. Посмотрим, научит ли он меня быть таким же. И если у меня не получится... – Он пожал плечами. – Ну, Алеткар все равно в надежных руках, верно? – Далинар кивнул, сбитый толку. – Мне нужно составить планы, – рассуждал Элокар. – Я только что оправился от раны. Но пока Каладин не вернется, мне нельзя уходить. Он сможет перенести меня и мой избранный отряд в город по воздуху? Это, безусловно, было бы быстрее всего. Мне понадобятся все донесения, которые мы получили из Холинара, и я хочу лично изучить механизм Клятвенных врат. Да, и еще нужны рисунки, сравнивающие его с теми вратами, что в Холинаре. И... – Он просиял. – Спасибо, дядя. Спасибо, что поверил в меня хоть в чем-то малом.

Далинар кивнул ему, и Элокар ушел, ступая легким, пружинистым шагом. Далинар выдохнул, потрясенный разговором. Навани осталась стоять рядом, когда он опустился на одно из сидений для Сияющих.

Нелепая ситуация: король дает ему клятву, которой Далинар не хотел, и монархи, которые не желают прислушаться к его самым разумным предложениям. Ну что за буря!

– Далинар? – окликнула Калами. – Далинар!

Он вскочил, Навани резко повернулась. Калами наблюдала за одним из даль-перьев, которое начало писать. Ну что еще случилось? Какие ужасные новости ждали его?

– «Ваше величество, – прочитала Калами с листа. – Я нахожу ваше предложение щедрым, а совет – мудрым. Мы обнаружили устройство, которое вы называете Клятвенными вратами. Один из моих людей, что весьма примечательно, назвался Сияющим. Спрен надоумил ее поговорить со мной; мы планируем использовать ее осколочный клинок, чтобы испытать устройство. Если это сработает, я поспешу к вам. Хорошо, что кто-то пытается организовать сопротивление злу, которое настигло нас. Народы Рошара должны отложить свои дрязги. Возрождение святого города Уритиру доказывает мне, что Всемогущий ведет вашу руку. Я с нетерпением жду совещания с вами и прибавления моих сил к вашим в совместной операции по защите этих земель». – Она посмотрела на него с удивлением. – Это послал Таравангиан, король Йа-Кевода и Харбранта.

Таравангиан? Вот от кого Далинар не ожидал, что он ответит так быстро. Говорили, что он добрый и несколько простоватый человек. Он идеально подходил для руководства небольшим городом-государством с помощью управляющего совета. Поговаривали, что Таравангиан занял трон лишь потому, что прежний мстительный монарх не пожелал передать престол кому-либо из сильных соперников.

И все же эти слова согрели Далинара. Кто-то к нему прислушался. Кто-то был готов присоединиться. Да будет он благословен, о да, пусть он будет благословен!

Если Далинар и потерпит неудачу во всем остальном, то хотя бы доверие короля Таравангиана он завоевал.

13. Дуэнья

*Я лишь прошу, чтобы вы прочитали или выслушали эти слова.
Из «Давшего клятву», предисловие*

Шаллан выдохнула буресвет и прошла сквозь него, почувствовав, как он ее окутал и преобразил.

Ее переселили, внемля просьбе, в ту часть Уритиру, которую занимал Себариааль, в какой-то степени потому, что он обещал ей комнату с балконом. Свежий воздух и вид на горные вершины. Если уж она не могла полностью освободиться от затененных глубин этого здания, то, по крайней мере, могла обзавестись жилищем на границе.

Девушка потянула себя за волосы, обрадованная тем, что они стали черными. Она превратилась в Вуаль – маску, над которой трудилась довольно долго.

Шаллан подняла руки: они были мозолистыми, натруженными – даже защищенная рука. Не то чтобы Вуаль была неженственной. Она подпиливала ногти, любила красиво одеваться, причесывалась. Просто у нее не было времени на легкомысленное поведение. Хороший крепкий плащ и брюки подходили Вуали куда лучше, чем струящаяся хава. И у нее уж точно не было времени на удлиненный рукав, прикрывающий защищенную руку. Ее устроит перчатка, и не надо никаких выкрутасов.

Сейчас на ней была ночная сорочка; Шаллан собиралась переодеться позже, когда будет готова выскользнуть в коридоры Уритиру. Сперва надо попрактиковаться. Ее слегка тревожила трата буресвета, когда все остальные экономили, но Далинар сказал, что она должна тренировать свои способности, не так ли?

Она прошла по комнате походкой Вуали – уверенной и твердой, не чопорной. Она не смогла бы удержать в равновесии книгу на голове во время ходьбы, но зато девушка легко уравнивала бы ее на чьей-нибудь физиономии, сперва вышибив дух из обидчика.

Шаллан несколько раз обошла комнату, пересекая пятно вечернего света, падавшего из окна. Ее жилище украшали яркие круговые орнаменты на стенах. Камень оказался гладким на ощупь, и ножом его было не поцарапать.

Мебели было не много, хотя Шаллан надеялась, что последние экспедиции по добыче имущества из старых военных лагерей вернутся с чем-то, что она сможет забрать у Себариаля. А пока она справлялась, как могла, с несколькими одеялами, единственным табуретом и

– счастье-то какое – ручным зеркалом. Шаллан повесила его на стене, привязав к каменной выпуклости, предназначавшейся, предположительно, для развешивания картин.

Она проверила свое лицо в зеркале. Девушка хотела добиться мгновенного превращения в Вуаль, без необходимости сверяться с набросками. Она коснулась своего лица, но, конечно, поскольку более острый нос и выраженный лоб были результатом светоплетения, она не могла их чувствовать.

Когда Шаллан нахмурилась, лицо Вуали безупречно отразило гримасу.

– Пожалуйста, налейте мне чего-нибудь выпить. – Нет, надо грубее. – Выпивку. Сейчас же. – Чересчур?

– Мм, – заговорил Узор. – Голос становится хорошим обманом.

– Спасибо. Я трудилась над звуками.

Голос Вуали ниже и грубее голоса Шаллан. Она задавалась вопросом, до каких пределов может пойти, меняя звуки?

Сейчас ее охватили сомнения, что иллюзия правильно шевелит губами. Шаллан неспешно подошла к своим писчим принадлежностям и начала листать альбом в поисках изображений Вуали, рисованием которых занималась вместо ужина с Себариаем и Палоной.

На первой странице альбома был набросок коридора с извилистым орнаментом, по которому она проходила накануне: безумные линии, завиваясь, убегали навстречу тьме. Она перевернула страницу. Вот изображение одного из зарождающихся рынков города-башни. Тысячи торговцев, прачек, проституток, трактирщиков и ремесленников всех мастей обустраивались в Уритиру. Шаллан хорошо знала, как их много, – именно она провела их всех через Клятвенные врата.

На ее наброске черная верхняя часть большого рынка грозно нависала над маленькими фигурками, которые сутились между палатками, держа хрупкие фонари. На следующем был еще один туннель во тьму. И еще один. Потом комната, где орнаменты завораживающим образом завивались и переплетались. Шаллан и не осознавала, что сделала так много набросков. Она перелистала двадцать страниц, прежде чем нашла изображение Вуали.

Да, губы правильные. А вот телосложение – нет. Вуаль была поджарой и сильной, и сквозь ночную сорочку это не просматривалось. Все, что было ниже лица, слишком сильно напоминало тело Шаллан.

Кто-то постучался в деревянную тарелку, висевшую возле ее комнаты. Пока что дверью ей служила обычная занавеска. Многие двери в Уритиру с течением времени искривились, а дверь Шаллан была сорвана с петель, и она все еще ждала замены.

Стучалась, должно быть, Палона, которая заметила, что Шаллан снова пропустила ужин. Девушка резко вдохнула, уничтожая изображение Вуали и возвращая некоторое количество буресвета, потраченного на светоплетение.

– Входите, – сказала она.

По правде говоря, Палоне как будто было безразлично, что Шаллан теперь, шквал поberi, Сияющий рыцарь, – она продолжала по-матерински ее опекать во всех...

Вошел Адолин. В одной руке – большая тарелка с едой, а под мышкой другой – несколько книг. Он увидел ее и споткнулся, едва все не выронив.

Шаллан застыла, а потом взвизгнула и спрятала обнаженную защищенную руку за спину. Адолину даже не хватило приличия покраснеть, оттого что он застал ее почти голой. Он удержал тарелку в руке, восстанавливая равновесие, а потом широко улыбнулся.

– Вон! – вскричала Шаллан, взмахивая на него свободной рукой. – Вон, вон, вон!

Он неуклюже попятился через занавешенный вход. Буреотец! Румянец Шаллан, должно быть, сделался настолько ярким, что ее можно было бы использовать в качестве сигнала для отправки армии на войну. Она натянула перчатку, влезла в синее платье, которое висело на спинке стула, и застегнула рукав, потом завернула руку в защищающий кошель. Ей не хватило

присутствия духа, чтобы сперва надеть корсаж, – впрочем, на самом деле он ей и не требовался. Она пинком отправила его под одеяло.

– В свою защиту хочу заметить, – раздался из коридора голос Адолина, – что ты меня все-таки пригласила.

– Я думала, это Палона! – огрызнулась Шаллан, застегивая пуговицы на боку платья, что было непросто, ведь ее пальцы покрывали три слоя ткани.

– Могла бы, знаешь ли, проверить, кто стоит у твоего порога.

– Не сваливай все на меня. Это ты врываешься в спальни молодых женщин почти без предупреждения.

– Я стучал!

– Стук был женский.

– Он был... Шаллан!

– Ты стучал одной рукой или двумя?

– Я несу шквальное блюдо с едой – для тебя, хочу заметить. Конечно, я стучал одной рукой. И честное слово, разве кто-то стучит двумя?

– Тогда это было весьма по-женски. Адолин Холин, я-то думала, прикидываться женщиной, чтобы мельком увидеть девушку в нижнем белье, ниже твоего достоинства!

– О, ради Преисподней, Шаллан! Ну теперь-то я могу войти? И просто чтобы не было между нами недопонимания, я мужчина и твой жених, меня зовут Адолин Холин, я родился под знаком девяти, у меня родимое пятно на задней стороне левого бедра, и на завтрак я ел крабовый карри. Что-нибудь еще хочешь знать?

Она выставила голову в коридор, туго затянув ткань вокруг шеи.

– На задней стороне бедра, хм? Что должна сделать девушка, чтобы мельком увидеть такое?

– Ясное дело, постучать в дверь по-мужски.

Она улыбнулась ему:

– Подожди секундочку. Это платье – просто кошмар какой-то.

И снова нырнула в комнату.

– Ну да, ну да. Можешь не торопиться. Я не стою тут, держа тяжелое блюдо с едой и нюхая его после того, как пропустил ужин, потому что хотел перекусить с тобой.

– Для тебя это хорошо, – отозвалась Шаллан. – Помогает набрать силу или что-то в этом духе. Разве ты не этим занимаешься? Душишь камни, стоишь на голове, швыряешься валунами.

– Да, у меня немало задушенных камней спрятано под кроватью.

Шаллан схватила платье зубами за воротник и туго натянула, чтобы быстрее разобраться с пуговицами. Или нет.

– Да что же это такое с женщинами и их нижним бельем, а? – спросил Адолин, и блюдо звякнуло, когда какие-то тарелочки на нем заскользили и столкнулись друг с другом. – Я хочу сказать, эта сорочка прикрывает в основном те же части, что и строгое платье.

– Дело в приличиях, – пробубнила Шаллан, сжимая зубами ткань платья. – Кроме того, кое-какие штуки имеют обыкновение выделяться под сорочкой.

– И все равно это какие-то капризы, по-моему.

– О, так мужчины не капризны в том, что касается нарядов? Униформа – это же практически то же самое, что и любая куртка, верно? Кроме того, разве не ты целыми днями изучаешь модные фолио?

Он усмехнулся и начал отвечать, но Шаллан наконец-то оделась и отдернула занавеску. Адолин, прислонившийся к стене коридора, впился в нее взглядом – в ее растрепанные волосы и платье, на котором она пропустила две пуговицы, ее зардевшиеся щеки. Потом одарил ее туповатой улыбкой.

Очи Эш... он действительно считает ее красивой. Этому чудесному, благородному мужчине действительно нравится быть рядом с ней. Она совершила путешествие до древнего города Сияющих рыцарей, но по сравнению с расположением Адолина все достопримечательности Уритиру были тусклыми сферами.

Она ему нравилась. И он принес ей еду!

«Не вздумай все испортить», – приказала Шаллан самой себе, забирая книги, которые Адолин держал под мышкой. Она шагнула в сторону, позволяя ему войти и опустить поднос на пол.

– Палона упомянула, что ты не поела, а потом узнала, что и я пропустил ужин. Ну и вот...

– Она послала тебя со всем этим изобилием, – договорила Шаллан, окидывая взглядом поднос, заставленный блюдами, плоским хлебом и раковинами с закусками.

– Ага, – подтвердил Адолин, почесывая голову. – Кажется, это что-то гердазийское.

Шаллан осознала, насколько она голодна. Девушка собиралась перекусить в одной из таверн сегодня вечером, когда пойдет на разведку, надев личину Вуали. Эти таверны открылись на главном рынке, невзирая на попытки Навани выдворить их в другое место, и трактирщики Себариаля предлагали множество самой разнообразной еды.

Теперь, увидев перед собой все это... ну что ж, она выкинула мысли о приличиях, села на пол и принялась ложку за ложкой поедать водянистый карри с овощами.

Адолин остался стоять. В этой синей униформе старший сын Далинара и впрямь выглядел элегантно, пусть она и не видела его в другой одежде. «Родимое пятно на бедре, ну да...»

– Тебе придется сесть на пол, – известила его Шаллан. – У меня пока нет стульев.

– Я вдруг понял, – пробормотал он, – что это твоя спальня.

– И салон, и гостиная, и столовая, и комната, про которую «Адолин говорит очевидные вещи». Она весьма многогранна, эта моя единственная комната. А что?

– Мне просто интересно, насколько это в рамках приличий, – признался он и по-настоящему покраснел, что было очаровательно. – Мы ведь здесь одни.

– И вот теперь ты решил побеспокоиться о приличиях?

– Ну, мне недавно прочитали лекцию по этому поводу.

– Это была не лекция, – возразила Шаллан и попробовала одно из блюд. Вкус суккулентов наполнил ее рот, принес ту восхитительную острую боль и смесь ароматов, какие получаешь только от первого укуса чего-то сладкого. Она закрыла глаза и улыбнулась, смакуя.

– Значит... не лекция? В той отповеди крылось нечто большее?

– Прости, – поправилась она, открывая глаза. – Это не была лекция, это было творческое применение моего языка, чтобы отвлечь тебя. – Глядя на его губы, она подумала, что языку найдется и другое творческое применение... – Ну да, ну да. – Она перевела дух. – Было бы и впрямь неуместно, окажись мы одни. К счастью, это не так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.